КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ОКТЯБРЬ

1898 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 8 октября 1898 **года.**

Вниманію господъ ІЮДИНЫХЪ,

ихъ родственниковъ по боковымъ и женскимъ линіямъ,

ИХЪ ЗНАКОМЫМЪ.

Подготовивъ къ печати собиравшійся въ теченіи многихъ лѣтъ матеріалъ о родѣ **Костромичей Іюдиныхъ**, оказавшійся интереснымъ въ историческомъ и бытовомъ отношеніяхъ, восходящій по городу **Чухломѣ** до 1615 года и желая возможныхъ къ нему дополненій, покорнѣйше прошу всѣхъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи относящуюся къ названному роду письменность: акты, документы, письма, дневники и проч., книги съ надписями: «Изъ библіотеки Чухломскаго купецкаго сына **Михайла Іюдина**», равно портреты, виды Чухломы и разныхъ мѣстъ какъ Костромской, такъ и другихъ губерній, гдѣ проживали **Іюдины** или ихъ родные, прислать на короткое время нижеподписавшемуся для снятія копій, послѣ чего присланное будетъ возвращено по принадлежности. Желающіе уступить подлинные документы и проч. въ нашу собственность приглашаются, вмѣстѣ съ присылкою предлагаемаго, заявить объ условіяхъ продажи. Адресъ въ г. **Красноярскъ**, Енисейской губерніи, Геннадію Васильевичу Юдину

Затѣмъ считаю не лишнимъ пояснить, что нѣкоторые томы предполагаемаго изданія, имѣющіе исключительно семейный интересъ, въ продажу не поступятъ и предназначаются лишь для раздачи **наличнымъ членамъ нашего рода и другимъ лицамъ**, благосклонно способствовавшимъ издателю къ собиранію фамильной старины.

Въ крайнемъ случаѣ т. е. при полномъ отсутствіи не только письменныхъ, но устныхъ преданій или воспоминаній о комъ-нибудь изъ нашего рода, полезно будетъ даже указаніе, къ кому было бы мнѣ можно обратиться съ своими поисками.

Г. В. Юдинъ (Іюдинъ).

И. П. КОТЛЯРЕВСКІЙ ВЪ СВѢТѢ КРИТИКИ.

(*Окончаніе* [1]).

III.

Въ предыдущей главѣ мы разсмотрѣли произведенія Котляревскаго безотносительно къ ихъ какому-бы то ни было вліянію на общество. Мы только старались показать, насколько состоятельны они съ точки зрѣнія художественности и насколько справедлива оцѣнивавшая ихъ съ этой стороны критика. Но въ той-же критикѣ Котляревскаго, имѣвшей мѣсто вплоть до нашихъ дней, кромѣ художественнаго значенія его произведеній, отмѣчалось еще *историческое*, понимаемое однако различно. Впрочемъ, подробно этотъ пунктъ не былъ развитъ никѣмъ; замѣтки объ историческомъ значеніи Котляревскаго имѣютъ у различныхъ изслѣдователей именно только форму замѣтокъ, и потому всѣ толки по данному вопросу должны быть развиты болѣе подробно. Историческое значеніе произведеній Котляревскаго многосторонне, ибо, по многимъ причинамъ, они явились въ крайне тяжелыя минуты украинской національности и потому должны были имѣть не только литературную цѣнность. Въ чемъ заключалась ширина этого значе-

*) См. Кіев. Ст. 1898 г. № 9.

нія его произведеній, можетъ быть обнаружено только далеко ниже, ибо предварительно необходимо намѣтить тѣ пункты или стороны, которыхъ въ жизни могли касаться созданія нашего поэта. Главное историческое значеніе Котляревскаго имѣло мѣсто въ двухъ направленіяхъ: культурномъ и соціальномъ. О соціальной важности его произведеній мы въ настоящей статьѣ говоритъ не будемъ: эта сторона его значенія будетъ имѣть больше смысла въ томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ разсматриваться личность и поэзія Котляревскаго въ связи съ современной имъ соціальной средой. Теперь-же мы займемся выясненіемъ культурной стороны его историческаго значенія, имѣвшей мѣсто, во первыхъ, благодаря художественности его поэзіи, а во вторыхъ, благодаря украинско-національной ея формѣ. Какъ всякое художественное созданіе, эта поэзія имѣла, конечно, прежде всего значеніе эстетическое: она возбуждала въ обществѣ чувство красоты и такимъ образомъ удовлетворяла эстетическимъ стремленіямъ читателей. Боги, наряженные въ украинскую одежду, заставляли наше общество добродушно смѣяться; такъ-же точно украинизированные герои Энеиды возбуждали въ читателяхъ то смѣхъ, то сожалѣніе; сатирически изображенные типы ада привлекали къ себѣ справедливую насмѣшку жертвъ ихъ изъ народа; наоборотъ, сочувственныя народу картины рая вызывали въ немъ чувство удовлетворенія. Такимъ-же образомъ положительные типы „Наталки" доставляли наслажденіе то благородными своими поступками, то возбужденіемъ чувства состраданія. Отрицательные ея типы, художественно представлявшіе національные пороки, возбуждали чувство негодованія или, наоборотъ, раскаянія и такимъ образомъ культивировали духовную сторону націи. Равнымъ образомъ, красота изображенія положительныхъ типовъ „Москаля" затрагивала возвышенные порывы націи, еще болѣе укрѣплявшіеся при созерцаніи осмѣиваемыхъ поэтомъ Фынтыковъ. Всѣ эти эмоціи неминуемо вызывались въ душѣ читателей рядомъ съ чувствомъ красоты, удовлетворявшейся прекрасными изображеніями типовъ. Послѣдніе имѣли потому облаго-

раживающее значеніе, вызванное эстетическимъ вліяніемъ. Теперь, конечно, сила послѣдняго утратилась, благодаря болѣе развитымъ эстетическимъ потребностямъ, но все-таки, и при большой требовательности, въ произведеніяхъ Котляревскаго есть многое, имѣющее и теперь большое эстетическое значеніе именно въ силу ихъ художественности. Если же таковыми являются они даже теперь, то тѣмъ большую важность должны они были имѣть въ свое время, когда эстетическій вкусъ былъ развитъ не такъ, какъ нынче, и требованія его были, слѣдовательно, меньше. Фактъ широкаго распространенія произведеній Котляревскаго въ его время подтверждаетъ нашу мысль вполнѣ.

Вспоминая, затѣмъ, мнѣніе Данилевскаго о Котляревскомъ, какъ о поэтѣ-двигателѣ, мы считаемъ его вѣрнымъ, помимо всякихъ даже прогрессивныхъ тенденцій творчества Котляревскаго и основываясь только на эстетическомъ его вліяніи. Художественность его произведеній, возбуждая въ читателяхъ эмоцію красоты, вызывала вмѣстѣ съ тѣмъ и укрѣпляла чувство благороднаго негодованія и справедливаго сочувствія. Въ этомъ и заключается общечеловѣческое значеніе произведеній нашего поэта. Но еще большее значеніе пріобрѣли эти послѣднія въ силу ихъ украинской національной формы. Появленіе ихъ въ украинской одеждѣ составило въ культурномъ нашемъ развитіи цѣлую эпоху, весьма прогрессивную по сравненію съ прошедшимъ и служащую исходной точкой для будущаго. Главная заслуга въ этомъ отношеніи Котляревскаго та, что послѣдній, какъ признается теперь всѣми, явился творцомъ новѣйшей украинской литературы, и эта его роль заслуживаетъ особеннаго вниманія. Для этой новой оцѣнки Котляревскаго, которая должна основываться на историко-литературныхъ данныхъ, проф. Петровъ попытался сравнить его произведенія съ предшествовавшей поэту украинской литературой, надѣясь, что такимъ путемъ значеніе Котляревскаго въ исторіи литературы выяснится само собою. Къ сожалѣнію, проф. Петровъ, какъ это указалъ и проф. Дашке-

вичъ, выполнилъ свою задачу не вполнѣ удачно: онъ упустилъ изъ виду важные литературные факты, которые историко-литературное значеніе Котляревскаго выясняютъ болѣе опредѣленно. Желая восполнить недостатки сравненія проф. Петрова, указанные проф. Дашкевичемъ, мы постараемся историко-литературное значеніе произведеній Котляревскаго освѣтить подробнѣе. Для этой цѣли необходимо, конечно, указать, подобно проф. Петрову, тѣ литературныя теченія того времени, изъ которыхъ могло сложиться творчество Котляревскаго; только такимъ путемъ и можно болѣе или менѣе вѣрно опредѣлить цѣнность этого творчества, какъ историко-литературнаго факта. Постараемся это сдѣлать, помня, что въ данномъ случаѣ необходимо брать во вниманіе какъ содержаніе, такъ и разнообразную форму разсматриваемыхъ произведеній. Очевидно, что рѣшеніе данной задачи совпадаетъ съ вопросомъ о генезисѣ каждаго въ отдѣльности произведенія Котляревскаго, и прежде всего его Энеиды.

Какъ извѣстно, съ прошлаго вѣка начинается особенное сближеніе Украйны съ Великороссіей, отражающееся, между прочимъ, и въ литературѣ. Съ одной стороны, продолжается въ Украйнѣ книжная литература, воспроизводящая, впрочемъ, все-болѣе и болѣе явленія общерусской жизни и воспринимающая литературный языкъ русскій, благодаря чему наша литература шла къ растворенію въ литературѣ русской и къ отдаленію отъ національнаго творчества; въ этомъ крылась ея постепенная гибель, которая была-бы неминуемой, если-бы наше поэтическое творчество шло только въ духѣ книжныхъ оды, элегіи и драмы. Къ счастью, съ другой стороны, въ поэзіи украинцевъ по прежнему продолжалась жизненная струя, отражающаяся главнымъ образомъ въ творчествѣ или народномъ, или въ духѣ народнаго, благодаря чему и въ произведеніяхъ книжныхъ замѣчается уже струя жизненно-народная, въ видѣ извѣстныхъ интерлюдій, сценъ и даже искусственныхъ лирическихъ пѣсенъ, вродѣ стихотвореній Климовскаго. Но если этотъ народный

отъ народной жизни далекую, то, очевидно, въ сферѣ народнаго творчества онъ долженъ былъ властвовать всесильно. И въ самомъ дѣлѣ, послѣднее въ лицѣ наиболѣе одаренныхъ своихъ представителей и въ 18 в. не замолкло. Продолжается прежде всего украинская пѣсенная поэзія, культивируется своеобразный эпосъ, въ родѣ Легенды о Маркѣ, распространяется вертепъ, вирши, причемъ все это носитъ характеръ украинско-народный, какъ въ содержаніи, такъ и формѣ. Эта народная черта въ конгломератѣ творчества Украины имѣла, какъ мы сказали, столь сильное распространеніе и вліяніе, что проникала даже въ чопорную литературу книжниковъ. Третьимъ литературнымъ теченіемъ на Украйнѣ, вліявшимъ на ея книжную литературу, была литература русская. Политическое единство обѣихъ славянскихъ народностей—украинской и русской—принуждало украинцевъ поневолѣ знакомиться съ русской литературой и усваивать ея содержаніе и формы. Дѣло доходило даже до того, что украинцы переходили на великорусско-литературную почву и содѣйствовали развитію чуждой имъ литературы; такъ поступили, напримѣръ, Богдановичъ и Капнистъ въ своихъ даровитыхъ произведеніяхъ 18 вѣка, а Гнѣдичъ въ 19-мъ вѣкѣ. Четвертымъ литературнымъ вліяніемъ въ Украинѣ было западно-европейское, воспринимавшееся нами, какъ указываетъ проф. Дашкевичъ, или непосредственно, или, по замѣчанію проф. Петрова, черезъ русскую опять таки литературу. Къ какому изъ этихъ вліяній примыкаетъ творчество Котляревскаго, остается пока невыясненнымъ, хотя въ своей первой работѣ проф. Дашкевичъ далъ по этому поводу драгоцѣнныя замѣчанія. Позьзуясь этими замѣчаніями, какъ и указанными нами прежде фактами изъ самихъ произведеній Котляревскаго, мы можемъ опредѣлить эволютивную связь послѣднихъ съ тѣмъ или другимъ изъ упомянутыхъ теченій довольно опредѣленно. Остановимся прежде на генезисѣ литературнаго состава „Энеиды". По своему содержанію, эта послѣдняя представляетъ народно-національное произведеніе, изображающее украинскую жизнь 18-го вѣка; по литературной формѣ она является паро-

діей на классическую тему. Какъ Котляревскій могъ додуматься до идеи изобразить картину народной жизни и притомъ въ совершенно народной одеждѣ, кончая даже языкомъ? Какое изъ указанныхъ теченій могло на него повліять такъ сильно, что онъ на это изображеніе украинской жизни отдалъ почти полъ-жизни? Отвѣтъ на это даетъ рядъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ самой Энеиды и весьма удачно приводимыхъ и проф. Дашкевичемъ. На это указываетъ, между прочимъ, и профессоръ Петровъ, возводя содержаніе Энеиды главнымъ образомъ къ нашимъ интерлюдіямъ. Къ сожалѣнію, историкъ литературы не обратилъ даже надлежащаго вниманія и на приводимое имъ предположеніе о связи произведеній Котляревскаго, и въ частности его Энеиды, съ нашими интерлюдіями. Въ силу этого вышло, что украинская литература въ лицѣ Котляревскаго повторяетъ только зады литературы русской и есть часть ея,—мысль совершенно неправильная и фактами опровергаемая. И этой невѣрной мысли не было-бы, въ особенности тогда, если-бы историкъ зналъ одни факты и не игнорировалъ другихъ, имѣющихъ самую тѣсную связь съ Энеидой. Дѣло, во первыхъ, въ томъ, что, по достовѣрному показанію всѣхъ біографовъ, Котляревскій для своей Энеиды дѣятельно изучалъ народную жизнь, доказательствомъ чего служитъ хотя-бы сборникъ его пословицъ и тѣ этнографическія данныя, которыя онъ сообщалъ Бантышъ-Каменскому. Результатъ этого изученія обнаружился самымъ блестящимъ образомъ, такъ какъ Энеида Котляревскаго вышла этнографической до мелочей. А разъ фактъ изученія поэтомъ народа можетъ считаться неопровержимымъ, то нужные выводы сдѣлать отсюда не трудно. Среди этого изученія, поэтъ неминуемо долженъ былъ столкнуться съ произведеніями или народнаго творчества, или изображающими народную жизнь,—и это обстоятельство должно было на литературную дѣятельность поэта оказать рѣшающее вліяніе. Съ какими-же народоописательными произведеніями могъ столкнуться на селѣ Котляревскій? На это у насъ имѣются положительныя данныя. Прежде всего поэтъ обязательно встрѣтился съ народной лирикой или

эпосомъ, въ видѣ бытовыхъ пѣсенъ или историческихъ думъ, о которыхъ онъ и дѣлаетъ упоминаніе въ Энеидѣ. Этотъ родъ народнаго творчества непремѣнно повліялъ какъ на самое народное содержаніе его пародіи, такъ и на ея языковую форму, также блистающую своей народностью. Въ такомъ-же направленіи должны были подѣйствовать на поэта различныя народныя повѣрія, также упоминаемыя въ Энеидѣ, напримѣръ—повѣрья о „вирії", „кобылячій голови" и т. д.

Самый образъ украинскаго Харона взятъ изъ народныхъ сказокъ, гдѣ мы находимъ такъ-же точно обрисованный портретъ перевозчика. Всѣ такія произведенія народнаго творчества на народное направленіе Энеиды должны были имѣть положительное вліяніе. Но пѣсенный и сказочный матеріалъ не былъ единственнымъ стимуломъ, давшимъ поэту направленіе чисто народное. Въ литературѣ имѣются данныя, свидѣтельствующія о существованіи народныхъ юмористическихъ разсказовъ, образецъ которыхъ напечаталъ когда-то Кулишъ [1]). Юмористическій тонъ ихъ совершенно тождественъ съ юморомъ Энеиды, и это показываетъ, что Котляревскій несомнѣнно зналъ такіе разсказы, равно какъ и анекдоты, о которыхъ упоминаетъ и Савиновъ. А разъ это такъ, то, помимо содержанія, самый юмористическій тонъ разсказовъ долженъ былъ имѣть на творчество нашего поэта вполнѣ націонализирующее вліяніе. Но и всѣмъ этимъ матеріалъ для его творчества еще не ограничивается. Народный вертепъ, совпадающій въ интерлюдіяхъ съ книжными драмами, представлялъ для украинскаго бытописателя опять-таки богатый матерьялъ. Вертепъ во второй половинѣ прошлаго вѣка былъ очень распространенъ и любимъ всѣми слоями народа, на что указываетъ, напримѣръ, и П. И. Житецкій [2]). Да его и было за что любить, такъ какъ народныя сцены въ вертепѣ, исполненныя необычайнаго комизма, представляли живѣйшій интересъ.

---

[1]) Кулишъ—Записки о южной Руси, т. І-й „Очакивська бида".

[2]) Кіевская Старина 1892 г. Май.

Съ вертепомъ, безъ сомнѣнія, былъ знакомъ и Котляревскій, ибо упоминаетъ о немъ въ Энеидѣ, а въ такомъ случаѣ онъ не могъ, при своемъ настроеніи и юмористическомъ талантѣ, не проникнуться жизненностью и комизмомъ народныхъ его сценъ. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти факты показываютъ ясно, что ко времени созданія Энеиды молодой поэтъ находился въ атмосферѣ народнаго поэтическаго творчества и что только содержаніе послѣдняго, и ничто больше, могло обусловить собой Энеиду, какъ картину украинской жизни. Слѣдовательно, остается вполнѣ логически предположить, что нашъ поэтъ въ своей Энеидѣ явился продолжателемъ народнаго творчества,—и въ отношеніи содержанія ея наше предположеніе будетъ близкимъ къ истинѣ, ибо оно подтверждается слѣдующими фактами. Съ самаго начала прошлаго вѣка различные украинскіе писатели такъ или иначе обращаются къ народной поэзіи и пользуются ею въ большей или меньшей степени. Такъ напримѣръ, народный элементъ входитъ уже въ драмы Довгалевскаго и Г. Конисскаго; Климовскій, Калнышъ и Сковорода прямо подражаютъ народному творчеству въ своихъ лирическихъ произведеніяхъ; наконецъ, народный элементъ въ полной силѣ проявляется въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Діалогъ или разговоръ пастырей“ 1750 г. или сцены „Ярмарокъ“ и „Исповѣдь“ 1789 г.— І. Некрашевича [1]). Тоже самое наблюдается и во всякихъ поздравительныхъ виршахъ, сочиняемыхъ болѣе культурными слоями народа. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ живо чувствуется потребность воспроизводить народную жизнь на народномъ языкѣ и по возможности избѣгать книжной рутины. Очевидно, національная жизнь брала свое: національная эстетика требовала жизни и въ художественныхъ созданіяхъ, и наиболѣе народныя души среди украинскихъ писателей этимъ требованіямъ по мѣрѣ силъ удовлетворяли.

Такимъ образомъ, Энеиду Котляревскаго можно поставить въ связь уже съ приведенными попытками воспроизводить на-

[1]) Петровъ—Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в.—ст. 131.

родную жизнь въ книжныхъ произведеніяхъ. Но мы для Энеиды можемъ установить еще тѣснѣйшую связь, фактъ которой освѣщаетъ довольно ясно и самое появленіе новѣйшей украинской литературы. Къ счастью для науки, до насъ дошло записаное стихотворное переложеніе легенды о Маркѣ, относящееся ко второй половинѣ 18-го вѣка и имѣющее огромное значеніе [1]). Большое это стихотвореніе представляетъ обработку одного изъ эпизодовъ о Маркѣ,—нашемъ „Вѣчномъ жидѣ",—именно о схожденіи его въ адъ. Стихотвореніе это имѣетъ для насъ значеніе не по своему содержанію, имѣющемуся и въ народныхъ сказаніяхъ, а именно какъ фактъ литературной обработки народнаго сюжета на украинскомъ языкѣ. Упомянутое переложеніе принадлежитъ, безъ сомнѣнія, человѣку, искусившемуся въ книжной литературѣ, но это обстоятельство важно тѣмъ болѣе. Оно показываетъ особенно ярко, что украинсконаціональное творчество не погасало никогда и что къ концу 18-го вѣка оно проявляется съ особенной силой, вліяя даже и на писателей книжниковъ. Какое же значеніе имѣетъ все это для начала новѣйшей украинской литературы? Значеніе это, намъ кажется, ясно: стихотвореніе о Маркѣ показываетъ, что къ концу прошлаго вѣка назрѣла настоятельная потребность въ очищеніи украинской литературы отъ всякой рутины и неестественности, замѣчаемыхъ въ литературѣ книжной. Рядъ попытокъ, выражающихъ реакцію этой литературной безжизненности, продолжается, какъ мы сказали, въ теченіе всего 18-го вѣка и кристаллизируется особенно выразительно въ упомянутомъ нами стихотвореніи. Но всѣ эти попытки, не исключая и послѣдней, при всей прогрессивности содержанія и языковой формы, по литературному своему складу все-таки вращаются въ кругѣ прежнихъ произведеній и за предѣлы ихъ не выходятъ. Впрочемъ, послѣднее не такъ важно,—для насъ болѣе знаменательно самое обстоятельство, что рядомъ съ „творчествомъ" книжно-схоластическимъ шло оппозиціонное ему творчество въ

---

[1]) Кіевская Старина 1885 г. Августъ. стр. 684—692.

духѣ народномъ. Фактовъ для подтвержденія нашей мысли, сходной съ воззрѣніями на этотъ счетъ г. Зуйченка и проф. Дашкевича,—пока не очень много; всѣ они, какъ думаетъ и проф. Петровъ, еще впереди,—но и приведенныхъ нами примѣровъ все таки достаточно, чтобы мысль о неугасаніи самобытнаго творчества 18 в. высказывать довольно положительно. Имѣя этотъ выводъ въ рукахъ, легко уже опредѣлить связь и значеніе нашей Энеиды по сравненію съ предыдущими самобытно-украинскими произведеніями. Котляревскій зналъ народное творчество и книжно-народныя произведенія, достигшія въ легендѣ о Маркѣ своего апогея, и долженъ былъ подчиниться всемогущимъ требованіямъ жизни, имѣвшимъ отношеніе къ литературѣ. Истинно-національное творчество, при всѣхъ препятствіяхъ къ развитію, все-таки шло впередъ все больше и дошло, наконецъ, до такой степени, что должно было перейти къ новой стадіи развитія. Долженъ лишь былъ найтись человѣкъ, который-бы безсознательно выполнилъ эту высокую культурную миссію. Такимъ человѣкомъ и явился Котляревскій, выросшій на почвѣ народнаго творчества и положившій послѣднее въ основу своихъ произведеній.

Фактъ этой близости Энеиды къ народнымъ произведеніямъ весьма знаменателенъ: онъ показываетъ ясно, что первое произведеніе Котляревскаго явилось не какимъ-то скачкомъ отъ русской литературы къ украинской, а по отношенію къ предыдущей литературѣ развилось вполнѣ органически и потому примѣромъ эволюціи нашей литературы можетъ стать въ высокой степени. Выводъ отсюда ясный: по своему содержанію, новѣйшая украинская литература стоитъ въ тѣсной связи съ произведеніями книжно-народными той же литературы 18-го вѣка, и потому она есть явленіе вполнѣ самобытное. Съ другой стороны очевидно, что основнымъ элементомъ въ Энеидѣ Котляревскаго была не чужая литературная тенденція, вродѣ русской, а исключительно народно-украинская. Такимъ-же образомъ не имѣютъ отношенія къ содержанію нашей Энеиды ни западно-европейскія, ни украинско-схоластическія теченія того-же

18-го вѣка. Своему народному содержанію украинская новѣйшая литература обязана только самой себѣ. Итакъ, одно изъ вліяній на Энеиду Котляревскаго установлено: оно по характеру чисто народное. Поищемъ другихъ явленій, если только они въ данномъ пунктѣ существуютъ. На чужое вліяніе можетъ указывать направленіе нашей Энеиды, обусловившей литературную форму ея, какъ пародіи. Въ этомъ обстоятельствѣ Петровъ видитъ реакцію псевдо-классицизму и въ силу этого полагаетъ, что Энеида тянется вслѣдъ за такимъ-же направленіемъ въ литературѣ русской. Оба эти мнѣнія историка кажутся намъ совершенно несостоятельными и бездоказательными. Въ чемъ сказывается въ Энеидѣ реакція псевдо-классицизму, совершенно непонятно; неужели только въ томъ, что Энеида есть пародія на классическую тему? Но вѣдь однако этого очень мало... Что поэтъ нашъ смѣется надъ классическими типами, даже имѣя въ виду, можетъ быть, священное поклоненіе имъ въ семинаріяхъ,—это еще не реакція псевдо-классицизму и фактъ, во всякомъ случаѣ, малозначущій. Главной цѣлью поэмы было, какъ мы сказали, патріотическое стремленіе нарисовать украинское общество отчасти въ комическомъ видѣ. Элементъ смѣха занималъ въ данномъ стремленіи поэта немалое мѣсто, и потому форма пародіи могла для него оказаться одной изъ удобнѣйшихъ. Изображеніе боговъ и героевъ Энеиды въ украинской одеждѣ было само по себѣ уже комическимъ и впечатлѣнія юмора могло только усилить. Но тутъ и является вопросъ: что имѣлъ главнымъ образомъ въ виду нашъ поэтъ приступая къ Энеидѣ? потому ли онъ выбралъ послѣднюю, что могъ въ ней опровергать удобнѣе псевдо-классицизмъ, или-же осмѣяніе боговъ было только средствомъ для главной цѣли поэта, желавшаго отмѣтить смѣшныя стороны націи? Мы думаемъ, что въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто послѣднее, и что осмѣяніе боговъ и героевъ имѣло не какую-нибудь принципіальную цѣль, а только художественную—увеличить комизмъ произведенія, отмѣченнаго вообще глубокимъ юморомъ. Короче говоря, для Котляревскаго важно было не осмѣяніе *боговъ*, а только самый процессъ осмѣянія: таковы

были требованія его юмористическаго таланта. Въ подтвержденіе этого могутъ служить слѣдующія данныя.

Въ теченіе всего 18-го вѣка въ нашей литературѣ было два теченія: схоластически-книжное и книжно-народное вмѣстѣ съ народнымъ; оба эти теченія продолжались вплоть до конца 18 в., когда вмѣсто обѣихъ формъ книжной литературы явилась въ лицѣ Энеиды одна литература—народная, реформированная въ книжномъ духѣ. Выходитъ такимъ образомъ, что впродолженіе цѣлаго вѣка тянется борьба двухъ направленій въ литературѣ, которая закончилась только въ концѣ столѣтія,—фактъ, при взглядѣ проф. Петрова, крайне странный. По его заключенію, наша Энеида (являющаяся, какъ мы показали, продолженіемъ словесности народной съ примѣсью книжности), есть реакція псевдо-классицизму. Но чѣмъ-же тогда назвать Легенду о Маркѣ, или „Очакивську биду" или „Замыслъ на попа" [1]) или хотя-бы произведенія Климовскаго и Сковороды? Неужели и эти произведенія, восходящія постепенно къ самому началу столѣтія, также можно считать произведеніями „реакціи псевдо-классицизму"? Очевидно—нельзя, такъ-же точно, какъ невозможно считать интерлюдій въ драмахъ той-же реакціей псевдо-классицизму: эти интерлюдіи находились въ самыхъ схоластическихъ произведеніяхъ и, въ силу непонятныхъ причинъ, съ ними уживались.

Чѣмъ-же объяснить эту республику въ монархіи, эти народные оазисы въ псевдо-классическихъ пустыняхъ? Единственное объясненіе можетъ дать только идея органическаго развитія нашей литературы. Какъ извѣстно, оба упомянутыя теченія, какъ семинарско-классическая литература, такъ и реально-народная шли параллельно; такая параллельность возможна была только потому, что круги вліянія обоихъ направленій были эксцентрическіе, несоприкасавшіеся другъ съ другомъ. Книжно-схоластическая литература разсчитывала на ограниченную кучку

---

1) „Кіевская Старина" 1885 г., № 3. стр. 543—550.

высшихъ сословій; книжно-народная словесность, не говоря уже о народной, находила широкое распространеніе въ народѣ.

Стоя на почвѣ ложной, первая литература шла впередъ къ погибели,—наоборотъ, вторая, развиваясь органически, все болѣе прогрессировала и шла къ расцвѣту. Взаимное вліяніе обѣихъ литературъ было самое микроскопическое, притомъ относилось не къ содержанію ихъ, а къ формѣ; кругъ вліянія и самые сюжеты ихъ были совершенно различны, и потому обѣ онѣ могли существовать подъ однимъ украинскимъ небомъ, не сокрушаясь одна о другой. И вотъ, когда наша схоластическая литература пала или почти пала, книжно-народная словесность достигла апогея и потребовала уже болѣе прогрессивныхъ формъ для своего выраженія. Такую форму далъ ей Котляревскій. Нарисованная картина развитія обѣихъ литературъ можетъ теперь облегчить и доказательство того, что наша Энеида не могла даже имѣть намека на какую-бы то ни было реакцію схоластической литературѣ. Котляревскій, съ одной стороны, видѣлъ, что эта послѣдняя умираетъ, и потому, значитъ, реагировать ему было не на что. Съ другой-же стороны, онъ самъ вращался въ атмосферѣ народнаго творчества и настолько сознавалъ силу послѣдняго, что даже сознательно у него учился. Ясно, слѣдовательно, что поэтъ, при упомянутомъ положеніи литературныхъ дѣлъ, могъ чувствовать себя очень спокойно и не вдаваться ни въ какую реакцію: послѣдняя была бы возможна лишь тогда, еслибы въ украинской литературѣ только и гремѣлъ одинъ псевдоклассицизмъ, противъ котораго и нужно было-бы возстать во имя реализма. Но дѣло-то въ томъ, что этотъ послѣдній существовалъ у насъ въ такой степени, что даже врывался въ теплічныя семинарскія драмы,—очевидно, значитъ, что Котляревскому ломать было копій не изъ-за чего.

Все вышесказанное, такимъ образомъ, подтверждаетъ мысль, что наша Энеида не возникла вдругъ подъ русскимъ вліяніемъ, и притомъ для реагированья псевдо-классицизму, но развилась органически изъ книжно-народной украинской литературы реалистическаго направленія. Въ то время, когда появилась Энеида,

наша схоластическая литература уже пала и оказывать ей оппозицію было незачѣмъ. Но чѣмъ-же однако обусловлено появленіе Энеиды, помимо реакціи псевдо-классицизму? Намъ это кажется вполнѣ яснымъ, особенно, если привлечь къ дѣлу Энеиду Осипова. Дѣло въ томъ, что въ русской литературѣ псевдо-классическое направленіе расцвѣсти не успѣло, да и не могло, и уже во второй половинѣ прошлаго вѣка водворилось въ ней реально-сатирическое направленіе, какъ въ комедіяхъ Екатерины II-й, такъ и въ произведеніяхъ фонъ-Визина и особенно въ сатирическихъ журналахъ Новикова.—За ними послѣдовали произведенія Аблесимова, Капниста, Богдановича и другихъ, гдѣ уже литература пришла къ изображенію жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстной степени, напримѣръ въ одахъ, присутствовалъ псевдо-классическій элементъ, который, впрочемъ, силы не имѣлъ. Ода главнымъ образомъ имѣла мѣсто въ придворныхъ кругахъ и, отличаясь совсѣмъ не литературными цѣлями, не могла и воздѣйствовать на прочія литературныя произведенія, которыя мы назвали выше. Поэтому существованіе ея при этихъ произведеніяхъ совсѣмъ не имѣло того значенія, какое пріобрѣла, напримѣръ, впослѣдствіи стѣснительная для литературы политика Екатерины II-й и Павла, убивавшая всякую свободу мысли. Итакъ, если русская литература въ описываемый періодъ и могла отъ чего-нибудь страдать, то ужъ никакъ не отъ псевдо-классицизма, не имѣвшаго тогда значенія. Наоборотъ, псевдо-классицимъ одной своей стороной даже имѣлъ благотворные результаты, способствуя распространенію болѣе жизненныхъ комическихъ оперъ и поэмъ. Къ числу послѣднихъ нужно отнести произведенія въ родѣ „Раздраженнаго Вакха“ Майкова или „Душеньки“ Богдановича. По такимъ произведеніямъ можно заключить, что авторы не только не задавались какою-бы то ни было цѣлью реагировать псевдо-классицизму, но даже заимствовали у послѣдняго его комизмъ.

Къ такимъ именно произведеніямъ слѣдуетъ отнести и пародію Осипова и Котляревскаго (1791—1808). Осиповъ особенно подтверждаетъ это тѣмъ, что заимствовалъ свои остроты

у нѣмца Блумауэра и потому именно и выбралъ для себя Энеиду, что въ ней могъ сколько-угодно посмѣяться. Но если Осиповъ примкнулъ къ теченію, чуждому русской литературѣ и имѣвшему корни именно въ литературѣ псевдо-классической, то относительно Котляревскаго можно сказать еще большее, показывающее, что никакихъ реакцій псевдо-классицизму онъ не могъ имѣть въ виду. Какъ вѣрно замѣчаетъ и проф. Дашкевичъ, Котляревскій жилъ въ сферѣ украинскихъ произведеній, комически воспроизводившихъ извѣстныя стороны жизни, и воспитался, между прочимъ, и на этихъ произведеніяхъ. Самъ проф. Петровъ признаетъ за фактъ, что до Котляревскаго существовали такія произведенія, только не обратилъ на него, къ сожалѣнію, надлежащаго вниманія, а потому и причислилъ Котляревскаго къ тому направленію, къ которому неправильно отнесъ и русскую Энеиду. Мы на данный фактъ смотримъ совершенно иначе и потому на направленіе, выражающееся въ нашей Энеидѣ, также должны взглянуть другими глазами. Будучи реалистической по содержанію, украинская Энеида все-таки отличается комизмомъ изложенія и въ силу этого примыкаетъ къ комическимъ произведеніямъ украинской литературы, вродѣ хотя-бы вертепныхъ интерлюдій. Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ, она является вполнѣ самобытнымъ произведеніемъ, лишеннымъ всякаго „иностраннаго" вліянія. Тотъ фактъ, что нашъ поэтъ держался канвы русской Энеиды и что избралъ форму пародіи въ зависимости отъ послѣдней, не имѣетъ никакого значенія: подражаніе русскому образцу есть чисто формальное, а кабацкій оттѣнокъ русской Энеиды мало имѣетъ общаго съ грубоватымъ юморомъ Энеиды украинской. Самый-же фактъ пользованія Котляревскаго русской Энеидой объясняется именно только тѣмъ, что нашъ поэтъ подготовленъ уже былъ къ такому выбору всей предшествовавшей украинской литературой и собственнымъ юмористическимъ талантомъ. Въ виду этого лишь онъ и выбралъ смѣхотворную русскую Энеиду, остроуміемъ которой даже не разъ пользовался. Въ этой-только формѣ онъ и могъ дать широкую картину народной жизни и показать весь народный юморъ.

Форма Энеиды особенно была удобна для такой цѣли и объ этой формѣ самъ поэтъ могъ думать и безъ Осипова. Извѣстно вѣдь, что въ „книжныхъ" сферахъ Украйны Энеида Вергилія, особенно со времени Ѳеофана Прокоповича, пользовалась большимъ почетомъ. Особенное-же впечатлѣніе могла она производить на Котляревскаго, который, по правильному замѣчанію Ст.-Каминскаго, могъ проводить въ ней аналогію съ бурной исторіей роднаго народа. Въ виду этого нашъ поэтъ, какъ показываетъ примѣръ Легенды о Маркѣ, обязательно долженъ былъ начать новѣйшую литературу съ украинской эпопеи, вродѣ римской Энеиды. Мысль о такой эпопеѣ могла таиться въ его душѣ еще до появленія русской пародіи, но когда явилась послѣдняя, то сокровенные замыслы его сразу должны были получить надлежащее направленіе. Поэтъ плѣнился русской Энеидой и, какъ-бы по рекомендаціи Прокоповича, рѣшилъ создать такую-же Энеиду украинскую съ комическимъ оттѣнкомъ.

Такимъ образомъ, русскій образецъ сыгралъ здѣсь роль чисто-пассивную; онъ только окончательно опредѣлилъ ту форму, въ которой должны были вылиться довольно опредѣленныя тенденціи Котляревскаго, сложившіяся далеко раньше. Совпаденіе-же съ псевдо-классическими образцами обоихъ славянскихъ произведеній показываетъ особенно ясно, что послѣднія совсѣмъ не стояли въ оппозиціи съ псевдо-классицизмомъ, а наоборотъ—даже пользовались его формами въ положительныхъ цѣляхъ. Слѣдовательно, въ первомъ случаѣ проф. Петровъ не правъ; а разъ это такъ, то не правъ онъ, значитъ, и въ томъ, что наша пародія реагируетъ псевдо-классицизму подъ вліяніемъ русской литературы. Это его замѣчаніе опровергается, думаемъ мы, уже тѣмъ, что украинская Энеида не является вовсе никакой реакціей псевдо-классицизму, а также особенно тѣмъ, что комизмъ и реализмъ ея развился внѣ русской литературы.

Итакъ, новѣйшая украинская литература со стороны матерьяльной не обязана литературѣ русской ничѣмъ. Но неужели послѣдняя не повліяла на Энеиду Котляревскаго совершенно? Нѣтъ, не повліять она не могла, что видно и на украинской

пародіи, но только это вліяніе было чисто-формальное. Сравнивая обѣ славянскія передѣлки римской поэмы, мы находимъ въ нихъ общаго только одинъ стихотворный размѣръ—исключительно тоническій, въ книжно-народной украинской версификаціи почти отсутствующій. Подобно своимъ предшественникамъ (Богдановичу, Капнисту), Котляревскій дѣйствительно заимствовалъ и укрѣпилъ тонизмъ въ нашей литературѣ, пользуясь русскимъ образцомъ; но въ этомъ фактѣ нѣтъ, однако, и намека на сближеніе съ русской словесностью. Наоборотъ, усвоивъ высшую стихотворную форму, Котляревскій тѣмъ самимъ обособилъ украинскую литературу, имѣвшую свое собственное содержаніе и сферу вліянія. Въ силу этого, послѣдняя сразу стала на путь реализма, завѣщаннаго ей еще 18-мъ вѣкомъ, и продолжаетъ идти по этому пути до настоящаго времени, въ то время когда русская литература освободилась отъ различныхъ блужданій далеко позже, да и то, главнымъ образомъ, благодаря украинцу-Гоголю. Но будучи все время самостоятельной по содержанію и тенденціямъ, украинская литература, какъ прежде, такъ и въ Энеидѣ, несомнѣнно подвергалась и другой сторонѣ формальнаго вліянія русской словесности, кромѣ заимствованія размѣра стиха. Это вліяніе, впрочемъ, было косвенное и сопровождалось только поддержаніемъ въ нашей литературѣ того изящества образовъ, какое имѣлось уже и въ народной поэзіи. Заимствовать эту изящность намъ было незачѣмъ,—Котляревскій и у себя дома могъ найти ее сколько угодно, но существованіе ея въ русской литературѣ и теперь для насъ является важнымъ потому, что можетъ служить предупрежденіемъ отъ слѣдованія такимъ образцамъ, какъ произведенія Ѳ. Прокоповича и Довгалевскаго. То-же имѣло мѣсто и въ отношеніи Котляревскаго, главное значеніе котораго и состояло въ томъ, что онъ стихотворную нашу поэзію возвысилъ формально до такой стадіи, на которой, напримѣръ, были лучшія оды Державина. Размѣръ и изящность послѣднихъ могли только воздѣйствовать на Котляревскаго укрѣпляющимъ образомъ, и онъ ими воспользовался въ высокой степени. Послѣ всего этого, мы можемъ вполнѣ точно

опредѣлить составныя части нашей Энеиды, равно какъ и ту почву, на которой выросла новѣйшая украинская литература. Послѣдняя, въ лицѣ Котляревскаго, эволютивно выросла изъ предшествующей книжно-народной украинской литературы, откуда почерпнула свой комизмъ, юморъ и реализмъ содержанія и только съ формальной стороны позаимствовалась насчетъ литературы русской: въ ней укрѣпились стихотворный размѣръ и отчасти эстетическій вкусъ, имѣвшіе мѣсто въ послѣдней. Тотъ фактъ, что нашъ поэтъ пародировалъ Вергилія, не можетъ быть отзвукомъ русскаго вліянія, воздѣйствовавшаго на него или черезъ русскую, или черезъ семинарско-украинскую литературы: въ нашей Энеидѣ нѣтъ ни одного штриха псевдо-классическаго, тѣмъ болѣе, что и сами псевдо-классики западные, писавшіе свои шутливыя поэмы, переставали уже тѣмъ самымъ быть псевдо-классиками, а приближались къ жизни. Все, что относится къ генезису Энеиды, можно цѣликомъ отнести къ „Одѣ до князя Куракина". Какъ признаетъ и проф. Петровъ, ода вообще была національно-украинскимъ произведеніемъ и въ видѣ поздравительныхъ виршей свойственна была и книжно-народному творчеству. Съ такими произведеніями стоитъ въ связи и „Ода" Котляревскаго, хотя она больше примыкаетъ къ тѣмъ одамъ, которыя проф. Петровъ называетъ шутливыми. Содержаніе и эстетически-образная форма „Оды" Котляревскаго совершенно народныя и наряду съ прочими украинскими произведеніями того-же рода не представляютъ ничего особеннаго; шагъ впередъ дѣлаетъ въ ней Котляревскій только въ обработкѣ содержанія и въ приданіи ему болѣе изящной стихотворной формы. Въ этомъ отношеніи на Котляревскомъ опять таки сказалось формальное вліяніе русской литературы, отразившееся и въ Энеидѣ. Такимъ образомъ и послѣдняя и „Ода до Куракина"—суть органически развившіяся произведенія, корнями и ростомъ обязанныя почвѣ родной, и только по формѣ своей относящіяся нѣсколько къ литературѣ русской. Почти то же самое, хотя и не совсѣмъ, можно сказать и о драматическихъ произведеніяхъ Котляревскаго. По содержа-

нію своему, обѣ его пьесы вполнѣ народны, и стимуломъ ихъ созданія была та-же любовь къ народу и стремленіе изобразить его, какъ это было, по нашему мнѣнію, и въ отношеніи Энеиды. Относительно того, что, напримѣръ, „Наталка“ была написана именно съ такой патріотически-художественной цѣлью, говоритъ уже содержаніе самой пьесы; на это указываетъ и проф. Петровъ, особенно профессоръ Дашкевичъ, ставящіе созданіе „Наталки“ въ связь съ желаніемъ поэта реабилитировать украинскій народъ отъ тѣхъ ложныхъ чертъ, какими надѣлилъ его въ своей пьесѣ Шаховской. Но говоря о „Наталкѣ“ только что приведенныя слова, историки нашей литературы напрасно не простираютъ смысла, приданнаго ими „Наталкѣ“, и на „Москаля“. Тенденціозно-патріотическіе разговоры Чупруна и въ особенности насмѣшка его съ женой надъ перековеркиваніемъ украинскаго языка и пѣсни солдатомъ—ясно показываютъ, что поэтъ, стараясь осмѣять за это москаля, а раньше и Фынтыка, имѣлъ цѣлью изобразить настоящихъ украинцевъ, въ лицѣ Мыхайла и Тетяны, во всѣхъ чертахъ своихъ вполнѣ народныхъ. А главное то, что „Москаль“ написанъ былъ въ одинъ годъ съ „Наталкой“, т. е., когда поэтъ находился подъ вліяніемъ пьесы Шаховского и имѣлъ, значитъ, въ виду создавать произведенія въ чисто-народномъ духѣ. Имѣя такую тенденцію, обнаруженную въ „Наталкѣ“, поэтъ, разумѣется, долженъ былъ рисовать вѣрныя картины народной жизни,—въ противномъ случаѣ его произведенія подверглись-бы участи, подобной пьесѣ Шаховского. Все это вмѣстѣ и послужило причиной тому, что обѣ пьесы Котляревскаго вышли глубоко-народными,—фактъ въ данномъ случаѣ очень важный. Благодаря этому, ихъ можно поставить въ рядъ тѣхъ произведеній, въ которыхъ нашъ поэтъ, подобно тому какъ въ Энеидѣ, примкнулъ къ прежнимъ украинскимъ произведеніямъ, изображавшимъ народную жизнь. Обѣ упомянутыя пьесы можно возводить главнымъ образомъ къ драматическимъ интерлюдіямъ, на которыхъ нашъ поэтъ также воспитался; слѣдовательно, въ своихъ пьесахъ послѣдній примыкаетъ къ народной вертепной драмѣ и различнымъ книжно-народнымъ діа-

логамъ. Но не трудно увидѣть, что по драматической формѣ произведенія Котляревскаго отличаются отъ вертепныхъ интерлюдій довольно рѣзко, такъ какъ въ нихъ впервые народная жизнь изображена была то въ дѣйствительно драматическихъ, то въ комическихъ позиціяхъ, обнаруживающихъ бо́льшую художественность обработки и самого замысла.

Это вліяніе, безъ сомнѣнія, уже постороннее и обличаетъ художественное развитіе, какого не могла дать поэту украинская народная драма и какое онъ получилъ, очевидно, извнѣ. Откуда-же именно? Исторія русской культуры даетъ на это удовлетворительный отвѣтъ, хотя и косвеннымъ образомъ [1]. При соприкосновеніи Россіи съ Западомъ при Екатеринѣ II-й, и особенно при Александрѣ I-мъ, русская сцена, даже въ провинціи, стала обогащаться итальянскими и французскими переводными „операми", на которыя былъ запросъ публики. Эти оперы, вѣрнѣе говоря, оперетты, имѣли именно такую форму, какая замѣчается и въ пьесахъ Котляревскаго, т. е. главными аттрибутами ихъ былъ, во первыхъ, драматическій или комическій эпизодъ и, во вторыхъ, отдѣлъ вокально-музыкальный. На манеръ этихъ западныхъ оперъ, стали появляться въ Россіи и самостоятельныя пьесы, вродѣ произведеній Аблесимова или кн. Шаховскаго.—Этому-же западному вліянію подчинился и Котляревскій. Въ подтвержденіе этого имѣются положительныя данныя, являющіяся вкладомъ въ науку, благодаря проф. Дашкевичу: послѣдній въ своемъ второмъ этюдѣ о Котляревскомъ доказалъ ясно, что нашъ поэтъ не только былъ знакомъ съ французской опереточной литературой, но даже очень подробно разработалъ сюжетъ одной изъ французскихъ опереттъ въ своемъ „Москалѣ". Фактъ во всякомъ случаѣ очень важный, и хотя онъ имѣетъ силу, собственно говоря, только въ отношеніи комической пьесы Котляревскаго, тѣмъ не менѣе смыслъ его можно распространить и на „Наталку", такъ какъ художественные пріемы обѣ-

---

[1]) Милюковъ—Очерки по исторіи русской культуры. Ч. II-я. Очеркъ шестой.

ихъ пьесъ одинаковы и вытекаютъ, слѣдовательно, изъ одного источника. Въ силу этого, фактъ западнаго вліянія на пьесы Котляревскаго можно считать безусловно вѣрнымъ, хотя и это вліяніе опять таки остается чисто формальнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, Котляревскій совсѣмъ не рветъ связей съ содержаніемъ и реалистическимъ направленіемъ интерлюдій; онъ только даетъ имъ болѣе развитую, западно-европейскую форму, способную удовлетворить извѣстнымъ художественнымъ требованіямъ. Въ этомъ послѣднемъ и сказалось вліяніе Запада на новѣйшей украинской литературѣ, которая во всемъ остальномъ является вполнѣ самобытной.

Представивъ, такимъ образомъ, литературный генезисъ произведеній Котляревскаго, мы не сказали еще объ одной сторонѣ послѣднихъ, имѣющей важность для полной оцѣнки историко-литературнаго значенія нашего поэта: мы имѣемъ въ виду языкъ его произведеній. Какъ мы упоминали выше, украинская рѣчь въ различныхъ созданіяхъ Котляревскаго отличается, въ смыслѣ чистоты, не одинаковыми достоинствами: въ послѣднихъ его произведеніяхъ она лучше, чѣмъ въ первыхъ,—это наблюденіе имѣетъ нѣкоторое значеніе. Прежде всего нужно, конечно, сказать, что украинская рѣчь произведеній Котляревскаго стоитъ внѣ всякаго отношенія къ литературѣ русской: на стремленіе поэта писать по-украински послѣдняя и не могла имѣть вліянія хотя-бы уже въ силу того, что въ данномъ направленіи вліяла на него любовь къ родинѣ, какъ извѣстный соціальный законъ. Но въ положительномъ смыслѣ она не могла вліять на поэта еще и по другой причинѣ,—и, просто говоря, потому, что русская литература дѣйствовала въ этомъ отношеніи деструктивно, т. е. отрицательно. Самъ проф. Петровъ указываетъ, что подъ вліяніемъ этой литературы украинцы стали бросать свою родную рѣчь и переходить къ творчеству на языкѣ русскомъ; къ концу прошлаго вѣка это должно было, конечно, имѣть мѣсто еще въ большей степени,— и, въ самомъ дѣлѣ, книжная украинская литература 18 вѣка въ концѣ концовъ совсѣмъ погибла, не будучи въ состояніи, при своихъ патріархальныхъ формахъ,

конкурировать съ болѣе совершенной литературой русской. Слѣдовательно, ясно, что послѣдняя для возрожденія украинскаго творчества на украинскомъ языкѣ могла имѣть только отрицательное значеніе; очевидно, значитъ, и то, что украинской рѣчью своихъ произведеній нашъ поэтъ обязанъ не русской литературѣ, а чему-то другому. Этимъ „другимъ" проф. Петровъ считаетъ интерлюдіи, но его толкованіе является узкимъ и послужило, между прочимъ, причиной того, что историко-литературное значеніе Котляревскаго оцѣнено имъ, по нашему мнѣнію, невѣрно. Разумѣется, и интерлюдіи были лексической почвой для его творчества, но не однѣ только интерлюдіи, а весь огромный запасъ народной словесности, рѣчь которой по изящности и образности безконечно превосходитъ рѣчь интерлюдій.

Сравнивая рѣчь Энеиды и „Оды" съ лексическимъ матеріаломъ народной словесности, легко можно убѣдиться, что послѣдняя сообщила поэту все свое богатство, которымъ онъ и воспользовался въ большой степени. Тѣмъ не менѣе въ рѣчи упомянутыхъ произведеній, по сравненію съ народной словесностью и даже съ легендой о Маркѣ, чувствуется нѣкоторая неестественность, замѣчаемая въ руссизмахъ. Эти послѣдніе для Котляревскаго очень знаменательны: они показываютъ, что, руководствуясь формальнымъ вліяніемъ русской литературы, поэтъ все-таки не могъ совершенно противиться деструктивному вліянію ея въ смыслѣ языка. Соблазнъ въ этомъ отношеніи былъ особенно силенъ, когда поэтъ создавалъ Энеиду: въ эту послѣднюю онъ, какъ извѣстно, внесъ не мало русскихъ словъ, взятыхъ изъ образца его—русской пародіи. Наоборотъ, въ позднѣйшихъ произведеніяхъ, гдѣ поэтъ находился подъ западнымъ вліяніемъ, видна почти безупречная чистота рѣчи, не вполнѣ совершенная въ раннихъ его созданіяхъ. Изъ этого пока можно сдѣлать два вывода: во первыхъ, что украинская рѣчь произведеній Котляревскаго обязана своей чистотой и вообще фактомъ своего существованія исключительно народной украинской словесности, и, во вторыхъ, что вліяніе русской литературы

тамъ, гдѣ оно сказывалось, приносило въ смыслѣ языка только вредъ.

На этихъ заключеніяхъ, касающихся рѣчи произведеній Котляревскаго, мы и остановимся; такъ какъ замѣчаніями по данному поводу исчерпывается весь матеріалъ, необходимый для оцѣнки историко-литературнаго значенія Котляревскаго. Итакъ, въ чемъ-же заключается послѣднее? По содержанію своего творчества, Котляревскій является продолжателемъ реалистической народной литературы: онъ представляетъ стадію въ органическомъ ея развитіи, начало которой кроется еще въ книжно-народныхъ созданіяхъ, вродѣ стихотвореній Климовскаго или Легенды о Маркѣ; слѣдовательно, въ данномъ отношеніи, онъ въ органическомъ ходѣ нашей литературы не составляетъ еще шага впередъ. Заслуга Котляревскаго можетъ быть въ этомъ смыслѣ только та, что онъ не примкнулъ къ безжизненной фалангѣ книжныхъ украинскихъ писателей, а твердо укрѣпилъ въ нашей литературѣ реализмъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, не соблазняясь даже сентиментальными образцами литературы русской. Не составляетъ также особенной заслуги поэта и то обстоятельство, что онъ писалъ на чистомъ народномъ языкѣ,— хотя и это также относится къ числу его достоинствъ. Дѣло въ томъ, что рѣчь его произведеній ничуть не стоитъ выше рѣчи книжно-народныхъ созданій, вродѣ легенды о Маркѣ или замысла на попа,—наоборотъ, въ „Энеидѣ" и „Одѣ" она стоитъ даже ниже ихъ, именно благодаря своимъ руссизмамъ. Въ виду этого совершенно не правъ пр. Петровъ и особенно г. Минскій, называя нашего поэта „языковымъ" реформаторомъ, вродѣ, напр., Ломоносова. Такое реформаторство имѣло-бы мѣсто только въ томъ случаѣ, если-бы нашего поэта можно было поставить въ связь съ чисто книжной украинской литературой, но вѣдь такой связи нельзя въ данномъ случаѣ допускать совершенно. Нѣтъ, сила его историко-литературнаго значенія заключается не въ этомъ; не въ этомъ и его реформаторство, хотя послѣднее и должно быть признано за нимъ безспорно. Въ чемъ же оно заключается?—Да именно въ тѣхъ чисто формальныхъ, но важ-

ныхъ операціяхъ, которыя онъ совершилъ надъ книжно-народной словесностью. Онъ сообщилъ послѣдней новыя формы, поставилъ въ рядъ съ литературой русской и тѣмъ далъ ей средство къ вѣрной и успѣшной борьбѣ за существованіе. Вотъ эта-то его заслуга и есть настоящее реформаторство, имѣвшее столь благотворные результаты для украинской литературы. Въ лицѣ своихъ произведеній поэтъ далъ родному творчеству то „новое", чего у послѣдняго не было: онъ далъ ему высшія художественныя формы.—И за это „новое", дѣлающее украинскую литературу до Котляревскаго столь непохожей на литературу послѣ него, нашъ поэтъ, какъ извѣстно, получилъ титулъ творца новаго періода украинской литературы. Титулъ, по нашему мнѣнію, совершенно справедливый и вполнѣ отвѣчающій реформаторской роли Котляревскаго въ области нашей художественной литературы. Въ этой-же роли и заключается вся суть историко-литературнаго его значенія, какъ поэта художника, силу обаянія котораго мы покажемъ ниже.

Какъ творецъ извѣстнаго періода, какъ представитель и родоначальникъ извѣстной школы, Котляревскій долженъ былъ, разумѣется, имѣть вліяніе на развитіе дальнѣйшей украинской литературы, получившей отъ него прогрессивное движеніе. На такую его роль указывали въ свое время, какъ старые, такъ и новые критики, видѣвшіе въ украинской литературѣ отраженіе большого вліянія Котляревскаго. Въ старое время указывали на это—Стеблинъ-Каминскій, А. Котляревскій, даже отчасти Кулишъ, затѣмъ Пыпинъ, въ новое время отмѣчали это обстоятельство проф. Петровъ и Дашкевичъ,—и замѣчанія ихъ, въ общемъ, имѣли большой смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, вліяніе Котляревскаго на послѣдующую литературу было обширное и разностороннее. Прежде всего заключалось оно въ томъ, что по примѣру Котляревскаго писатели-украинцы стали писать и на родномъ языкѣ, создавая такимъ образомъ истинно-художественную украинскую литературу. Такіе корифеи нашей литературы, какъ Гулакъ, Квитка и Шевченко, не могли-бы, вѣроятно, появиться на украинскомъ горизинтѣ, если-бы украинская рѣчь

не была къ ихъ времени освящена, такъ сказать, одобреніемъ публики и не пріобрѣла потому въ литературѣ права гражданства. Имѣя-же передъ собой такой образецъ, какимъ являлся въ поэзіи Котляревскій, названные писатели могли уже спокойно культивировать родную рѣчь и въ своихъ произведеніяхъ. Но вліяніе Котляревскаго на украинскую литературу этимъ только не ограничилось: оно простиралось не только на формальныя, но и на внутреннія стороны этой литературы, о чемъ могутъ свидѣтельствовать нижеслѣдующія данныя. По внутреннему смыслу своихъ произведеній, Котляревскій былъ реалистъ, въ нѣкоторыя свои произведенія внесшій также комизмъ въ видѣ юмора. Сообразно такому направленію его творчества, сформировалась цѣлая литературная школа, отражавшая въ своихъ произведеніяхъ оба упомянутые оттѣнка поэзіи Котляревскаго, хотя и въ неодинаковой степени. Большое вліяніе оказалъ поэтъ на послѣдующую литературу комической стороной своего таланта, заразивъ своихъ послѣдователей, по названію Кулиша, „котляревщиной". Въ этомъ отношеніи нашему поэту обязаны прежде всего такія произведенія, какъ „Вакула Чмиръ"—стихи помѣщенные въ грамматикѣ Павловскаго, или-же такія, о которыхъ упоминаетъ въ своей статьѣ о Гулакѣ Кулишъ [1]). Прямое вліяніе въ упомянутомъ смыслѣ оказалъ Котляревскій и на современника своего Бѣлецкаго-Носенка, написавшаго передѣлку классическаго миѳа „Похищеніе Прозерпины" подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ Энеиды, о чемъ заявляетъ въ одномъ мѣстѣ и самъ авторъ [2]). Такое-же вліяніе оказалъ онъ и на Гулака, занимавшагося также переработкой классическихъ сюжетовъ и слѣдовавшаго, какъ говоритъ правильно Кулишъ, даже стилистическимъ пріемамъ Котляревскаго.

Подъ вліяніемъ-же послѣдняго создана и „Жабомышодракивка", написаная на гомеровскую тему Думитрашкомъ, почти современникомъ нашего поэта. Трудно сомнѣваться послѣ вто-

---

[1]) Основа 1861 г. № 8-й.

[2]) Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія—Н. И. Петрова,—стр. 45.

рой работы проф. Дашкевича о Котляревскомъ, что подъ вліяніемъ послѣдняго написанъ также „Простакъ“ В. А. Гоголя, во многомъ схожій съ „Москалемъ“; тоже самое нужно сказать и о Кухаренкѣ, находившемся подъ нѣкоторымъ вліяніемъ опереттъ Котляревскаго. Вліяніе послѣдняго-же сказалось и на новомъ современникѣ его—Квиткѣ, отразившемъ комизмъ его въ латинской передѣлкѣ „Салдацькый патретъ“; то же опять таки нужно сказать и о С. Писаревскомъ—современникѣ Котляревскаго, и объ А. А. Корсунѣ; глубокое вліяніе Котляревскаго отражается и на Порфиріѣ Кореницкомъ, почти современникѣ нашего поэта. Не безъ воздѣйствія комизма послѣдняго написаны и первыя повѣсти Гоголя-сына, особенно, напримѣръ, „Сорочинская ярмарка“ и т. д. Считаемъ лишнимъ приводить дальнѣйшіе примѣры вліянія комической стороны произведеній Котляревскаго на его послѣдователей. Вышеназванные писатели показываютъ это наглядно. Но серьезная сторона его произведеній, главнымъ образомъ „Наталки“, оказала на послѣдующую литературу еще большее и даже огромное вліяніе.—Въ данномъ направленіи сказалось послѣднее особенно на Квиткѣ и Шевченкѣ. Чувствительно-юмористическій талантъ перваго, родственный, такимъ образомъ, таланту Котляревскаго, не могъ не подсказать ему сознанія всей прелести такихъ произведеній, какъ „Наталка“, художественно воспроизводящая народную жизнь. Въ виду этого, появленіе такихъ произведеній Квитки, какъ „Маруся“, всецѣло можетъ быть обязано реальному творчеству Котляревскаго, впервые показавшаго простую, но чарующую душу нашихъ крестьянъ въ совершенно вѣрной картинѣ. Штрихи „Маруси“ почти тождественны съ чертами, наложенными Котляревскимъ на всю свою „оперу“,—въ силу чего цѣнность „Наталки“ увеличивается еще болѣе, равно какъ увеличивается и значеніе ея, какъ прототипа повѣстей Квитки. Такое-же значеніе могъ имѣть Котляревскій съ своей „Наталкой“ и по отношенію къ Шевченку, написавшему „Назара Стодолю“. Подобно Кухаренку, почти современникъ нашего поэта Шевченко имѣлъ передъ собой въ драматической литературѣ украинской

единственный прототипъ—„Наталку“, къ которой онъ долженъ былъ отнестись крайне восторженно, судя по отзыву его объ Энеидѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ тонѣ „Назара“ звучитъ очень много чувствъ и оттѣнковъ, весьма напоминающихъ тонъ и настроеніе „Наталки“. Мы далеки, конечно, отъ мысли, чтобы считать въ данномъ случаѣ Шевченка подражателемъ Котляревскаго,—въ этомъ Шевченко не повиненъ совершенно; но сообщеніе Шевченку извѣстнаго вкуса, равно какъ и твердое реалистическое направленіе, сразу утвержденное въ нашей литературѣ Котляревскимъ, должно было имѣть, какъ на Квитку, такъ и на Шевченка, весьма трезвое вліяніе. Въ частности, вліяніе реализма Котляревскаго сказалось на С. В. Александровѣ, молодомъ современникѣ нашего поэта, и затѣмъ на М. Петренкѣ, писавшемъ лирическія произведенія въ духѣ пѣсенъ „Наталки“. Помимо всего этого, изъ факта вліянія Котляревскаго на Гоголя-отца, Кухаренка и Шевченка, можно видѣть, что нашъ поэтъ совершенно поставилъ на ноги украинскій театръ. На пьесахъ Котляревскаго воспиталось не одно поколѣніе драматическихъ украинскихъ писателей, и современные намъ талантливые драматурги—Старицкій, Карпенко и Кропивницкій, безъ сомнѣнія, обязаны Котляревскому не мало. Сказаннаго о литературномъ вліяніи послѣдняго мы считаемъ достаточнымъ, такъ какъ подробное обслѣдованіе даннаго вопроса возможно только въ отдѣльной работѣ. Но и при всей краткости сдѣланныхъ указаній, которыя, впрочемъ, могутъ быть подтверждены фактически, возможно уже составить опредѣленное понятіе о роли Котляревскаго въ нашей литературѣ.

Какъ труденъ былъ не только первый шагъ основателя новѣйшей украинской литературы, а и самое развитіе послѣдней, показываетъ ближайшее состояніе ея наряду съ литературой русской. Вообще шаги на поприщѣ нашего творчества послѣ Котляревскаго были очень неровными и, при всей своей солидности, довольно шаткими. Такъ напримѣръ, Бѣлецкій, начавъ писать по украински, все-таки пишетъ и по русски; Гулакъ да-

же совсѣмъ бросаетъ украинскую лиру [1]), Квитка пишетъ много и по русски, и даже Шевченко проявляетъ въ этомъ отношеніи большой дуализмъ. Тѣмъ важнѣе поэтому должно представиться намъ значеніе инициативы Котляревскаго, который, кстати сказать, не написалъ ни одного русскаго произведенія. Ясно изъ предыдущаго, что только благодаря этой инициативѣ и могли явиться произведенія Гулака, Квитки и Шевченка, которыя не могли-бы имѣть мѣста, если-бы уничтожена была почва для развитія украинской литературы, твердо обоснованной Котляревскимъ. А что этихъ произведеній украинская литература могла-бы безъ послѣдняго дождаться еще не скоро и не такъ-то легко, показываетъ фактъ, что и послѣ Котляревскаго украинцы все-таки отдавали слишкомъ большую дань литературѣ русской. Давъ толчекъ и направленіе украинской литературѣ въ Россіи, Котляревскій сдѣлалъ то-же самое и для украинской литературы въ Галиціи [2]). „Энеида" попала въ Галицію въ то самое время, когда возбужденная любовью къ родинѣ галицкая молодежь искала пути для своего развитія. Произведеніе нашего поэта показало Галичанамъ, что существуетъ украинское слово, достойное художественной обработки и культивировки; равнымъ образомъ оно показало имъ сразу то направленіе, какое должна была принять ихъ литература въ своемъ развитіи. Разумѣется, въ патріотизмѣ галичанъ Энеида была стимуломъ не единственнымъ, но какъ произведеніе художественное, она должна была въ литературномъ отношеніи имѣть для нихъ исключительно крупное значеніе,—и мы можемъ смѣло сказать, что вѣтвь украинской литературы въ Галиціи большей частью своего начала обязанна именно „Энеидѣ". Съ послѣдней былъ несомнѣнно

---

[1]) По крайней мѣрѣ ничего по-украински не печатаетъ.

[2]) Эту литературу проф. Дашкевичъ называетъ „русской",—вѣроятно безъ всякой централизаціонной тенденціи; но его неумышленная ошибка можетъ тѣмъ не менѣе вести къ крупнымъ *научнымъ* недоразумѣніямъ; въ виду этого считаемъ нужнымъ замѣтить, что названіе „руска", даваемое своей литературѣ Галичанами, обозначаетъ литературу на галицко-украинскомъ языкѣ, которую они въ отличіе отъ литературы русской, называютъ „руска",—пиша это названіе съ однимъ „с".

знакомъ Шашкевичъ [1]),—ее-же зналъ съ дѣтства и Головацкій [2]), ее читалъ поэтому безъ сомнѣнія и Вагилевичъ,—т. е. всѣ члены знаменитой галицкой тройцы. При несомнѣнности этого вліянія, легко сообразить и сущность его, ничѣмъ не отличную отъ такого-же воздѣйствія Энеиды на украинскую литературу въ Россіи. Въ Галиціи оно сказалось въ реально-народномъ направленіи, какое приняла съ самаго начала галицкая литература и которое, при содѣйствіи той-же украинской словесности, въ большомъ размѣрѣ наблюдается въ ней и по нынѣ. Впрочемъ, много говорить о вліяніи Энеиды на галицкую литературу мы не будемъ, такъ какъ къ послѣдней относится почти все сказанное о вліяніи ея и на украинскую литературу въ Россіи. Разсмотрѣніе-же послѣдняго представило теперь данныя для большаго выясненія историко-литературнаго значенія Котляревскаго, о которомъ мы говорили выше. Послѣ опредѣленія его вліянія въ развитіи украинской литературы, это значеніе Котляревскаго выясняется еще болѣе. Нашъ поэтъ не только произвелъ реформу въ художественности и вообще въ формахъ предыдущаго книжно-народнаго творчества Украйны, но и заложилъ незыблемый фундаментъ для существованія родной литературы. Онъ, во первыхъ, своимъ талантомъ снискалъ право гражданства для украинскаго творчества, какъ такового, и послужилъ примѣромъ для другихъ талантливыхъ украинолюбцевъ; во вторыхъ, онъ далъ содержаніе и направленіе всей слѣдовавшей за нимъ украинской литературѣ, указавъ ей на сокровища народной поэзіи и на реализмъ, какъ на высшія художественныя задачи. Въ первомъ отношеніи Котляревскій стоитъ выше Н. Гоголя, принципіально бросившаго родное творчество, хотя на послѣднемъ и выросшаго; во второмъ случаѣ онъ для украинской литературы имѣетъ то-же значеніе, какъ для русской Гоголь, утвердившій въ ней реализмъ и, подобно Котляревскому, создавшій свою школу. Такимъ образомъ, нашъ литературный

[1]) М. Драгомановъ—Евреи и Поляки въ юго западномъ краѣ. В, Европы—1875, іюль стр. 162.

[2]) Н. Дашкевичъ—Отзывъ о сочиненіи г. Петрова—стр. 128.

реформаторъ Котляревскій значитъ для насъ далеко больше, чѣмъ Гоголь для русскихъ; при томъ заслуга нашего поэта увеличивается особенно еще потому, что для Гоголя онъ служилъ прототипомъ.

Такое заключеніе объ историко-литературномъ значеніи Котляревскаго вытекаетъ прямо изъ относящихся къ нему фактическихъ данныхъ,—поэтому послѣднее можетъ считаться ничуть не преувеличеннымъ. Послѣ выясненія громаднаго историко-литературнаго значенія Котляревскаго, совершенно лишне распространяться о томъ вліяніи его произведеній, какое должны были они имѣть на выработку вкуса и склонности публики къ украинскому творчеству. Изъ всего сказаннаго такое вліяніе должно уже предполагаться a priori. Въ самомъ дѣлѣ, выше мы уже замѣтили, что поэзія Котляревскаго, какъ „прекрасное", должна была оказывать эстетическое воздѣйствіе на ея читателей. Теперь-же мы должны къ этому прибавить, что поэзія его пріобрѣтала особенный интересъ въ виду своей украинской одежды. Всѣ слои украинскаго общества поняли, что у нихъ есть свое собственное слово, на которомъ можно выражать мысли даже въ художественной формѣ. Всѣ набросились на художественное слово Котляревскаго, потому что оно было родное и для нихъ близкое; всякъ толковалъ, конечно, Энеиду, по своему, но читали ее всѣ, такъ какъ находили въ ней одинаково плѣнительные образы родной поэзіи, воплощенные въ украинскомъ словѣ. Въ силу этого, Энеида очутилась какъ въ кабинетѣ Кочубея, такъ и въ простой хатѣ козака на Украйнѣ и за Дунаемъ. Выдержавъ такую пробу, украинское слово укрѣпилось очень прочно: на него появился спросъ, результатомъ чего было нѣсколько изданій Энеиды, вызвавшей даже подражанія. Творчество новыхъ украинскихъ писателей, вродѣ Гулака и Квитки, подхватившихъ пѣсни музы Котляревскаго, довершали дѣло въ конецъ, и украинское слово, выдвинутое послѣднимъ, утвердилось въ литературѣ и въ мнѣніяхъ публики навсегда. Мы не будемъ, конечно, говорить о томъ, насколько серьезнымъ дѣломъ казалось публикѣ украинское писательство Котляревскаго: на это можно было-

бы дать рядъ противоположныхъ толковъ и мнѣній,—нѣтъ, насъ въ данномъ случаѣ занимаетъ одно то, что при всякихъ отношеніяхъ къ упомянутому обстоятельству, всѣ рѣшительно находили возможнымъ ставить украинскій ея языкъ наравнѣ съ русскимъ. Интересно въ данномъ случаѣ замѣтить, что такъ относились къ украинскому слову даже великорусскіе литераторы, отличавшіеся въ данномъ отношеніи большой объективностью. Ясно изъ этого, что на коренныхъ украинцевъ форма Энеиды и прочихъ произведеній Котляревскаго производила еще большее впечатлѣніе, неугасающее даже и до сихъ поръ. Такимъ образомъ, вліяніе Котляревскаго и въ данномъ отношеніи было велико: своимъ творчествомъ поэтъ создавалъ для украинскаго слова публику, существованіе которой только и дѣлаетъ возможнымъ жизнь и ростъ каждой литературы.

Со времени Котляревскаго начинается самое тѣсное взаимодѣйствіе между литературой и обществомъ Украины, благотворное для обоихъ контрагентовъ: Котляревскій создалъ публику для своихъ произведеній, но и послѣдняя, возбужденная имъ, сильно поддержала украинское творчество своимъ глубокимъ сочувствіемъ. Словомъ, и въ этомъ важномъ отношеніи Котляревскій принесъ для нашей литературы незамѣнимую пользу. На эту заслугу указалъ еще когда-то Кулишъ, и его замѣчаніе можетъ считаться цѣннымъ, хотя самъ критикъ, подобно проф. Петрову, не придавалъ этой заслугѣ поэта какого-нибудь важнаго значенія.

Очертивъ, такимъ образомъ, историческое значеніе Котляревскаго, мы все-таки сдѣлали-бы очеркъ его неполнымъ, если-бы не упомянули объ этнографически-научномъ его вліяніи. Вліяніе это было очень серьезно; на него указалъ ему въ сороковыхъ годахъ Срезневскій, и его замѣчанія сдѣланы были не наобумъ. Уже относительно Энеиды мы могли убѣдиться, что вообще произведенія Котляревскаго народны до мелочей. Начиная съ внѣшняго быта и кончая внутренней стороной, жизнь народа представлена въ этихъ произведеніяхъ крайне выразительно. Картины народной жизни, пѣсни и самъ языкъ ихъ естественно долженъ былъ показать всему образованному обществу, что существуетъ украинская народность, заслуживающая

большого вниманія. Особенно пѣсни ея, подъ которыя поддѣлывался удачно и Котляревскій, привлекли къ себѣ всѣхъ цѣнителей народной культуры и направили ихъ на изученіе послѣдней. Сами произведенія Котляревскаго, явившіяся продуктомъ серьезнаго изученія народа, представляютъ изъ себя настоящіе этнографичеекіе сборники, одинъ изъ которыхъ—„Наталка“ такъ именно и оцѣненъ былъ Срезневскимъ. Въ силу этого, Котляревскій можетъ считаться первымъ въ серьезномъ смыслѣ этнографомъ, поставившимъ ученіе нашего народа сразу на твердую почву и потому равнымъ по значенію, напримѣръ, Павловскому и Цертелеву. Послѣ него украинская этнографія стала развиваться все прогрессивнѣе и шире, но и при глубокомъ ея развитіи теперь, слѣдуетъ помнить всегда, что весьма многимъ обязана этнографія Украйны основателю ея Котляревскому. Этимъ указаніемъ на новую черту историко-литературнаго значенія Котляревскаго мы и заканчиваемъ настоящій свой этюдъ.

Сдѣлаемъ теперь резюме всего вышесказаннаго о сущности и значеніи его произведеній. По разсмотрѣніи послѣднихъ, Котляревскій представляется намъ художникомъ-реалистомъ, воспроизводившимъ иногда жизнь въ комическихъ чертахъ. Какъ писатель, стоящій на рубежѣ двухъ литературныхъ эпохъ, онъ является отразителемъ вліянія ихъ обѣихъ и реформаторомъ предшествовавшихъ ему литературно-художественныхъ формъ. Какъ начинатель новаго періода литературы, Котляревскій сообщилъ ей свѣжее содержаніе и жизненное направленіе, не умирающее и до сихъ поръ. Выработавъ для родной литературы новыя формы, воплощенныя въ украинское слово, поэтъ создалъ громадный контингентъ читателей и за украинской литературой, какъ таковой, далъ возможность признать право на дальнѣйшую жизнь. Разумѣется, не во всѣхъ отношеніяхъ значеніе Котляревскаго одинаково велико, но если въ художественномъ отношеніи, произведенія его съ теченіемъ времени и должны имѣть все меньшую цѣну, то въ историческомъ—важность ихъ будетъ выясняться все болѣе. Въ этомъ смыслѣ значеніе творчества Котляревскаго весьма велико.

И. Стешенко.

„ПОПОКЪ“.

Часть 2-я *).

I.

Надъ самой дорогой небольшимъ рядомъ хатъ расположена „Деревня“. Хуторокъ этотъ былъ населенъ зятемъ давнихъ здѣшнихъ помѣщиковъ, Клюевымъ. Онъ вывелъ откуда-то изъ-подъ Москвы своихъ крѣпостныхъ и поселилъ ихъ въ этомъ мѣстѣ, благо тутъ Осередье широкою сагою подливало чуть не къ дорогѣ. Поселочекъ этотъ названъ былъ Клюевымъ „Деревнею“ въ отличіе отъ мѣстныхъ названій слободъ и хуторовъ. Мѣстные жители было прозвали эту „Деревню“ „Крипаки“, какъ заселенную выве-

---

*) Такъ какъ 1-я часть повѣсти «*Попокъ*» помѣщена была въ «Кіев. Старинѣ» за 1894 г. (см. сентябрь), а затѣмъ, по независящимъ отъ Редакціи обстоятельствамъ, печатаніе повѣсти было прервано болѣе чѣмъ на три года, то теперь, приступая къ помѣщенію ея продолженія, Редакція считаетъ необходимымъ напомнить читателямъ въ самыхъ краткихъ чертахъ содержаніе I-ой части. Герой повѣсти Хведько Самченко, по уличному Попокъ, служилъ воловикомъ въ одной большой экономіи. По порученію товарища по службѣ, Петра Цюпы, онъ отвезъ къ кабатчику Жердеву и вымѣнялъ у него на водку полъ-мѣшка краденыхъ бурачныхъ сѣмянъ. Экономическій наѣздникъ Никитичъ проѣзжалъ мимо кабака какъ разъ въ то время, когда Хведько вносилъ туда мѣшокъ, ничего не зная о содержимомъ въ

денными изъ Россіи крѣпостными, отъ которыхъ помѣщичьи крестьяне хохлы отличались въ общерѣчіи словомъ „паньщане", „пиддани", а оффиціально—наименованіемъ „подданные малороссіяне". Этимологія этихъ детерминацій навѣрное имѣла свои основанія въ происхожденіи уравнявшей въ свое время „крипаковъ" съ „подданными" крѣпостной зависимости.

Въ описываемое время въ „Деревнѣ" уже не жили Клюевскіе крѣпаки. Ихъ скоро послѣ привода изъ Россіи перевели на Царевщину потому, что „ужъ очень конфузно стало за нихъ ихъ помѣщику".

немъ. Такимъ образомъ возникло противъ Хведька обвиненіе въ кражѣ бурачныхъ сѣмянъ изъ экономіи, и онъ былъ привлеченъ къ мировому суду. Какъ настоящій сынъ природы, выросшій въ степи около скота и совершенно незнакомый съ юридическими понятіями, Хведько былъ опутанъ Цюпою и Жердевымъ и не съумѣлъ доказать, что сѣмена украдены Цюпою, а что онъ только отвезъ ихъ къ Жердеву, даже не зная о содержимомъ мѣшка. Мировой судья, отнесшійся къ дѣлу формально и безсердечно, не вникъ во всѣ его подробности и на основаніи общей посылки, что рабочіе крадутъ сѣмена и все, что попадется подъ руку, и что слѣдовательно, Хведько могъ украсть полъ-мѣшка сѣмянъ, приговорилъ его къ тюремному заключенію на годъ. Пока Хведько сидѣлъ въ тюрьмѣ, его мать и отецъ умерли, дивчина Мелашка, предметъ его первой юношеской страсти, вышла замужъ, одна изъ сестеръ также вышла замужъ, а другая нанялась къ господамъ въ горничныя, и такимъ образомъ мало по малу порвались всѣ его связи съ родной деревней. А между тѣмъ тюремная обстановка оказывала на него свое вліяніе. Оторванный отъ деревни, гдѣ вѣками выработанный порядокъ жизни замѣнялъ для него нравственные устои, онъ оказался безоружнымъ противъ убѣжденій товарища по тюрьмѣ стараго конокрада Шляховаго и мало по малу проникался тюремной этикой, по которой всѣ состоятельные люди враждебны къ бѣднымъ, а особенно къ острожнымъ сидѣльцамъ, вслѣдствіе чего и преступленія противъ состоятельныхъ—дѣло хорошее, какъ отплата за ихъ враждебность. І-ая часть повѣсти кончается указаніемъ на близость выхода Хведька изъ тюрьмы.

Ред.

— „Воны якъ завелысь тутъ по своему, по московськы— хаты не биляни, коминивъ нема, та якъ сталы панови други паны сміяться, такъ винъ ихъ и перегнавъ на Царевщыну, а тутъ наши и заселылысь“, разсказывали про эту „Деревню“. Когда крипаковъ отсюда перегнали, перестали ее и звать „Крипаками“.

Дворъ Дейнековъ, куда была отдана замужъ Мелашка, находился въ ближайшемъ къ дорогѣ изгибѣ ряда дворовъ „Деревни“, ряда, параллельнаго изгибу саги Осередья, къ коему полого спускались огороды. Дворъ этотъ отмѣченъ тѣмъ, что возлѣ него есть колодезь съ высокимъ „зводомъ“, съ цебромъ, крѣпко сложеннымъ „срубомъ“ и корытомъ. Вода ли здѣсь хорошая, или потому, что „Деревня“ находится на такомъ далекомъ отъ другихъ попутныхъ поселеній разстояніи, но проѣзжіе обыкновенно здѣсь поятъ лошадей.

Мелашка все утро проработала на огородѣ, пропалывая гряды, поливая капусту и подсыпая картофель. Дома была только она одна: свекруха еще не возвратилась изъ путешествія въ Воронежъ къ Митрофанію, куда она отправилась сейчасъ же послѣ „заговынъ“ на Петровъ постъ; свекоръ, выбранный сборщикомъ, съ самаго утра отправился на Бемовку въ расправу, откуда ему нужно еще проѣхать въ волость; „зовыця“ Дашка и „диверъ“ подростокъ „ходять на бурякы“, а мужъ Якуша повезъ „хуру“ съ Шуваловой въ Шереметовку. Въ Шуваловой работаютъ возы и колеса, а въ Шереметовкѣ близится урочная Ивановская ярмарка.

Прошла весна, отцвѣли сады, замолкъ соловей, только еще зозуля не перестаетъ вѣщевать, да иволга отзывается въ левадныхъ вербахъ. Жарко. Въ синевѣ безоблачнаго неба „шулика“ плавно паритъ, высматривая цыплятъ или утятъ; съ недалекаго огорода доносится меланхолическая пѣсня какой-то тоскующей полольщицы, съ дороги долетаетъ грохотъ проѣзжающихъ повозокъ и отдаленная трель колокольчика.

Взгрустнулось Мелашкѣ, отъ жары разомлѣла какъ-то. Ничѣмъ не радуетъ ее эта ея новая семья: по обычаю требовательная свекруха, понурый и грубый въ обращеніи мужъ...

„Сосонко жъ ты моя прекрасная,
Доленько жъ моя несчасная“!

отчетливо слышно въ пѣснѣ, и еще большая тоска разбираетъ ее. И вспомнилось ей такое же прошлое лѣто, ея недолгое, но милое и дорогое въ воспоминаніи сердцу ея общеніе съ Хведькомъ, вся его стройная „постать“, понеслись мысли ея къ нему въ тюрьму, припомнилось посѣщеніе тюрьмы и сжалось невыразимою тоскою ея сердце; такъ то ужъ стало ей жалко его, такъ жалко себя.

„А зозуленька якъ тьохъ, такъ тьохъ...
Котяться слезы, такъ якъ горохъ“—

ныла пѣсня. И покатились у молодицы слезы, припала она пониже къ грядкѣ и рукавомъ обтираетъ глаза...

Колокольчики прозвенѣли у самаго ихъ двора и затихли,— очевидно кто-то пріѣхалъ. Мелашка порѣшила, что это свекоръ, который не разъ пріѣзжалъ въ качествѣ „пачальника“ на проѣзжающей куда-либо „пошти“, да и самая пора: солнце стало какъ разъ на полдень, а она сама ничего еще отъ „снидання“ не ѣла, все его, свекра, къ обѣду поджидала...

Подсмыканная, въ разстегнутой кофтѣ, и въ кой-какъ повязанномъ платочкѣ, она прошла къ воротамъ и, отодвинувъ засовъ, выглянула въ калитку.

Около корыта стояла тройка лошадей и пила налитую воду; ямщикъ посвистывалъ тоненькимъ посвистомъ, на тарантасѣ солдатъ съ кожаною сумкою черезъ плечо крутилъ цыгарку; какой-то человѣкъ, наклонивъ со сруба цеберъ, пилъ воду, лицо его заслонялось ведромъ, виднѣлась только стриженая голова.

Мелашка апатично, какъ уже привыкшая къ этимъ обыкновеннымъ проѣзжимъ, смотрѣла на нихъ, но когда напившійся воды человѣкъ, выпрямившись, вперилъ въ нее изумленный взглядъ, то она въ немъ узнала Хведька.

Обое они такъ и застыли въ изумленіи: на половину изъ калитки высунувшаяся Мелашка, и съ выхваченной изъ-подъ мышки, но не надѣтой на голову шапкой Хведько.

Ямщикъ подтянулъ чересѣдельникъ, взнуздалъ лошадей и уже сталъ отворачивать всю тройку отъ корыта, а они все еще смотрѣли другъ на друга тѣми же изумленными широко раскрытыми глазами... Наконецъ не выдержала Мелашка—у нея такъ сильно сжалось сердце, какія-то спазмы подступили къ глоткѣ; еще мгновеніе—и она упала бы тутъ же. Она захлопнула калитку, шатаясь взошла на крыльцо, отворила „синешни двери“—и пластомъ повалилась на прохладный глиняный полъ сѣней...

— „Садись, чего засмотрѣлся“? окликнулъ ямщикъ Хведька и тѣмъ прервалъ его оцѣпенѣніе.

— „Аль знакомая“?—добавилъ онъ подбирая возжи и взлѣзая на передокъ. Хведько только насупился, усаживаясь около солдата.

— „Эхъ, вы други забыли, какъ ходили“—прикрикнулъ ямщикъ, и напоенная тройка понеслась, взбивая облако пыли и сливая звуки колокольчиковъ въ безконечную трель.

Срокъ содержанія Хведька въ острогѣ окончился, и полиція отослала его съ разсыльнымъ для сдачи въ волостное правленіе.

II.

Въ волостномъ правленіи никого, кромѣ дида Смалька, не было. „Присутствіе“ окончилось, и всѣ разошлись обѣдать. Но опытный въ этихъ дѣлахъ полицейскій разсыльный, Лысюкъ, нашелъ возможнымъ поручить Хведька съ препроводительною бумагой въ особомъ пакетѣ диду Смальку съ приказомъ передать его волостному писарю.

Дидъ Смалько, пообѣдавшій еще часовъ въ 9, приказавъ Хведьку ожидать „начальникивъ“, самъ улегся соснуть на „скрыни“ въ присутственной комнатѣ.

Грустно сидѣлъ Хведько въ комнатѣ сельскаго правленія; ему уже перехотѣлось ѣсть; тишина и жара уморили его и клонили ко сну; мысли путались, то обдумывая настоящее положеніе, то мимо воли возвращаясь къ неожиданной встрѣчѣ

съ Мелашкою въ „Деревнѣ“. Ея изумленная фигура, съ небрежно повязаннымъ платкомъ, изъ-подъ котораго выбивались густыя космы волосъ, такъ и стояла въ его воображеніи и опутывала токъ другихъ мыслей и заботъ, поневолѣ засѣвшихъ у него въ головѣ. Нужно было думать о томъ, что начать дѣлать, какъ устроиться... Идти ли опять наниматься въ экономію, передъ которою онъ не считалъ себя виновнымъ, или пойти къ Тышку на горнъ, или попробовать ходить на поденщину... И опять передъ нимъ та же удивленная съ широко раскрытыми ртомъ и глазами Мелашка,—и онъ встряхиваетъ головою, какъ бы отгоняя неумѣстныя мысли, мѣшающія нужному теченію соображеній. Наконецъ и онъ склонился на лавку, подложилъ подъ голову шапку и заснулъ.

Въ церкви пробило два часа. Смалько покрякивалъ, споласкивая въ сѣнцахъ водой заспанную физіономію; на крыльцѣ перегнувшись черезъ перила, стоялъ мальчикъ десятскій и смотрѣлъ на играющихъ въ карты подъ навѣсомъ около пожарнаго „струменту“ двухъ подростковъ; тамъ же виднѣлись отмахивающіяся и хвостами и головами отъ назойливыхъ мухъ три лошади.

— Ты що-жъ оце одынъ? А ти де?—спросилъ десятника вышедшій на крыльцо дидъ Смалько.

— Воны побиглы покупаться; казалы, заразъ прыйдемо—отвѣтилъ тотъ.

— Ну, такъ ты пійды заразъ до Кучеркы, та поклычъ іи Ванюшку. Якъ що спыть, то нехай збудять—скажы, дило есть: зъ города рештанта прывезлы... та швыдче!

Черезъ полчаса Хведька разбудили, и прочитавшій бумагу писарекъ сказалъ, чтобы онъ шелъ себѣ домой, а послѣ какъ-нибудь зашелъ въ правленіе.

Понурившись шелъ Хведько домой. На улицѣ никого не видно было; съ рѣки отъ мостовъ доносились говоръ и смѣхъ. По пути стояла пустая и безлюдная теперь винокурня, на огородѣ слышна заунывная пѣсня, крячки падали на воду, улица и тутъ была пуста—ни души не видно, собаки даже куда-то

попрятались отъ мухъ, только большая чья-то свинья съ невысохшею на одномъ боку грязью мрачно брела вдоль подъ плетнемъ по колючкамъ, очевидно выбирая мѣсто, куда бы можно пробраться въ огороды.

Пустынность улицы дозволила Хведьку никѣмъ не замѣченнымъ пройти къ своему двору.

Окна въ домѣ были закрыты, и двери оказались запертыми висячимъ замкомъ. Вообще дворъ выглядѣлъ совершенно пустымъ; крыльцо припало пылью, что доказывало, что давно уже никто по немъ не ходилъ. Не видно было того обычнаго жилого неладу во всемъ обиходѣ, какой бываетъ въ жилыхъ дворахъ. Все свидѣтельствовало о томъ, что во дворѣ этомъ давно уже никто не живетъ.

Долго сидѣлъ Хведько на крылечкѣ своего дома, свѣсивъ голову на грудь. Ему было такъ больно, такъ жалко самого себя, что онъ чуть-чуть не заплакалъ. Уже и къ вечернѣ перезвонили, и тѣнь отъ хатъ все больше удлинялась по мѣрѣ склоненія солнца на западъ, а онъ все сидѣлъ, не придумывая ничего, что дѣлать, куда пойти порасспроситься. Съ самаго утра онъ ничего не ѣлъ, и у него, что называется, животъ подвело. Увидавъ кой-гдѣ въ садку краснѣющія вишни, онъ пошелъ туда, сорвалъ нѣсколько еще не совсѣмъ спѣлыхъ ягодъ и съ жадностью сталъ ихъ ѣсть. За садками сейчасъ же начинались огороды и на нихъ слышны были голоса начавшихъ уже поливку капусты женщинъ. Но какъ ни вслушивался онъ, никакъ не могъ узнать, кто это изъ сосѣдокъ перекликается. Наконецъ онъ услыхалъ такой вопросъ.

— Чы ты, Сохво, вже усю розсаду посадыла?

— Ни, отъ ще цилу грядку досажувать—отвѣтилъ узнанный Хведькомъ голосъ солдатки Сохвы.

Неловко было ему подходить къ ней въ виду другихъ, а потому онъ порѣшилъ пройти улицею, справедливо предполагая, что она и теперь также пустынна, какъ и тогда, когда онъ проходилъ домой. Никого не встрѣчая, прошелъ онъ во дворъ къ Сохвѣ и уже хотѣлъ пройти въ садокъ, какъ небольшая со-

бачка, спрятавшаяся гдѣ-то подъ крыльцомъ, затявкала, и на ея лай изъ огорода показалась подтыканная Сохва. Она сразу узнала Хведька и обратилась прямо къ нему съ вопросомъ.

— Шо, мабуть, не достукався?... Ключи въ мене. А я, бачъ, думаю, на кого це дзявкае? Ажъ воно онъ хто... Ходимъ же у хату...

Хведько радъ былъ войти въ хату, чтобы его никто не видѣлъ.

Обдернувшая юбку и оправившая платокъ на головѣ Сохва, поднявъ половинку рамы, открыла оконницу и тѣмъ освѣтила полутемную, чисто прибранную и прохладную горницу. Хведько перекрестился на образа и чинно сказалъ.

— Здраствуйте.

— Здоровъ, Хведоре. Якъ тебе Господь мылуе? одстраждавъ свое? выпустылы? Мы такъ оце якось и вгадувалы, що тебе повынно десь тутъ икъ Петру выпустять. Ну, посыдь же, а я тоби хоть пополудновать зберу.—И она пошла изъ горницы, куда скоро вернулась, держа въ рукахъ двѣ тараньки и пучекъ зеленаго луку. Хведько помылъ руки и усѣлся полудновать. Сохва разсказала о томъ, что бондарь сейчасъ же послѣ Вознесенья уѣхалъ съ женою въ свою сторону, а такъ какъ Машка нанялась на Бемовку къ діакону, то хату пришлось запереть, повыбиравъ изъ нея все, что стоило сохранить и что и по сю пору хранилось въ коморѣ.

— Це тоби не що, якъ прыходыться оженытысь, прибавила Сохва.

Хведько глянулъ на нее съ удивленіемъ и отрицательно потрясъ головою. Сохва поняла по своему это отрицаніе.

— „Думаешъ, дивкы не знайдемо? Мы ще таку высватаемо, що тилькы ну!—

Хведько опять съ тѣмъ же серьезнымъ выраженіемъ въ задумчивыхъ очахъ встряхнулъ головою и отвѣтилъ:

— „Ни, цього николы не буде.

Сохва поняла причину этого отрицанія брака съ его стороны и сразу перемѣнила разговоръ.

— „Боже, Боже якъ убывалася! трохы сама соби смерты, просты Господы, не заподіяла... такъ іи сердешну ни живу-ни мертву повезлы у церкву. Якъ оце колы приходыть до своихъ, то и мене не мынае—хоть на хвылыночку зайде по старій памьяти... Такъ, зря свитъ молодыци завъязалы...—говорила словоохотливая женщина, не называя даже ту, о которой шла рѣчь, хорошо зная, что слушающій самъ догадается. Дѣйствительно, Хведько понималъ, кого такъ жалѣла его собесѣдница. Рѣчь эта снова вызвала въ его памяти дорогой для него образъ Мелашки, и ему стало особенно, какъ никогда прежде, жаль ее. Онъ пересталъ ѣсть, опустилъ на колѣни руки и, издавъ сквозь стиснутые зубы что-то похожее на стонъ, хрустнулъ пальцами, но ничего не сказалъ.

— Шожъ не полуднуешъ?—послѣ нѣкотораго молчанія сказала Сохва.—Годуйся чымъ Богъ пославъ, бильше ничымъ гостыть—и послѣ Хведьковаго „спасыби", добавила:

— Шожъ ты теперъ думаешъ робыты?

Хведько всталъ изъ-за стола, помолился Богу, еще разъ поблагодарилъ за полуденокъ хозяйку и, вздохнувъ, сѣлъ опять на лавкѣ...

— „Хто його знае, що и робыты?—раздумчиво сказалъ онъ. Пійты ще попытатысь на горенъ до Тышка статы, колы наймае... або може до панивъ пійты?...—все въ томъ же тонѣ, какъ бы разсуждая самъ съ собою, говорилъ Хведько.

Сохва слушала его, прибирая со стола.

— Такъ ты отъ що. Хочешъ—иды въ свою хату, а хочешъ—ночуй въ мене: тутъ тебе нихто не побачыть, а завтра пидешъ у Бемовку на базаръ, такъ тамъ про все дознаешъ и Тышка тамъ побачышъ—винъ муку що—базарю продае.—

Хведько въ раздумьи сидѣлъ, свѣсивъ голову. Принявъ его молчаніе за согласіе съ ея послѣднимъ предложеніемъ, Сохва продолжала:

— Такъ ты засунься у синяхъ, а я пиду тамъ трохы капусты досаджу... иды засунься!—

Машинально Хведько вышелъ въ сѣнцы, задвинулъ указанный хозяйкою засовъ, постоялъ въ сѣняхъ, слышалъ, какъ Сохва, что-то припѣвая, затворила оконицу и прошла на огородъ, и вошелъ опять въ полутемную горницу. Тутъ онъ опять остался наединѣ со своими невеселыми „думками та гадкамы“. Опять пришла ему на память сегодняшняя встрѣча съ Мелашкою, слова Сохвы. Опять „жаль“ обнялъ его душу. Жалко ему стало себя, а еще больше Мелашку. Такъ бы хотѣлось ему ее повидать, высказать ей свою къ ней жалость, потужить, поплакать съ нею.

Поуправившись съ капустою, Сохва постучала въ двери и, забравъ изъ хаты какіе-то припасы и посуду, отправилась на огородъ варить ужинъ къ одному костру, куда сходились для этого дѣла нѣсколько семействъ.

Вечернія сумерки, а затѣмъ скоро и ночь спустились на засланные дымомъ костровъ огороды. Съ улицы доносились обычные звуки деревенской вечерней суеты—блеяніе овецъ, муканье коровъ, грохотъ возвращающихся во дворъ телѣгъ, скрипъ колодезныхъ „зводовъ“, говоръ и переклики людей, хоровыя пѣсни „юлыци“, кваканье лягушекъ въ болотѣ, посвистыванье „вивчарыка“, стонъ выпи...

Ничего этого не слышалъ Хведько, заснувшій на лавкѣ съ кулакомъ подъ головою, пока какъ-то съумѣвшая сама отпереть двери Сохва не разбудила его къ ужину.

Какъ ни приглашала его гостепріимная хозяйка ложиться на постланной кровати, Хведько ушелъ спать въ сѣни, согласившись только принять для постели какое-то рядно.

III.

Еще туманъ не успѣлъ совсѣмъ подняться съ долины рѣки, какъ уже Хведько черезъ огороды и большой мостъ шагалъ на Бемовку, гдѣ въ этотъ день обыкновенно собирался базаръ.

Двѣ-три лавченки съ дешевыми ситцами, миткалемъ и прочими мануфактурными издѣліями, три-четыре воза съ кожевеннымъ товаромъ, нѣсколько „седухъ“ съ бубликами, паляныцями, спички, табакъ, деготь, и т. п. сельскій товаръ—вотъ и вся торговля сборища людей, нуждающихся въ сбытѣ того или другого продукта, вещи или матерьяла въ эту пору года. Сухая вяленая тарань и одинъ-два воза привезенныхъ изъ Рыльска косъ составляютъ сезонную особенность этого базара.

Въ Петровки, передъ косовицею и вообще передъ началомъ страдныхъ лѣтнихъ работъ, крестьяне стараются подкормиться, набрать силы. Весеннія работы уже дали хоть небольшой заработокъ, деньги уже стали появляться у крестьянъ, и потому на базарахъ этого сезона бойко торгуютъ мельники вывозимою ими мукою и пшеномъ.

Хведько въ базарѣ сразу натолкнулся на сестру Машку, несшую снизу въ ведрахъ на коромыслѣ воду. Она такъ обрадовалась и испугалась, что не могла и слова сказать, смотрѣла на брата широко раскрытыми глазами, и только ужъ немного пришедши въ себя, пригласила его идти вмѣстѣ съ нею.

Поставивъ ведра на крыльцѣ, она сейчасъ же выбѣжала за ворота, гдѣ, ожидая ее, стоялъ Хведько. Разговоръ ихъ былъ лакониченъ и состоялъ въ объясненіи ея о томъ, что „вся худоба“ снесена изъ оставленнаго бондаремъ дома ихъ къ Сохвѣ, которой оставлены и ключи отъ дома; что Полька, вышедшая замужъ, тутъ же на Бемовкѣ, на другомъ краю, „на Удильщыни“; что деньги по совѣту тетки Горпыны отданы въ ростъ Сугыби; что она, нанявшаяся еще съ посту къ діакону, зная о его, Хведька, болѣзни, ничего не сѣяла, а поле сдала тоже по совѣту той же тетки Васылю Нетребенку, за что онъ обязался убрать и свезти ихъ озимый посѣвъ на 12 саженяхъ.

Все это Машка вкратцѣ передала брату, прерываемая отъ времени до времени его вопросами и разъ даже отозванная во дворъ самою діаконшею.

Этотъ обстоятельный отчетъ какъ-то подбодрилъ Хведька, натолкнулъ его на соображеніе о томъ, что онъ еще не совсѣмъ

потерянный человѣкъ, не всѣми покинутый, что у него еще имѣется возможность воспрянуть и „зробыться чоловикомъ“.

По указанію Машки, онъ пошелъ на „Удильщыну“ повидаться съ Полькою, но предварительно прошелъ на базаръ къ возамъ, гдѣ продавалась мука, и хотя не нашелъ тамъ самого Тышка, который поѣхалъ въ городъ съ транспортомъ извести и потому съ мукою выслалъ жену съ работникомъ, но отъ послѣднихъ онъ узналъ, что горнъ на всю рабочую пору будетъ потушенъ.

Польку онъ засталъ дома. Она была взята въ семью и не была самостоятельною хозяйкою, но такъ какъ во дворѣ были только она съ мужемъ—старики были на базарѣ, а молодежь гдѣ-то въ дѣлѣ внѣ дома,—то его тамъ приняли за гостя: усадили за столъ и покормили завтракомъ.

Мужъ Польки хотя еще и несамостоятельный хозяинъ, тѣмъ не менѣе, какъ старшій сынъ въ семьѣ, настолько оказался опытнымъ, что посовѣтовалъ Хведьку „справыть“ конную запряжку, что и дастъ ему въ настоящую рабочую пору, особенно во время возовицы, а послѣ, при уборкѣ свеклы, хорошій заработокъ при возможности теперь—лѣтомъ „абы-де попасты шкапу“.

Теперь все дѣло стало за тѣмъ, отдастъ ли Сугыба деньги, каковыхъ съ ростомъ должно уже быть болѣе 60 рублей.

Задумавшись обо всемъ этомъ, Хведько незамѣтно для самого себя дошелъ до базара, который еще не расходился, хотя уже многіе возвращались домой нагруженные разными покупками. Ему нечего было дѣлать на базарѣ, развѣ повидать, нѣтъ ли здѣсь Сугыбы.

Скоро онъ вошелъ въ базарную толпу, разсчитывая тамъ найти своего должника, какъ вдругъ около трактира „Вовка“ его кто-то окликнулъ.

— Це ты, Хведоре? Сюды дывысь! Такъ и е! Винъ самый!—послышалось сквозь общій гулъ и говоръ базарной толпы. Оглянувшись, Хведько увидалъ Шляхового, который, отстра-

няя тянувшаго его за рукавъ какого-то пьянаго человѣка, тянулся къ нему.

— Здраствуй, братъ! Жывый ще? Давно?—привѣтствовалъ его Шляховой.

Хведько и обрадовался этой встрѣчѣ, и вмѣстѣ чего-то сконфузился. Пріятно ему было встрѣтить человѣка, который въ тюрьмѣ проявлялъ къ нему столько сочувствія и расположенія, и въ то же время его шокировало это знакомство, заявляемое такъ открыто, посреди базара.

Знакомецъ Шляхового пересталъ тянуть его и, вперившись глазами, осматривалъ Хведька. Хотя послѣдній былъ одѣтъ въ обыкновенный крестьянскій костюмъ, но его блѣдное, необгорѣвшее еще на солнцѣ лицо и, вѣроятно, еще какія-то еле замѣтныя особенности манеры—для опытнаго глаза сразу опредѣлили то, что онъ былъ недавнимъ сидѣльцемъ тюрьмы, гдѣ не могло прокоптить его весеннее солнышко, гдѣ не было той свободной, на чистомъ воздухѣ работы, которая даетъ особый характеръ всѣмъ движеніямъ крестьянина.

— Што жъ? Забирай и цього: а-же винъ тожъ бувалый? Ходимъ!.. опять началъ тянуть Шляхового его знакомецъ.

— Постой, дай зъ чоловикомъ пороспытаться.

— Та тамъ и поросиытаетесь—настаивалъ тотъ...

— Ходимъ зъ намы, хлопче, сказалъ Шляховой и послѣ шепнулъ:

— Це Шкавро. Знаешъ?!

Хведько слыхалъ гдѣ-то такую фамилію, но сразу не могъ припомнить и уже только погодя немного вспомнилъ, что въ тюрьмѣ это имя въ разсказахъ фигурировало, какъ имя героя какихъ-то ловкихъ похожденій. Самый шепотъ Шляхового отмѣчалъ этого человѣка.

—

Въ трактирѣ стоялъ гамъ, всѣ говорили громко, многіе пили водку прямо у стойки, а то сидѣли за столиками; послѣднихъ было мало: не такое время, когда можно прохлаждаться. Воздухъ былъ пропитанъ сивушнымъ запахомъ, сквозь который пробивался запахъ махорки и дегтя.

Шкавро, очевидно, въ трактирѣ былъ свой человѣкъ. Онъ сразу усѣлся за особый столъ, потребовалъ водки и чаю и пригласилъ садиться Шляхового и Хведька.

— Сидай, Денысовычъ. Сидай и ты братъ! приглашалъ онъ совершенно спокойнымъ голосомъ и безъ малѣйшей тѣни опьяненія.

— Винъ тутошній? блызенькій? спросилъ Шкавро, обращаясь заразъ и къ Шляховому, и къ Хведьку.

— Та вжежъ здешній. Зъ Андріивкы. Винъ зо мною сыдивъ... Такъ занапрасно! объяснялъ Шляховой.

Какой-то подростокъ съ нечесаной головой и въ какомъ-то затасканомъ, вылинялломъ пиджакѣ, изъ-подъ котораго виднѣлась ситцевая рубашка, принесъ стаканы, чайникъ и затѣмъ графинчикъ водки.

Шкавро досталъ изъ кармана черкески вязку бубликовъ и сталъ наливать чай. Всѣ пріемы его обнаруживали въ немъ знающаго и бывалаго посѣтителя трактировъ.

Раздавъ стаканы и сахаръ, онъ налилъ рюмку водки и подалъ ее Шляховому, но тотъ отстранилъ рюмку со словами.

— Пый на здоровья! У твоихъ рукахъ! И Шкавро, сказавъ „будьте здорови", опрокинулъ въ ротъ рюмку, послѣ чего сплюнулъ.

Такъ-же кратко здороваясь, выпилъ поднесенную рюмку и Шляховой; но когда дошла очередь до Хведька, то послѣдній взялъ въ руки рюмку, всталъ и счелъ нужнымъ передъ выпивкой проговорить цѣлую тираду:

— Будьте здорови зъ пятныцею! Пошлы намъ Господы усього, що мы въ Бога просымо—счастя, здоровья...

— Пый на здоровья!—коротко отвѣтили ему одновременно оба собесѣдника, какъ бы желая прекратить лишнія разглагольствованія.

Послѣ водки Шкавро предложилъ закусить бубликами и пить чай.

Того опьяненія, въ какомъ онъ былъ на улицѣ около трактира, какъ не бывало. Онъ, что называется, былъ ни въ

одномъ глазѣ. Не успѣли еще выпить по другому стакану чаю, какъ проходившій мимо ихъ подносчикъ вполголоса сказалъ Шкавру.

— Иды, тамъ тебе Степанъ Васильевычъ зове!—

Со словами:—Отъ я заразъ! Пыйте чай!—позванный пошелъ за стойку, гдѣ стоялъ толстый Степанъ Васыльевичъ, содержатель этого трактира.

— Ты оце й прымичай! Бачывъ, якый бувъ пьяный на базари?! И якый теперъ.—Ото прытворявся... Мабудь-то воно на щось такъ треба... шепталъ Шляховой Хведьку, у котораго прошло первое чувство конфузливости, а напротивъ общеніе съ этимъ мужественнымъ красивымъ брюнетомъ, Шкавромъ, о которомъ даже Денысовычъ говорилъ съ оттѣнкомъ уваженія, и съ самымъ „Денысовычемъ“ (Шляховымъ), котораго онъ самъ зналъ за солиднаго и виднаго въ острожной средѣ человѣка—для него было лестно. Это обращеніе съ нимъ, какъ съ равнымъ, такихъ солидныхъ людей было для Хведька какъ-бы подтвержденіемъ въ немъ того чувства самосознанія, съ какимъ онъ послѣ свиданія съ сестрами и съ зятемъ обдумалъ дальнѣйшій образъ своей жизни.

Это пріятное настроеніе Хведька еще усилилось послѣ того, когда по возвращеніи къ столу Шкавра былъ роспитъ графинчикъ водки, поставленный Шляховымъ, и перешло постепенно въ умильность и особую расположенность къ своимъ собесѣдникамъ послѣ выпивки самимъ Хведькомъ поставленной водки.

Дѣло дошло до откровенности и изліяній. Хведько разсказалъ своимъ собесѣдникамъ Шкавру и Шляховому, называя ихъ дядьками, о предположеніи купить на деньги, которыя отдастъ ему Сугыба, лошадь, телѣгу и заработывать, жить въ своемъ домѣ, взять къ себѣ сестру и кой-какъ питаться съ Божьею помощію. Онъ разсказалъ „дядькамъ“, гдѣ его домъ, при чемъ оказалось, что Шкавро бывалъ тамъ и знаетъ его дворъ, разсказалъ про то, что у него есть еще немного хлѣба въ зернѣ и посѣяннаго жита 12 саженей; что купленную ло-

шадь онъ будетъ пасть у „паньскому лиси“, гдѣ сторожемъ живетъ покойнаго его отца кумъ, Максимъ Плахотя... Однимъ словомъ, опьянѣвшій парубокъ изливался во всемъ, съ полнѣйшею откровенностію передъ своими собесѣдниками, которые уже успѣли при немъ же и на счетъ его перемигнуться и перекинуться двумя-тремя непонятными для него словами. Они между прочимъ обѣщали пособить ему въ выборѣ при покупкѣ лошади на имѣющейся быть скоро, на Петра и Павла, въ Андреевкѣ ярмаркѣ.

Народа въ трактирѣ стало уменьшаться, базаряне уходили. Оставались еще только посильнѣе выпившіе. Становилось тише. Нѣсколько разъ начинаемая пѣсня одного изъ посѣтителей да безсвязные время отъ времени вскрикиванія другого не заглушали ужъ такъ, какъ бывшій здѣсь съ утра гамъ толпы, все еще продолжавшуюся бесѣду компаніи Хведька. Только онъ самъ, высказавшій все, что могъ, сталъ путаться языкомъ и съ отупѣвшимъ взоромъ сидѣлъ, опрокинувшись на спинку стула, изрѣдка покачивая головой.

Вошли два человѣка и направились прямо къ стойкѣ. На одного изъ нихъ Шкавро указалъ Хведьку и спросилъ его:

— Знаешъ, хто се?

Хведько не могъ хорошо сообравить, гдѣ онъ видѣлъ этихъ двухъ человѣкъ.

— Та оце жъ той высокый и есть Сугыба — сказалъ Шкавро.

Хведько припомнилъ себѣ его. Не успѣлъ этотъ Сугыба усѣсться, какъ Хведько уже подошелъ къ нему и поздоровался подавая руку, какъ съ нимъ, такъ и съ другимъ человѣкомъ. Этимъ другимъ оказался Иванъ Ивановичъ Кулишъ, тотъ, который писалъ Хведьку къ судьѣ „жалобу и объясненіе“.

— А що я, дядьку, хочу тебе попытать? — обратился Хведько къ Сугыбѣ.

— Скажешъ—отвѣтилъ тотъ спокойно.

— Та отъ-що: тоби отдани у ростъ наши гроши, такъ оце теперъ воны мени надоблятьса...

— Це ты, парень, не туды попавъ!—Знаю, це ты той зъ Красноселивкы, що ты ото за бурякове симья попався...—отвѣтилъ какъ бы припоминая что-то Сугыба.

— Симья—не симья, а ты, дядьку, не заидай чужыхъ грошей, отдай!.. вдругъ насунулся на Сугыбу Хведько, не давъ ему окончить фразы.

Шляховой сразу сообразилъ, что опьянѣлый Хведько можетъ устроить скандалъ, и бросился къ нему, между тѣмъ какъ Шкавро сейчасъ же притворился сильно пьянымъ.

— Та хыба жъ такы такъ правлять гроши?! Ты бъ такы, якъ слидъ, поговорывъ зъ чоловикомъ. А то такъ... останавливалъ разошедшагося уже было Хведька Шляховой.

Какъ ни былъ пьянъ Хведько, но слова этого внушенія онъ понялъ и даже сообразилъ, что на самомъ дѣлѣ „слидъ поговорыть“, и стоялъ сконфуженный. Конфузъ его еще больше усилился, когда объяснилось, что это не тотъ Сугыба, который былъ должникомъ Хведька, а его братъ Трохымъ, а должникъ Тимоха поѣхалъ въ Шереметовку за кожевеннымъ товаромъ и будетъ назадъ въ Андреевку только къ Петрову дню, къ ярмаркѣ.

Кулишъ, смотрѣвшій на всю эту сцену и понявшій, что тутъ рѣчь идетъ о какомъ-то долгѣ, уже уводимому Шляховымъ Хведьку сказалъ:

— Ты, парень, колы что такое на счетъ то есть взысканія, такъ прыходы ко мнѣ...

Шляховой перекинулся нѣсколькими словами со Шкавромъ, все еще притворяющимся опьянѣлымъ, и повелъ изъ трактира Хведька пьянаго, но не шатающагося, а за ними валяясь и что-то бормоча шелъ Шкавро.

Базара почти уже не было. Краснорядцы убирали наметы; „седухи“ передвинулись съ площади на обычныя свои мѣста подъ тѣнь домовъ...

Черезъ пустѣющую площадь Шляховой и Хведько съ шатающимся сзади ихъ Шкавромъ направились въ домъ послѣдняго

Доведши гостей въ свой домъ, Шкавро сразу отрезвѣлъ и велѣлъ пришедшей съ огорода женѣ собирать обѣдать.

За обѣдомъ, состоявшимъ изъ борщу съ таранею и пшенной каши, опять выпивалась водка, купленная хозяиномъ, и послѣ пилось еще и еще; куда-то ходили, кто-то еще появился было на время въ ихъ компаніи. Во всемъ этомъ Хведько, проснувшійся подъ какою-то повѣтью, не могъ дать себѣ яснаго отчета.

IV.

Уже разсвѣло; за плетневою стѣнкою слышно было струеніе молока въ подойникъ и ласковое уговариваніе коровы.

— Стій же, стій, рябенька! Стій, тпруся!—повторялъ женскій голосъ и за тѣмъ струилось молоко.

Около него кто-то лежалъ и храпѣлъ—оказался Шляховой. Тошнило, болѣла сильно голова, какъ тогда въ горячкѣ... пѣли пѣтухи, кудахтали куры...

Еле поднявшись, Хведько сидѣлъ на какой-то мятой соломѣ, положительно не понимая, гдѣ онъ и какъ сюда попалъ.

Проснулся наконецъ Шляховой и, видя сидящаго Хведька, спросилъ:

— Шо, чуманіешъ? Слухаешъ чмеливъ?!—Вставай, пійдемо шукать учорашнього..

И съ этими словами сразу вспалъ на ноги и потянулъ за руку Хведька.

Оказалось, что они ночевали не у Шкавра, а у его зятя, Ласченка, куда были вчера проведены огородами. Много времени уже послѣ того Хведько уразумѣлъ смыслъ этого спроваживанья отъ себя „дорогихъ гостей".

Теперь же обрюзглый, съ припухшими глазами и съ тошнотою подъ ложечкой онъ шелъ по огородамъ, низами, вслѣдъ за Шляховымъ, оббивающимъ росу съ нависшихъ надъ извивающейся дорожкой вѣтокъ лозняка и калины.

Такъ дошли они до моста на большой дорогѣ, перешли ее и черезъ огородъ и садокъ зашли со двора въ тутъ же надъ

дорогою стоящій кабакъ, извѣстный всѣмъ подъ именемъ его хозяина Стрибуля. Такъ и называли всѣ этотъ кабакъ—Стрибуль.

Солнце какъ разъ выглянуло изъ-за горизонта; по слободѣ слышенъ былъ ревъ выгоняемой скотины, переклики; трещалъ цѣлый сборъ пустыхъ телѣгъ, очевидно, откуда-то возвращающихся.

Шляховой увѣренно постучалъ въ окно. Послышался чей-то голосъ, и они вошли въ отпертыя кѣмъ-то полутемныя сѣнцы.

Здѣсь ихъ встрѣтилъ самъ Стрибуль, раздѣтый, только въ бѣльѣ и босой. Шляховой что-то сказалъ ему въ полголоса, и Стрибуль внимательно осмотрѣлъ Хведька, пошелъ въ избу и оттуда сейчасъ же вернулся, держа въ рукахъ бутылку водки и рюмку.

Шляховой выпилъ налитую ему большую рюмку, крякнулъ, сплюнулъ и другую рюмку указалъ рукою поднести Хведьку.

— Пый, братець! поправляйся!

Хведько, вздрагивая, выпилъ водку, скривился болѣзненно.

— Ничаво! братъ, пройде! посмѣялся ему Шляховой.

— Ну, оце й буде! Слухай сюды. Я оце выйду, а ты зъ синей дывысь—якъ махну рукою, такъ ты бигомъ бижы до мене. Чуешъ?

— Чую!—отвѣчалъ ничего не понимающій Хведько.

Шляховой выглянулъ въ двери и шибко пошелъ черезъ дворикъ въ садокъ. Изъ сѣней видно было, какъ онъ, спрятанный въ вишняку, осматривался. Немного погодя Стрибуль обратилъ вниманіе осматриваемаго имъ Хведька на то, что Шляховой машетъ на него изъ вишняка. Хведько въ нѣсколько прыжковъ добѣжалъ до садка и пошелъ вслѣдъ за Шляховымъ опять огородами и садками.

Такъ дошли они до рѣчки, гдѣ огороды оканчивались лознякомъ и очеретомъ. Зашедши въ камыши, Шляховой остановился и повелъ такую рѣчь:

— Ось слухай сюды! Ты оце теперъ вже втрапышъ самъ до дому. Онъ тамъ уливо бродокъ знаешъ? Туди й пійдешъ; теперъ тамъ трохы вышче колинъ буде и не вязко. Теперъ же

оце ты и кабакъ Стрибулввъ знаешъ—оце де мы булы заразѣ. Такъ и не кажы никому, де ты цю ничъ бувъ. А тамъ самъ побачышъ. Та ще. Послухай, хлопче, мене! Горилки не пый: вона тоби, братець ты мой, не пайдьоть. Оце тоби й усе. Проберись до дому такъ, щобъ тебе мало хто й бачывъ,—кончилъ Шляховой. Когда задумавшійся Хведько поднялъ опущенную голову, то уже около него никого не было, только птички чирикали, да шумѣли жесткіе листья очерету.

— Пранькъ визьмы!—послышался недалеко отъ него рѣзкій женскій голосъ, и изъ чащи очерету онъ увидѣлъ съ мокрымъ бѣльемъ на коромыслѣ идущую къ рѣчкѣ женщину, отъ которой въ сторону хатъ побѣжала дѣвочка подростокъ.

Молодица не далеко отъ Хведька скрылась въ камышѣ, и вскорѣ въ той сторонѣ послышалось шлепанье по кладкѣ бѣлья.

Это отрезвило Хведька, и онъ направился въ сторону указаннаго Шляховымъ бродка черезъ рѣку.

Пробравшись по какой-то тропѣ черезъ камыши къ рѣкѣ Хведько раздѣлся совершенно и, прежде чѣмъ перебродить, покупался. Купанье его освѣжило, и онъ, перебравшись на свою сторону, пошелъ огородами, а кое-гдѣ и улицею въ свой дворъ.

Опять тѣ же запертые двери, то же запустѣнье. Подбодренный купаньемъ, онъ могъ кой-какъ собраться съ мыслями, отчасти припомнить все, что съ нимъ случилось за эти сутки,— свои соображенія о хозяйствѣ, совѣты зятя, разсказы сестеръ, выпивку въ трактирѣ Вовка, Шкавра, Сугыбу, какую-то компанію, пробужденіе въ какомъ-то чужомъ незнакомомъ ему сараѣ, путешествіе по огородамъ, кабакъ Стрибуля и наконецъ наставленія Шляховаго...

Все это передумывалъ онъ, сидя на крыльцѣ своего дома, и изъ всего выходило одно: нужно что-либо начать дѣлать, какъ-нибудь устраиваться. Но какъ это сдѣлать?! Поселиться ли въ своей хатѣ, взять отъ діакона сестру и съ нею хозяйничать, наняться ли куда?... онъ не могъ разрѣшить этихъ вопросовъ и долго бы пришлось ему разрѣшать ихъ, если бы сама жизнь не увлекла его въ свой обыденный водоворотъ.

Въ воротахъ показался подростокъ мальчикъ, безъ шапки на головѣ, но съ палочкою въ рукахъ. Онъ смѣло вошелъ въ калитку и обратился къ Хведьку со словами.

— Иды въ росправу, тамъ тебе клычуть.

— Хто мене клыче?—спросилъ Хведько.

— Дидъ Смалько пославъ мене—не знаю, хто клыче тамъ; тилько Андріанъ Павловычъ одынъ у росправи...

— Хто се, Андріанъ Павловычъ?

— Та волосный новый...

— Угмъ! Ну, щожъ заразъ—сказалъ Хведько и вмѣстѣ съ хлопцемъ десятскимъ вышелъ на улицу.

— Ты жъ иды, а я оце тутъ пійду по Красноселивци: мени ще треба до Могрыцького,—сказалъ десятникъ, поворачивая за калиткой въ другую сторону.

Хведько пошелъ по улицѣ, не думая уже скрываться отъ людей, которыхъ, однако же, все таки на улицѣ не было. Только возлѣ одной хаты виднѣлась женщина, одѣтая поверхъ обыкновеннаго домашняго костюма въ мужскую рубаху. Она бѣлила съ улицы хату и не обращала вниманія на него.

Но не много дальше его окликнула Сохва со двора, гдѣ она укладывала въ кучки подсохшіе кизяки.

Хведько завернулъ къ ней.

— Де це ты бувъ доси?—спросила Сохва, отвѣтивъ кратко на его привѣтствіе.

Вопросъ этотъ сконфузилъ Хведька, и онъ не сразу надумался что отвѣтить.

— Я вже думала, нанявся до Тышка.

— Не найма; каже, що усе лито ажъ до Спасивкы не буде йты горенъ... Бувъ у Полькы, Машку бачивъ.

— Ну, щожъ? Якъ усовитувалысь?

— Та ще ничого не усовитувалы... Оце пійду у росправу, зачымсь клычуть...

— Заходь тоди сюды до мене...

Хведько отправился въ Волостное Правленіе.

V.

Тамъ тотъ же дидъ Смалько, два десятника-подростка, да двѣ женщины, изъ коихъ одна держала какую-то бумагу, завернутую въ платокъ. Онѣ стояли около писарька, который что-то писалъ, очевидно съ ихъ словъ. Изъ слѣдующей комнаты доносились какія-то оживленныя препирательства и споръ.

Тамъ было нѣсколько человѣкъ;—шло засѣданіе волостного суда.

Долго Хведьку пришлось сидѣть въ первой комнатѣ и ожидать, пока наконецъ не вышелъ къ нему по докладу дида Смалька волостной писарь.

Не сразу могъ писарь, очевидно захлопотанный толками и пререканіями только что разбиравшагося дѣла, сообразить, какъ и зачѣмъ вызванъ имъ Хведько. Онъ изумленно смотрѣлъ на него нѣсколько мгновеній и тогда только вспомнилъ.

— Ага, ты тотъ, что изъ тюрьмы выпущенъ? Подожди!— сказалъ онъ и пошелъ въ комнату, оставивъ отпертыми двери. Хведько увидалъ, что писарь разыскивалъ на столѣ какую-то бумагу и что-то говорилъ вошедшему изъ другой комнаты старшинѣ, но что именно—разслышать нельзя было за говоромъ судящихся. Нашедши бумагу, писарь просмотрѣлъ ее и опять что-то сказалъ старшинѣ. Сей послѣдній глянулъ въ сторону Хведька и опять на говорившаго что-то писаря и затѣмъ уже, подошедши поближе къ дверямъ, сказалъ:

— Иды по свойому дилу! Теперь ты не надобенъ, а тилько билета тоби выдаваты не можна. Га! Та ще отъ що!—теперъ робоча пора, такъ подати дбай, щобъ булы! Иды зъ Богомъ!— кончилъ старшина, отпуская Хведька, крайне изумленнаго мирнымъ тономъ его рѣчи.

Ему не хотѣлось вѣрить, чтобы этотъ тонъ былъ естественнымъ, а не дѣланнымъ съ какою либо ехидною цѣлью, по отношенію къ нему. Старшина въ его воображеніи и оставался главнымъ виновникомъ постигшаго его наказанія, не смотря на разъясненія ему его дѣла въ острогѣ болѣе опытными по сей части сидѣльцами тюрьмы.

Свѣсивъ непокрытую шапкою голову, стоялъ, задумавшись Хведько около крыльца волости, не зная, куда идти и что дѣлать.

Изъ двора волости вышло нѣсколько человѣкъ, пререкаясь по поводу только-что разбиравшагося въ судѣ дѣла. Противники, поддерживаемые каждый своими свидѣтелями-сторонниками, не переставали спорить и доказывать каждый свою правоту. Дѣло шло о какомъ то долгѣ, сдѣланномъ еще отцомъ одного изъ тяжущихся, при чемъ сынъ умершаго должника настаивалъ на томъ, что къ уплатѣ долга должны быть привлечены и два старшихъ его брата, хотя и выдѣленные еще при жизни отца и до совершенія имъ взыскиваемаго долга. Оба тяжущіеся совмѣстно со свидѣтелями направились, не переставая спорить, вдоль по улицѣ къ дому Кучерки, гдѣ обыкновенно распивались купно съ приглашаемыми судьями чаи, сдабриваемые водочкою и кренделями.

Отстранившійся, чтобы дать дорогу этой всей компаніи, Хведько мимо воли заслышалъ ихъ споръ о долгѣ и вспомнилъ о деньгахъ, находящихся у Сугыбы. Такъ какъ послѣдній жилъ тутъ же недалеко, то Хведько и порѣшилъ зайти къ нему, хотя и вспомнилъ, что вчера что-то говорилось о его отсутствіи.

Калитка новыхъ, высокихъ, въ прочныхъ вереяхъ воротъ хорошо обстроеннаго и крѣпкаго двора Сугыбы была заперта. На лязгъ желѣзнаго кольца калитки во дворѣ послышалось рѣзкое тявканье какой-то шавки и басистый охриплый лай большой цѣпной собаки и затѣмъ нескоро уже женскій голосъ, спрашивающій:

— Хто се?

— А ну, выйдить сюды!—отвѣтилъ Хведько, держась за кольцо.

Калитка отворилась, въ ней появилась не старая еще благообразная женщина, очевидно оторванная этимъ вызовомъ отъ какого-то мазанья, о чемъ свидѣтельствовала ея подоткнутая и забрызганная глиною юбка, сбитый немного со встрепаныхъ волосъ головной платокъ и „щитка“ въ правой рукѣ.

Она ничего не сказала, только вопросительно смотрѣла на Хведька, тоже не знающаго съ чего начать. Онъ не зналъ, какъ назвать своего должника, а назвать его по фамиліи, то есть такъ, какъ его дразнятъ — Сугыбою, онъ считалъ неприличнымъ.

Неловкость положенія прервала Сугыбиха, успѣвшая скоро сообразить, что передъ нею стоитъ человѣкъ, внѣшностью отличающійся чѣмъ-то отъ обыкновенныхъ селянъ. Она такъ-же, какъ и вчера на базарѣ Шкавро, сразу сообразила, что это тотъ именно парень, который находился „завданымъ" гдѣ-то въ тюрьмѣ, котораго деньги и были у ея мужа. Для нея, наконецъ, Хведько былъ свой по костюму Андреевецъ, совершенно ей по своей наружности незнакомый среди всѣхъ его возраста болѣе или менѣе знакомыхъ хоть „по обличью" мѣстныхъ парней. Все это моментально сообразила ловкая Сугыбыха и, отгоняя приставшую шавку, пригласила Хведька войти во дворъ, а послѣ и на крыльцо.

Сквозь открытыя двери видно было, что въ избѣ идетъ обычное субботнее „поранье"—приборка. Въ „горницѣ" подростокъ дѣвочка, ползая на четверенкахъ, домывала полъ; въ первой со входа комнатѣ кухонная печь, уже вытопленная, курилась паромъ необсохшей, только что намазанной глины. Съ огорода, подгоняя все пріостанавливающуюся и топырящуюся „квочку" съ цыплятами, шла старуха въ сопровожденіи хлопчика въ высоко подтянутыхъ одною подтяжкою „штанцяхъ" и съ выцвѣтшимъ на лѣтнемъ солнцѣ чубчикомъ.

На огородѣ, хлопая крыльями, выкрикивалъ пѣтухъ. Изъ повѣтки доносилось кудахтанье курицы. Во всемъ дворѣ виденъ былъ обычный хозяйственный безпорядокъ, знаменующій, такъ сказать, безустанность хозяйственной, семейной дѣятельности обитателей его. Заможность и семейственность сказывались во всемъ, и Хведьку представился сразу рѣзкій контрастъ съ опустѣлостью его собственнаго двора, его „батьковщыны". Печальный онъ сидѣлъ на крыльцѣ, пока Сугыбыха мыла въ избѣ надъ „помыйныцею" руки и оправляла хоть немного свой ко-

стюмъ. Печально-тихо отвѣтилъ онъ на привѣтствіе вышедшей на крыльцо и посмотрѣвшей на него старыми оловянными глазами старухи, тупо смотрѣлъ на уставившагося на него любопытнымъ взоромъ мальчугана.

— Це ты чы не гроши правыть прыйшовъ? спросила его вышедшая наконецъ на крыльцо Сугыбыха.

— А же ты той—якъ тамъ васъ прозывають, зъ Красноселивки, що то...?—не договорила она, никогда и не знавшая, какъ ихъ, т. е. его Хведька семью, „прозываютъ“ и замявшаяся, наткнувшись на неловкое, но наиболѣе ей извѣстное опредѣленіе гостя словами—„въ тюрьми сыдивъ“. Она не сказала этихъ послѣднихъ словъ, но Хведько понялъ, о чемъ идетъ рѣчь, и сразу отвѣтилъ.

— Той самый.

— Отъ лыхо. Тымохвія Степановича и дома нема!—саме-жъ то завтра ярмарка у Шереметивци, такъ що хыба ажъ къ нашому ярмарку вернется—проговорила она дѣловымъ тономъ.

— Тоди жъ ото казалы, що гроши намъ держаты ажъ до Покровы—наче такъ и ростъ зъ насъ узято. Ще Степановичъ не хотивъ давать, такъ старшына проби намагався, щобъ у подати положыты—продолжала она.

Хведько молча повѣсилъ голову, не поднимая глазъ, слушалъ эти рѣчи дѣловитой женщины. Онъ не расчитывалъ, идучи сюда, получить сразу свои деньги, но тѣмъ не менѣе объясненія Сугыбыхи купно съ воспоминаніемъ о своемъ убожествѣ, о разоренности сильно опечалили его, разрушая тѣ мечты объ устроеніи себя, которыя такъ не долго—только со вчерашняго дня—пришлось ему лелѣять въ себѣ.

— Прыиде Тимохвій Степановичъ—навернешся якъ небудь: винъ усе роскаже... какъ бы заканчивая аудіенцію, сказала Сугыбыха.

Дѣйствительно, больше нечего было тутъ дѣлать, и Хведько отвѣтилъ кротко:

— Ну, щожъ! Надійду.—Прощайте! И онъ пошелъ, провожаемый за ворота хозяйкою со двора.

VI.

На улицѣ никого не видно было. Только изъ открытыхъ оконъ Кучерки доносились громкіе голоса спорящихъ.

Хведьку хотѣлось ѣсть. Въ карманѣ у него въ маленькомъ кожаномъ гаманьчикѣ оказалось только три серебрянныхъ монеты по 20 копѣекъ, между тѣмъ какъ, выходя изъ тюрьмы, онъ имѣлъ въ томъ же гаманѣ рублевую бумажку и тридцать копѣекъ мѣдью. Это значитъ, онъ вчера со Шляховымъ и Шкавромъ пропилъ столько денегъ. Этого еще съ нимъ не бывало— онъ никогда денегъ не пропивалъ, и ему стало самому передъ собою совѣстно. Припомнилось ему послѣднее напутствіе Шляхового „не пый горилки"!—и онъ повернулъ въ сторону отъ лавки кабака Козла, гдѣ въ открытомъ окнѣ такъ соблазнительно для его голоднаго желудка виднѣлись цѣлыя связки тарани и чехони.

Оставалось ему идти на свою Красноселовку, а тамъ къ Сохвѣ, единственно родственному для него человѣку.

Сохву онъ засталъ въ прибранной уже по субботнему хатѣ. Она стояла съ „рублемъ" [1]) въ рукахъ и съ навитымъ на качалку бѣльемъ—катала бѣлье.

— Сидай, отъ я заразъ...—отвѣтила она на кроткое привѣтствіе Хведька и начала катать, ловко орудуя рублемъ и качалкою.

— Де бувъ и що почувъ?—спросила она въ одинъ изъ перерывовъ работы при наматываніи новой штуки бѣлья.—

Хведько разсказалъ, какъ умѣлъ, про объясненія старшины и за тѣмъ тоже про посѣщеніе Сугыбы.

---

[1]) Рубель и качалка—орудія, служащія къ катанью бѣлья, теперь замѣняемые постепенно утюгомъ.

— О! то така! та роскаже!—отозвалась Сохва, выслушавъ про Сугыбыху.—Тоби-бъ треба гараздъ пороспытатысь зъ сестрамы—воны розскажуть, якымъ побытомъ гроши имъ оддани... А ты іи послухай! вона наказже ще й не такои!—

— Ну, а обидати такъ и не посадыла?—добавила Сохва, складывая выкатанное бѣлье въ тутъ же стоявшую около перегородки, отдѣляющей валькиръ, скрыню.

— Ни, не садовыла.—

— Така! У неи не пообидаешъ! Воны—оци Сугыбы—у роду уси страхъ яки скупи! Таку й невистку у двиръ узялы... Тутъ въ мене борщыку, мабуть пойисы...

— Пойимъ, якъ що твоя ласка... отвѣтилъ Хведько.

Сохва накрыла столъ и собрала поѣсть гостю, который не церемонясь съѣлъ миску борщу съ таранью и чуть не половину хлѣба.

Хозяйка, сидя на другомъ концѣ стола, вела рѣчь о томъ, что ему слѣдовало бы лучше пораспроситься съ сестрами, взять у Машки ключъ отъ скрыни, чтобы достать себѣ хоть сорочку чистую, или приказать ей прійти самой; что ему самому въ хатѣ жить не приходится, а слѣдовало бы, если ужъ самъ не хочетъ жениться, къ Машкѣ кого принять; что во всякомъ случаѣ теперь ей слѣдуетъ оставить службу у діакона; что теперь такъ сякъ, на буракахъ и подсолнухахъ, а то скоро и на сѣнѣ и уборкѣ хлѣба можно кое-что заработать...

Все это торочила смышленая молодица и все это было такъ несомнѣнно съ точки зрѣнія и ея собесѣдника, уплетающаго за обѣ щеки борщъ съ хлѣбомъ, что онъ только кивкомъ головы, да утвердительнымъ междометіемъ—„у-гмъ! Еге!“ подтверждалъ ея выводы и совѣты.

Помолившись Богу и поблагодаривъ хозяйку за обѣдъ, Хведько не зналъ, что съ собою дѣлать и за что приняться, такъ какъ дня еще было много, долго еще оставалось до вечера.

Умная Сохва и это сообразила, какъ равно сообразила и то, что ея гостю не хотѣлось идти въ свой пустой домъ и вообще показываться сосѣдямъ.

— Яке жъ бы тоби дило загадать, щобъ не скушно було?— сказала она.

— Якъ бы ты вмивъ шиты, такъ я бъ тоби дала голку й нытку, то ты бъ оце черкеску соби позашивавъ—бачъ якъ попоролась, та пооббывалась—какъ бы подшучивая говорила она.

— Голкою—хто його знае, а отъ дратвою та шыломъ я де-що тямлю,—отвѣтилъ Хведько.

— Тямишъ? Шыливъ, мабуть, ажъ двое у насъ есть: покойный свекоръ було майструють, а дратвы вже, хто його знае, де добуть...

— А пряжа е?

— Е.—

— Ну, отъ и дратва. Щетыны я вырву зъ щиткы.

— Отъ и гараздъ. А въ мене бачъ и чобитъ роспоровся и черевыки продралысь.

Дѣло ладилось. Сохва изъ коморы принесла какую-то совершенно запыленную коробку, въ которой къ удовольствію ея и Хведька оказалось два шила и даже совершенно засохшій кусочекъ вару [1]) и какіе-то обрѣзки кожи. Все это со смерти свекра Сохвы оставалось нетронутымъ въ коморѣ и только изрѣдка переставлялось съ мѣста на мѣсто, почему и стало извѣстнымъ хозяйкѣ.

Работа закипѣла. Ссукана дратва, заправлены въ нее щетинки, ножъ замѣнилъ принесенный Сохвою изъ той же коморы обломокъ косы, и Хведько „шевцювавъ“ въ прохладныхъ сѣняхъ, освѣщенныхъ свѣтомъ изъ хаты, ибо двери на всякій случай вслѣдъ за вышедшей на огородъ Сохвою онъ заперъ.

Къ вечеру чоботы и черевыки были починены, очищены ко взаимному удовольствію мастера и заказчицы.

Но въ теченіе этого времени случилось обстоятельство, потревожившее Хведька, въ одиночествѣ раздумывавшаго про свои дѣла.

Уже заблаговѣстили къ вечернѣ, когда кто-то, слышно было, босыми ногами взошелъ на крыльцо и смѣло дернулъ

[1]) Варъ—смола, особымъ способомъ приготовляемая для натиранія дратвы.

двери. Задумавшійся Хведько, предположивъ, что это Сохва, со словами „заразъ одчиню“ вскочилъ съ обрубка, служившаго ему вмѣсто скамейки, и отперъ двери. Это была не Сохва, а недалекая ея сосѣдка Ковтунова Галька, смѣшавшаяся, наткнувшись на неожиданнаго въ этомъ домѣ мужчину, очевидно расположившагося здѣсь, какъ у себя. Она стояла изумленная и не знала что сказать, но скоро оправилась и, всмотрѣвшись, узнала сильно измѣнившагося Хведька, котораго, казалось ей, такъ еще недавно она, еще въ дѣвкахъ, наравнѣ съ другими дразнила „Попкомъ“.

— А Сохва де?—спросила она, обдергивая высоко подоткнутую „спидныцю.

— Десь на огороди—отвѣтилъ Хведько.

— А мени тутъ въ неи треба... начала что-то объяснять Галька, но не кончила и пошла на огородъ.

Немного сконфуженный этою неожиданною встрѣчею Хведько опять усѣлся за работу, но уже двери не запиралъ и скоро увидалъ ту же Гальку съ Сохвою, прошедшею въ комору, а послѣ съ какими-то ночовками и за ворота.

Вечеромъ между „жинками“ Красноселовцевъ, вышедшихъ на встрѣчу къ коровамъ, къ череди, стало извѣстно, что „Попокъ“ вернулся, навчився тамъ, де бувъ, шевцювать и у Сохвы на кватыри шевцюе.

„Попокъ“ же у Сохвы и остался ночевать, постлавшись послѣ скромной „вечери“ въ сѣняхъ.

На другой день было воскресенье, и сердобольная Сохва разъискала для своего гостя мужнины штаны и сорочку, которые, по ея увѣщанію, хоть и не по росту сшитые, Хведько надѣлъ.

Б. Позванскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ

ПРИ

Кіевской Духовной Академіи.

(По поводу 25-ти-лѣтія).

Въ октябрѣ прошлаго 1897 года исполнилось 25 лѣтъ со дня учрежденія Церковно-Археологическаго Общества и Музея при Кіевской Духовной Академіи. За истекшее время Обществомъ было сдѣлано довольно много по изученію какъ общихъ, такъ и болѣе частныхъ вопросовъ церковной археологіи, главнымъ образомъ мѣстной; по мѣрѣ возможности принимались также Обществомъ мѣры къ сохраненію памятниковъ церковной старины; но въ общемъ, дѣятельность Общества нельзя назвать достаточно энергичной. Недостатокъ этотъ выразился между прочимъ въ слабомъ участіи въ дѣятельности Общества лицъ, могущихъ быть наиболѣе полезными для цѣлей Общества,—имѣемъ въ виду духовенство селъ, мѣстечекъ и уѣздныхъ городовъ.

Въ „Отчетѣ" Общества за послѣдній (1897) годъ значится, что его составляли 27 почетныхъ членовъ, 112 дѣйствительныхъ и 41 членъ-корреспондентъ,—всего 180 лицъ, и между ними мы нашли всего лишь немного болѣе 10-ти членовъ изъ состава провинціальнаго духовенства нашего края—процентъ

очень незначительный. А между тѣмъ, при извѣстной организаціи, путемъ руководящихъ разъясненій, напр. въ формѣ программъ, Общество, такъ близко стоящее къ нашему духовенству, могло бы сдѣлать очень многое какъ для приведенія въ извѣстность памятниковъ церковной старины, посредствомъ описанія ихъ мѣстными священниками, такъ и для изученія ихъ, что находится въ тѣсной зависимости одно отъ другого. Многое можно было-бы сдѣлать и для сохраненія памятниковъ; наши церкви являются чуть ли не единственными хранилищами таковыхъ, и конечно желательно, чтобы эти памятники старины или оставались и хранились на мѣстѣ, или поступали въ учрежденія, предназначенныя для храненія древностей. Но въ дѣйствительности очень часто приходится слышать о совершенно обратномъ: сплошь и рядомъ церковные предметы, вышедшіе изъ употребленія, иногда представляющіе большой интересъ, затериваются или уничтожаются благодаря отсутствію пониманія научной цѣнности ихъ, а также и отсутствію чувства любви и уваженія къ памятникамъ прошлаго; помимо этого зачастую приходится наталкиваться на факты другого рода: церковныя древности, также вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ, продаются заѣзжимъ торговцамъ древностями или поступаютъ въ частныя собранія; факты послѣдняго рода были настолько часты, что духовныя власти принуждены были принять мѣры къ пресѣченію ихъ.

Намъ кажется, что помимо этихъ мѣръ, носящихъ формальный характеръ, скорѣе бы достигло цѣли распространеніе среди сельскаго духовенства свѣдѣній о важности всякаго рода памятниковъ старины, и задача эта, по отношенію къ нашему краю, ближе всего Церковно-Археологическому Обществу. Что наше сельское духовенство не чуждо стремленіямъ къ изученію какъ памятниковъ старины, такъ и другихъ сторонъ мѣстной жизни, объ этомъ свидѣтельствуютъ если и не многочисленные, то и не единичные примѣры,—значитъ, почва есть, слѣдуетъ ее только воздѣлать.

Закончивъ на пожеланіи Обществу, при вступленіи въ новую четверть вѣка жизни, расширить сферу своей дѣятельности и тѣмъ во много разъ увеличить тѣ плодотворные результаты, которые уже достигнуты имъ, перейдемъ теперь къ состоящему при Обществѣ Церковно-Археологическому Музею: ближе познакомить публику съ этимъ учрежденіемъ и было главной цѣлью настоящей замѣтки.

Въ каждомъ дѣлѣ, а въ такомъ, какъ устройство и веденіе музея въ особенности, рѣшающее значеніе имѣетъ отношеніе къ дѣлу лицъ, завѣдующихъ имъ; можно привести много примѣровъ, не выходя хотя бы изъ области такъ сказать музейной, что многія благія по мысли и цѣлямъ начинанія застывали или влачили жалкое существованіе, а то и совсѣмъ прекращались; въ данномъ случаѣ на одномъ формальномъ отношеніи къ дѣлу далеко не уѣдешь: нужно любить дѣло и тогда только можно разсчитывать на успѣхъ. Въ этомъ отношеніи кіевскому Церковно-Археологическому Музею посчастливилось: во главѣ его, въ званіи хранителя, сталъ профессоръ Кіевской Духовной Академіи Н. И. Петровъ, остающійся хранителемъ и въ настоящее время; главнымъ образомъ энергіи и трудамъ проф. Петрова музей и обязанъ тѣмъ, что теперь, по истеченіи 25-ти лѣтъ, онъ сталъ учрежденіемъ, равнаго которому пожалуй нѣтъ въ Россіи. Если прибавить къ этому, что при своемъ возникновеніи музей не имѣлъ почти никакихъ средствъ какъ на пріобрѣтеніе предметовъ, такъ и на приведеденіе поступленій въ должный порядокъ, и что не смотря на это, музей принялъ грандіозные размѣры, то нельзя не отнестись съ полной признательностью къ дѣятельности проф. Петрова, создавшаго для Кіева такое во всѣхъ отношеніяхъ выдающееся учрежденіе.

Но обратимся къ фактической сторонѣ дѣла. Въ этомъ случаѣ большую помощь намъ можетъ оказать „*Указатель Церковно-Археологическаго музея при Кіевской Духовной Академіи*“, составленный Н. И. Петровымъ, второе исправленное и дополненное изданіе котораго вышло въ 1897 г.; уже одни размѣры

этого „Указателя“ могутъ дать понятіе о богатствахъ Музея: „Указатель“ заключаетъ 291 страницу убористой печати въ большую 8-ую долю листа. Въ „Указателѣ“ мы находимъ перечень предметовъ, поступившихъ въ Музей по іюнь мѣсяцъ 1897 г.; къ этому времени всѣхъ номеровъ числилось въ Музеѣ *24,893*! Это громадное собраніе образовалось главнымъ образомъ изъ пожертвованій и, вслѣдствіе того, не приходилось дѣлать выбора, составлять коллекціи по заранѣе выработанной программѣ,—въ Музей поступало все, что дарили. Благодаря этому обстоятельству, въ Музеѣ мы находимъ очень много предметовъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ церковной археологіи, но, конечно, значеніе Музея отъ этого нисколько не умаляется, а наоборотъ, увеличивается польза, приносимая Музеемъ, о чемъ мы скажемъ нѣсколько словъ ниже.

Въ настоящее время Музей заключаетъ въ себѣ слѣдующіе 12 отдѣловъ: 1) первобытныя и историческія древности, преимущественно языческаго характера; 2) слѣпки и снимки съ архитектурныхъ зданій, строительные матеріалы, гравировальныя доски и образчики акварелей, гравюръ и литографій; 3) Муравьевская коллекція древностей и святынь; 4) принадлежности христіанскаго богослуженія и обрядовъ; 5) иконы, образки и крестики изъ разныхъ мѣстъ; 6) Филаретовская (бывшая Сорокинская) коллекція иконъ; 7) картины и портреты; 8) статуи; 9) памятники медальернаго искусства: монеты, медали проч.; 10) образчики письма и печати; 11) библіотека музея; 12) Леопардовская коллекція. Изъ этого перечня отдѣловъ можно видѣть, насколько разнообразно содержаніе Музея; хотя изъ-за этого разнообразія и нарушается цѣльность, но, съ другой стороны, включеніе въ собранія Музея такихъ, напр., отдѣловъ, какъ древности первобытныя и историческія, архитектурные памятники, образчики письма и печати, монеты, медали, картины, портреты и другіе предметы искусства, придаетъ особый характеръ кіевскому Церковно-Археологическому Музею: сберегая памятники старины, служа цѣлямъ науки, Музей въ то-же время является полезнымъ общеобразователь

нымъ учрежденіемъ, и учрежденіемъ пока еще единственнымъ въ Кіевѣ.

Какъ мы уже упомянули, Музей составился главнымъ образомъ изъ пожертвованій. Среди пожертвованій и поступленій единичныхъ или немногихъ предметовъ, встрѣчаются также и цѣлыя коллекціи или собранія, представляющія зачастую большую цѣнность по подбору составляющихъ ихъ предметовъ.

Первой по времени была пожертвована въ 1878 г. т. н. Муравьевская коллекція древностей и святынь; коллекція эта собрана путешественникомъ по св. мѣстамъ А. Н. Муравьевымъ и заключаетъ между проч. много экземпляровъ древнихъ и цѣнныхъ иконъ изъ разныхъ мѣстъ, преимущественно съ востока. Поступившая въ Музей по завѣщанію преосвящ. Порфирія Успенскаго коллекція иконъ представляетъ изъ себя одно изъ замѣчательныхъ собраній; здѣсь есть иконы съ Синая, изъ Іерусалима, Аѳона; нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ глубокой древности. Небольшія собранія иконъ великорусскихъ писемъ поступили изъ складовъ св. Синода и Московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія. Большой интересъ по подбору имѣетъ затѣмъ т. н. Филаретовская коллекція иконъ; она пріобрѣтена для Музея бывшимъ ректоромъ кіевской дух. академіи Филаретомъ у московскаго купца А. Е. Сорокина и даетъ образчики иконописи различныхъ школъ, главнымъ образомъ великорусскихъ; въ этой коллекціи болѣе двухсотъ иконъ. Уже однѣ вышеперечисленныя пожертвованія по количеству и разнообразію собранныхъ въ нихъ образцовъ, даютъ богатый матеріалъ для изученія иконографіи.

Жертвовались въ музей и коллекціи съ болѣе разнообразнымъ содержаніемъ; такъ, кн. Демидовой Санъ-Донато подарена коллекція иконъ, крестовъ, образковъ и крестиковъ, а Н. А. Леопардовымъ—громадное собраніе (9050 предметовъ) различнаго рода памятниковъ церковной древности и памятниковъ доисторическихъ и историческихъ.

На примѣрѣ кіевскаго Церковно-Археологическаго Музея съ очевидностью подтверждается давно созрѣвшая необходи-

мость, къ сожалѣнію не всѣми еще сознаваемая въ должной мѣрѣ, въ устройствѣ общественныхъ музеевъ: лишь только является такое учрежденіе, лишь только является гарантія въ сохраненіи памятниковъ—общество сочувственно откликается и за пожертвованіями дѣло не стоитъ.

Въ виду громаднаго содержанія Музея, подробное перечисленіе всего, хотя бы только болѣе выдающагося изъ его коллекцій, заняло бы слишкомъ много мѣста; поэтому мы ограничимся лишь бѣглымъ просмотромъ отдѣловъ, на которые распадается Музей, со спеціальной цѣлью отмѣтить только то, что такъ или иначе касается южно-русской старины.

Музей помѣщается въ одномъ изъ зданій духовной академіи, вполнѣ соотвѣтствующемъ цѣли,—само зданіе представляетъ изъ себя одинъ изъ рѣдкихъ памятниковъ южно-русской архитектуры, такъ какъ построено еще гетманомъ Мазепой; весь нижній этажъ его, состоящій изъ 6-ти комнатъ и длинной галлереи, наполненъ коллекціями Музея.

Первая комната заключаетъ въ себѣ первобытныя и историческія древности, преимущественно языческаго характера; собраны тутъ небольшія коллекціи древностей египетскихъ, финикійскихъ, кипрскихъ, греко-римскихъ; есть затѣмъ образцы древностей изъ греческихъ колоній по сѣверному берегу Чернаго моря, какъ напр. изъ Пантикапеи и Ольвіи; есть немного и скифскихъ, эти послѣднія происходятъ изъ Черкасскаго у. Кіевской губ. и найдены въ курганѣ между селомъ Матусовымъ и Лебединскимъ монастыремъ; кромѣ этихъ, есть нѣсколько и спорадическихъ находокъ. Изъ другихъ курганныхъ древностей, относящихся однако къ болѣе поздней эпохѣ, отмѣтимъ предметы изъ раскопокъ Н. Я. Тарновскаго близъ д. Корытищъ, Каневскаго у.

Что касается первобытныхъ древностей въ собственномъ смыслѣ, т. е. относящихся къ каменному и бронзовому вѣкамъ, то хотя въ Музеѣ такихъ древностей и не особенно много, но онѣ вполнѣ достаточно характеризуютъ данныя эпохи, особенно каменную: въ Музеѣ есть образцы различнаго рода молотковъ,

топоровъ, стрѣлъ, ножиковъ и т. п.; между ними извѣстную цѣльность представляетъ коллекція предметовъ, собранная на мѣстѣ т. н. стоянки и мастерской каменнаго вѣка у с. Вышенокъ, Остерскаго у. Черниговск. г.; гораздо меньше предметовъ бронзоваго вѣка, это объясняется рѣдкостью такого рода предметовъ въ нашемъ краѣ, но за то малочисленность представителей ихъ въ Музеѣ искупается цѣнностью имѣющихся образцовъ: найденная въ Липовецкомъ у. складная діадема извѣстна, если не ошибаемся, всего лишь въ двухъ экземплярахъ; широкій бронзовый поясъ съ изображеніями животныхъ изъ с. Подгорецъ, Кіевскаго у., представляетъ изъ себя единственный экземпляръ, найденный на территоріи Россіи...

Отдѣльную витрину занимаютъ древности, найденныя въ Кіевѣ и его окрестностяхъ; большинство ихъ относится къ велико-княжской эпохѣ и найдено по большей части на мѣстахъ древнихъ церквей; особеннаго интереса онѣ не представляютъ, интересны же онѣ главнымъ образомъ для топографіи древняго Кіева.

Въ этой-же комнатѣ, а отчасти и въ другихъ мѣстахъ, помѣщены памятники козацкой старины; мы ихъ сведемъ вмѣстѣ. На первомъ планѣ нужно поставить козацкое шелковое знамя XVIII в. (№ 1756) съ изображеніями на одной сторонѣ козака съ рушныцею и военными аттрибутами вокругъ, а на другой—руки, держащей крестъ, съ виршами надъ нимъ; знамя найдено въ архивѣ церкви села Сенчанскихъ Скоробогатокъ, Лохвицкаго уѣзда., Полтавской губ. [1]) Имѣются затѣмъ въ Музеѣ козацкія копья—списы (№№ 1714—1715), чугунная и мѣдная ручныя мортирки изъ Каневскаго собора (№№ 1721—2722), мѣдный запорожскій гербъ изъ Крыма, изображающій прорѣзную лошадь въ кругѣ (№ 1730), и наконецъ, небольшая картина, изображающая сидящаго запорожца съ кобзою и съ надписью: „Сыдыть

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ знамени см. въ „Кіевск. Стар.“ 1890 г., № 10—„Замѣтка о козацкихъ знаменахъ“.

козакъ въ кобзу грае, що замыслыть, то все мае“ (въ галлереѣ, № 4791); картина эта изъ Кіевской губ., нарисована была на стѣнѣ хаты.

Первая комната дала убѣжище и нѣкоторымъ коллекціямъ неархеологическаго характера; отмѣтимъ здѣсь довольно полныя коллекціи принадлежностей шаманскаго, ламайскаго, китайскаго, японскаго и еврейскаго культовъ.

Содержаніе *второй* комнаты можно раздѣлить на два отдѣла: архитектурные памятники и различнаго рода рисунки, чертежи, гравировальныя доски, гравюры.

Архитектурный отдѣлъ въ свою очередь раздѣляется на модели и на образцы строительныхъ матеріаловъ и украшеній. Между первыми имѣются модели крымскихъ и кавказскихъ храмовъ, какъ пещерныхъ, такъ и строенныхъ на землѣ; между вторыми интересенъ подборъ разнаго рода кирпичей, плитокъ, шиферныхъ карнизовъ, орнаментовъ и т. п. изъ церквей и остатковъ ихъ, относящихся къ велико-княжеской эпохѣ; матеріалъ этотъ, помимо спеціальнаго значенія, служитъ немаловажнымъ подспорьемъ, а иногда и единственнымъ указателемъ для опредѣленія мѣстоположенія древнихъ церквей, топографія которыхъ, напр., въ Кіевѣ, еще мало выяснена.

Акварелей и чертежей въ музеѣ немного, но за то сравнительно богатъ отдѣлъ гравировальныхъ досокъ, деревянныхъ и мѣдныхъ, и гравюръ; послѣднія большей частью въ видѣ новыхъ оттисковъ со старыхъ досокъ. Южно-русское гравировальное искусство, развивавшееся главнымъ образомъ въ двухъ центрахъ—Кіево-Печерской и Почаевской лаврахъ, еще ждетъ изслѣдователей,—въ музеѣ приготовленъ для послѣднихъ обильный матеріалъ.

Третью комнату заполняетъ Муравьевская коллекція,—о ней мы уже упоминали, а потому перейдемъ въ *четвертую* комнату. Здѣсь размѣщены принадлежности христіанскихъ храмовъ и христіанскаго общественнаго богослуженія. Отдѣлъ этотъ одинъ изъ самыхъ полныхъ въ музеѣ; предметы—большей частью южнаго происхожденія изъ губерній Кіевской, Волынской,

Подольской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Воронежской, Курской, Люблинской, Сѣдлецкой. Лица, доставившія предметы, большей частью сельскіе и городскіе священники. Но все-таки процентъ лицъ, явившихся вкладчиками Музея, сравнительно съ общимъ числомъ духовенства въ указанномъ раіонѣ, является очень незначительнымъ; повторяемъ, необходимо болѣе широкое распространеніе свѣдѣній о задачахъ Музея, о характерѣ его, о тѣхъ предметахъ, которые представляютъ интересъ и должны быть хранимы—это несомнѣнно повліяло бы на еще большее развитіе Музея. Намъ лично, во время поѣздокъ по краю, приходилось довольно часто заглядывать въ темные уголки гдѣ-нибудь на колокольнѣ деревенской церкви или въ жалкой сторожкѣ при церкви, гдѣ обыкновенно сваливаются и лежатъ въ пыли и сорѣ различныя вещи, вышедшія изъ употребленія; зачастую между хламомъ приходилось встрѣчать и предметы, заслуживающіе вниманія по древности-ли, или-же, благодаря сказавшейся въ нихъ мѣстной оригинальности; заводились при этомъ обыкновенно разговоры, и почти всегда приходилось слышать вопросы, подправленные иногда и юморомъ, въ родѣ того, что неужели это можетъ имѣть значеніе, можетъ пригодиться?

Предметы, собранные въ четвертой комнатѣ, даютъ полное представленіе о внутреннемъ содержаніи православнаго южнорусскаго храма; по времени преобладаютъ предметы XVIII в., довольно много есть XVII в. и нѣсколько болѣе раннихъ; даютъ они наглядное понятіе о той бѣдности, которая царила въ церквахъ, особенно Юго-Западнаго края: преобладающій матеріалъ изъ котораго они сдѣланы,—дерево, олово, мѣдь. Предметовъ, собранныхъ здѣсь, такъ много, что каждый видъ ихъ образуетъ собой отдѣльныя коллекціи: мы имѣемъ тутъ разныхъ формъ чаши, дискосы, дарохранительницы, мирницы, кадила, напрестольные и предносимые кресты, евангелія, воздухи, антиминсы, различныя церковныя облаченія, плащаницы (отмѣтимъ плащаницу, писанную на шелку извѣстнымъ художникомъ Боровиковскимъ, № 2696), хоругви, подсвѣчники и другіе болѣе мел-

кіе предметы; нѣкоторые изъ нихъ отличаются характерной формой, другіе представляютъ интересъ благодаря находящимся на нихъ надписямъ, третьи выдѣляются художественнымъ выполненіемъ. Кромѣ выше перечисленныхъ, здѣсь есть также нѣсколько рѣзныхъ царскихъ вратъ и рядъ картинъ религіознаго характера; между послѣдними интересны съ бытовой точки зрѣнія картины страшнаго суда,—доморощенный художникъ передалъ въ нихъ весь циклъ нравственныхъ понятій своего угла, фигурно изображая различные виды прегрѣшеній, изъ-за которыхъ грѣшники идутъ въ адъ.

Пятая комната, по сдержанію, является отчасти продолженіемъ четвертой,—здѣсь размѣщены иконы, иконки, кресты и крестики. Среди другихъ коллекцій иконъ и крестовъ, какъ напр., Порфирьевская и Демидовская, здѣсь есть также сборная коллекція иконъ изъ Южной Россіи и громадная сводная коллекція крестиковъ, медальоновъ и проч. Коллекція иконъ южнорусскаго письма сравнительно небольшая, но и она можетъ служить нѣкоторымъ основаніемъ для спеціальныхъ изслѣдованій, и только можно пожелать, чтобы таковыя начались; до сихъ поръ они отсутствуютъ. Что касается крестиковъ и образковъ, то замѣчательный подборъ представляютъ таковые изъ велико-княжеской, до-татарской эпохи; нѣкоторые изъ нихъ являются уникатами,—и эта область мало разработана, а матеріала собрано вполнѣ достаточно, хотя-бы даже въ одномъ Церковно-археологическомъ музеѣ.

Шестая и послѣдняя комната занята Филаретовской коллекціей иконъ.

Вдоль всѣхъ этихъ комнатъ тянется *галлерея*; она раздѣлена на двѣ части. Въ передней развѣшаны картины и портреты, представляющіе иногда большую цѣнность въ художественномъ отношеніи; размѣщены статуи религіознаго характера—результатъ вліянія западной церкви; въ витринахъ разложены образцы письма и печати, а также медали и монеты,—послѣднихъ набралась довольно большая коллекція, заключающая и довольно рѣдкіе экземпляры. Вторая, задняя часть галлереи

отведена Леопардовской коллекціи, состоящей изъ священныхъ предметовъ, иконъ, крестовъ, образковъ, картинъ, портретовъ, предметовъ изъ раскопокъ, медалей, монетъ и различныхъ предметовъ искусства; многіе изъ предметовъ этой коллекціи— южнаго происхожденія.

Въ первой комнатѣ, въ шкафахъ, помѣщена часть библіотеки Музея; сюда выдѣлены, главнымъ образомъ, художественныя изданія, иногда большой рѣдкости и цѣнности, а также нѣкоторыя руководства и пособія, необходимыя для опредѣленія и распредѣленія поступающихъ предметовъ.

Церковно-Археологическій Музей открытъ для публики, но въ общемъ число посѣтителей очень незначительно, а между тѣмъ изъ вышеприведеннаго бѣглаго очерка видно, какъ много интереснаго хранитъ Музей,—настоящая замѣтка и имѣетъ въ виду обратить вниманіе публики на это симпатичное учрежденіе; знакомство съ нимъ послужитъ къ обоюдной пользѣ.

Н. Бѣляшевскій.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИНТЕРМЕДІЯ
(КОЗА).

Въ селѣ Харьковкѣ, кіевской губ., уманскаго уѣзда, существуетъ обычай представлять на Рождество Христово цѣлый рядъ сценъ, или небольшую шутку—комедію подъ названіемъ „Коза“. Подобныя, болѣе или менѣе обширныя представленія „Козы“ существуютъ въ Подоліи и, вѣроятно, въ другихъ мѣстахъ Малороссіи, а также и въ Бессарабіи. Хожденіе „Козы“, вообще, въ Малороссіи присоединяется къ колядкамъ и есть символическое почитаніе скотьяго бога--Волоса.

Болѣе обширная форма этой обрядности, по моему мнѣнію, представляетъ соединеніе почитанія Волоса съ переряживаніями—карнавальскими обрядностями.

Самая сцена представляется такимъ образомъ. Послѣ обѣдни въ первый день Рождества Хр. собираются переряженные парни въ такомъ составѣ:

1) цыганъ,
2) дидъ,
3) Меланка,
4) жидъ,
5) лѣкарь,
6) козакъ (онъ же и урядникъ),
7) „коза“.

Цыганъ и жидокъ входятъ въ хату просить позволенія, говоря: „Позволыте погулять кози?“

Цыганъ и жидъ заранѣе начинаютъ просить добычи. Цыганъ говоритъ: „Матусю—серце, пожалуйте куколци на арапнычокъ!“

Жидъ выпрашиваетъ: „Що маете, пожертвуйте: яечко, булькы, цыбулькы на шабашъ, бо я не маю“.

Если получатъ позволеніе, то выходятъ на улицу и приглашаютъ дида.

Дидъ ведетъ „козу“, а лѣкарь идетъ сбоку. Когда входятъ на порогъ, дидъ припѣваетъ: „Козонько-лебедонько, стань на порози, на одни нози, ввійдемъ до хаты, будемъ скакаты,— гоцкы, коза!“ (Коза пидскакуе то догоры, то донызу и мордою цокае).

Вошедши въ хату, дѣдъ припѣваетъ и произноситъ родъ речитатива:

„Ой, козо-козо, козо-небого,
Поскачи панови трошкы-немного! (2 раза).
Ой скачы-скачы, не оглядайся,
На мене дида не сподивайся! (2 раза)
Бо въ мене дида борода сида,
Борода сида, а спына гнида,
Ше й по колина поволокы,
Шобъ роспиралыся дивчатамъ бокы! (2 раза)
Ой козо-козо, козо-небого,
Обицявся панъ пивзолотого,
Якъ подобріе, то дасть цилого,
А якъ чортъ нападе, то выдере й того.
Гоцъ, коза, гоцъ-гоцъ, немножко пидскочъ!
Поскачы оттутъ, шось панъ дадуть,
Поскачы въ затинку, то дасть панъ копійку!

(Коза скаче).

Ой, годи-годи, козо, скакаты,
Не пидемъ у поле пшеныци жаты,
Бо тамъ одъ межи вышли вужи,

Посередини выили свыни,
А съ того краю нема врожаю,
А одъ толокы вылы сорокы,
А одъ бережкы вылы бычкы...
Стій, коза, запчихався, заприхався,
Треба табакы понюхаты,
Та рады послухаты!

(Тоди выймае табакерку, нюхае и каже:)

На, козуню, тоби трошкы!

(Коза якъ понюхае, то дякуе, та цокае.)

Дѣдъ продолжаетъ припѣвать:

„На гори вовчокъ зъ вовченятамы,
А въ долыни коза съ козенятамы;
И зъ горы вовчокъ до козы цокъ-цокъ!
А вовченята—за козенята.
Мудрая коза догадалася,
Въ густыи лозы заховалася.
Ихали стрильци по горилочку,
Ударылы козуню у потылычку.
Ой, якъ бы моя коза здорова,
То я бъ поихавъ до Люба-Рога,
А въ Любимъ-Рози дивкы здорови:
Перше диты ведуть, якъ замижъ идуть.—
Ой изъ горы та въ яръ,
Тамъ кума моя,
Кумына дивчына,—
То душа моя.
Ой я съ кумою роскумаюся,
Съ кумынымъ дивчамъ извинчаюся;
Ой дамъ я попу пшеныци копу,
Шобъ мене звинчавъ зъ кумынымъ дивчамъ.
Копа пропала—шлюбу не взяла;
Шобъ того попонька трясця напала;
Шобъ его трясло пивтора року,

Шобъ зъ него вытрясло пшеныци копу.
Шобъ его трясло, ше й его диты,
Шобъ ему не дало въ хати сыдиты.
Щобъ его трясло, ще й его диды,
Шобъ изъ него вытрясло пивкорця миди.
Ой на гори монастыръ, высока дзвиныця,
Ой тамъ бы я бувъ попомъ,
Якъ бы молодыця.
Якъ бы мыни молодыця,
То я бъ зъ нею знався,
То ябъ іи сповидавъ.
За грихы спытався...
И сюды до руды, туды стежка лежить,
Туды моя люба-мыла
По водычку бижыть.
Козакъ кони напувавъ,—
Люба воду брала;
Козакъ іи заспивавъ,
Люба сподобала“.

(Коза здыхае. Вси плачуть и спивають:)

„Пропала наша надежда,
Роскончылася любовъ,
Къ серцю ручкы прыложыла,
Грудь накрывшы полотномъ.
Несуть іи на кладбыще,
Застогнала земля выще“.

(Дидъ зъ Меланкою танцюють и спивають:)

„Ой пидъ вышенькою, пидъ черешенькою
Стоявъ старый зъ молодою якъ изъ ягодою.
И просылася и молылася:
Пусты мене, старый диду, на улыцю погулять!
Ой и самъ не пиду и тебе не пущу;
Бо ты мене старенького покынуты хочешъ.
Куплю тоби хатку, ище синожатку,

И ставокъ, и млынокъ, и вышневенькый садокъ.
— Ой, не хочу хаткы и ни синожаткы,
Ни ставка, ни млынка, ни вышневого садка.
Ой ты, старый дидуга, изигнувся якъ дуга,
А я молоденька—гуляты раденька...
А ты, диду, кахы—п . . . ь,
Оце тоби, старый, смерть!"

(Тай пхне его)

(То винъ упаде та й говорыть):
„Ше сорока не побилила, а жинка чоловика побыла".

Та тоди стае дидъ козу миряты и поперекъ и поздовжъ; покладе поздовжъ палыцю и каже: симъ пъядей съ половыною не дошло, а ликаръ перебъе и говорыть: Стой, дѣдъ, козы не душы, ступай ликара позвы"!

Дѣдъ говоритъ: А хто-жъ ликаръ?

Лѣкарь: А я самъ лѣкарь.

Дѣдъ: Якъ ты кóзы выличуешъ?

Лѣкарь: Жывыхъ кизъ выличаю, а якъ здохне, то за хвистъ та въ ривъ выволикаю.

Дѣдъ: „Стонадцять чортивъ на твою голову! Я самъ такій ликаръ.

Снова мѣряетъ и говоритъ:

„Одъ грубы до грубы
Цапъ козу въ зубы,
Одъ печи до печи
Цапъ козу въ плечи;
Одъ порога до порога,
Вставай моя кизонька здорова!"

Становятся въ кружокъ, жыдови писни спиваютъ, а жыдъ Богу молыця.

Пѣсня.

„Прыихавъ кóзакъ до жыда на сабашъ,—
Охъ вей, тра-дидъ-бомъ,
До жыда на сабашъ.
Здоровъ, здоровъ, жыдку,

А шо-жъ бо ты маешъ?
Охъ вей, тра-дидъ-бомъ,
А шо жъ бо ты маешъ?

Дидъ пытае:

„Жыдъ-капцанъ!“

Жидъ: Чого, проше пана?

Дидъ: „Говорылы люды, що въ тебе лошадь хороша е“.

Жидъ: Хто казавъ, якъ собака брехавъ: въ мене лошадь на гоко крыва, а на ногу слипа; до воды веду, а одъ воды на рукахъ несу; якъ бижыть, то двыжыть, а якъ упаде, то лежыть.

(Вси спивають):

„Ой ты, хлопче маленькій,
Подай же добженьке, (?)
Забіемъ-забіемъ жыдовыну,
Превражого сына“.

— Жидъ: Проше пана, за шо маете быты?

Прійдить та визьмете въ мене таке лошади, охъ, лошади!— Гладки—пасяни, а сыви—крадяни.

(Вси спивають, а жыдъ Богу молыця).

Пѣсня.

Прыихавъ козакъ до жыда на сабашъ,
Ахъ-вей, тра-дидъ-бомъ,
До жыда на шабашъ.
Здоровъ, здоровъ, жыдку!
А шо-жъ бо ты маешъ?

Дидъ: „Жыдъ-капцанъ!“

Жидъ: Чого? проше пана!

Дидъ: „Говорылы люде, шо въ тебе грошей багато есть“.

Жидъ: Хто казавъ, якъ собака брехавъ.

(Вси спиваютъ):

Ой ты, хлопче маленькій,
Подай же добженьке,..

(Повтореніе предыдущей пѣсни; конецъ только видоизмѣняется).

Жидъ говоритъ: Прыйдить та возьмете цилу скрыню жолота, охъ, жолота!

(Вси спиваютъ:)

„Прыихавъ козакъ до жыда на сабашъ...“

(Конецъ:) Дидъ: „Говорыли, шо въ тебе жинка хороша есть“.

Жидъ: У мене жинка на печи, а на полыци шматокъ бульки глядыть.

(Вси спиваютъ:)

Ой ты хлопче маленькій...

(Конецъ) Прыйдить та визьмете у мене таке, Суре, охъ, Суре, Суре..

(Вси спиваютъ:)

Прыихавъ козакъ до жыда на сабашъ...

(Конецъ) Дидъ: „Говорылы, шо у тебе палацъ хорошій есть.“

Жидъ: Палыци?..

Дидъ: „Такый двиръ“.

Жидъ: Я не на двори, а въ хати.

Дидъ: „Такый покой“.

Жидъ: Я не покойный, я ше въ жывыхъ.

Дидъ: „Въ тебе хата есть“.

Жидъ: Въ мене хата есть такъ якъ звидци та сюды... У мене сmиття повна хатка. Я сmиття на лопатку, та фуръ-фуръ за хатку.

(Вси спиваютъ:)

Ой ты, хлопче маленькій...

(Конецъ) Жыдъ: За що маете быты, прыйдить та визьмете покой, ой, покой, покой!

Цыганъ: „Жидъ—пархачъ, ты мыни повыненъ три дни панщыну одробыты“.

Жидъ: Я тоби не выненъ, бо насъ вывивъ Мосей жъ Египта.

Цыганъ: „Якый Сисей?“

Жидъ: Мосей...

Цыганъ: „Есей?“

Ж. Нѣ, Мосей вывивъ насъ жъ Егыпта, та мы сорокъ лѣтъ блудылы по пустыни, та намъ Богъ дававъ зъ неба манну...

Цыганъ: „Туманъ?..“

Жидъ: „Манну!“

Цыганъ: Обману?.. То вы обманщыки, то вы людей обманюете, сукыны сыны!

(Та въ морду его).

Жидъ жалуется уряднику: Барынъ, мене обидывъ цыганъ.

Урядникъ: „Нашто ты его трогавъ?“

Цыганъ: Шо винъ не хотивъ мени панщыну одробыты, то я его за те бывъ.

(Урядныкъ одного шаблею, другого шаблею, та й розигнавъ ихъ).

Дидъ: „Жыдъ-капцанъ!“

Жидъ: Чого, проше пана?

Дидъ: „Вычытай кози згордію“ (экзордію).

Жидъ: Зъ горы?..

Дидъ: „Нѣ, згордію.“

Жидъ бере кныжычку, кладе кози на голови и вычытуе: „Шелемъ-бейлемъ, якъ мы наставалы, до школы ходылы, самъ Богъ намовлявъ, шобъ у мене жинку вкралы. Вкралы въ мене жинку, ше й мукы клумакы. Поихалы мы до пана: пане вельможный, прочытайте те, шо можна. Панъ прочыталы, на козакы скрычалы: сидлайте кони ворони, поидемъ жинку догоняты. Выихалы мы въ половыну ничъ, то намъ сонце зійшло якъ на половына день. Якъ надыбалы мы двадцать одынъ, якъ не два, то одынъ,— голова якъ у качкы, а спына якъ у дытыны, гочи якъ симя, хвистъ якъ голка, сама сира якъ чортъ. Якъ склалыся мы по два кулакы, то воно ажъ застогнало. Смилый Іось якъ давъ ему одно кулякы, то ему не треба истотнёи хоробы.

Дидъ: „Жыдъ-капцанъ, бай байку!“

Жидъ: Будемъ баить: То якъ набиралы наши війско двадцять иденъ день, та набиралы двадцать иденъ, якъ не два, то иденъ. Та йшло наше війско черезъ гребельку коло млына; а отой прысучій сынъ Гарасымъ не зачынывъ свое сучке въ млынъ; те сучке почуло — гухъ, а наше висько у воду бухъ,—то которе Бога боялося, до горы патынкамы переверталося, а которе ни, то сыдило па дни.

Дидъ говорыть:

Ше й я скажу баечки,
Це баечка не баечка,
А чыста правдочка.—

Якъ мы зъ дидомъ хозяевалы, та насіялы конопель, та вродылы груши. Поскыдалы зъ дидомъ штаны та пійшлы полывныци збираты, та назбиралы повну макитру: на дни порожня, зверху нема ничого.

А то якъ у насъ та булы коровы, то мы зъ дидомъ не вспилы молока доиты. Та й кажу я до дида: диду, зробимъ рынву изъ хлива до хаты. А дидъ каже: зробимъ. Зробылы мы рынву отъ хлива до хаты, та надоилы повну хату молока.— Збываймо масло. А дидъ каже: збываймо. Та назбывалы повенъ соломяныкъ, тай повезлы мы въ Комаривку на ярмарокъ. Запряглы кабанци перисты та повезлы масло. Прыйизжаемъ мы недалеко, коло мистечка, та тамъ якась невирна душа нагадыла пидъ мисточкомъ: кабанци почулы—гухъ, а масло въ воду бухъ.—Пишовъ я за граблямы, а дидъ за вылами масло збираты; назбиралы пивсоломяныка. Прывезлы мы въ Комаривку,— прыскакуе москаль: какъ масло?—Такъ, масло! Натаскалы повенъ соломяныкъ. Выминявъ я за те масло сокырку и коняку. Сивъ я на конячку, а сокырку застромывъ я за поясомъ. Прыйизжаю я передомъ до Вивтивки, а задомъ ще въ Комаривци. Оглянувся—конячка тюпъ-тюпъ, а сокырка сюкъ-сюкъ, а собакы бижать, та задъ натягають. Поставывъ я конячку, та вырызавъ вербу, та збывъ конячци задъ. Йиду я, та стала верба росты ажъ до неба, а я по ти верби та полизъ на небо. Конячка ступылась, а верба похылылась, а я й тамъ остався. А Богъ

каже: тутъ тебе не треба. Ходю я по небу, надыбавъ гречану полову, ставъ мотузкы сукаты, тамъ рву, а тутъ доточу, та ажъ на землю спустывся. Ажъ тутъ мій батько народывся. Уходю я до хаты, а мене дидъ посылае на хрестыны просыты. Насклыкалы мы и гарныхъ людей; то я кажу до дида: частуймо, диду! А дидъ каже: частуймо. Я взявъ макогона, а дидъ швайку. Дидъ швайкою, а я макогономъ такы гарно людей почастувалы.

Дидъ пославъ мене свататы дивку молоду: коса сыва— всеньку потылыцю закрыла... (Такъ еще продолжаютъ разсказывать нисенитныци (небылицы), а затѣмъ, получивши подарки, идутъ въ другой дворъ).

Сообщилъ Хр. Ящуржинскій.

ПЕРЕПИСКА КУЛИША СЪ ВОЛОДИМІРОМЪ БАРВИНСКИМЪ

въ первой половинѣ 1871 г.

Печатаемыя ниже письма—весьма небольшая часть обширной переписки, которая шла много лѣтъ между пок. П. А. Кулишомъ и видными галицко-русскими дѣятелями и писателями, братьями Барвинскими. Сколько мнѣ было извѣстно, бумаги Вол. Барвинскаго послѣ его смерти (1883 г.) перешли въ руки его брата Александра. Но вотъ спустя десять лѣтъ я нашелъ у одного львовскаго антикварія кипу всякаго бумажнаго хлама, который и купилъ. Разбирая эти бумаги, я нашелъ среди нихъ писанный рукою Кулиша стихотворный переводъ Псалтыри и небольшую связку писемъ — Кулиша къ Барвинскому, Барвинскаго къ Кулишу, Александра Барвинскаго къ Володимиру Барвинскому и кромѣ того еще нѣсколькихъ галицко-русскихъ дѣятелей къ сему послѣднему, въ 1870—71 годахъ. Какимъ образомъ эти письма попали къ львовскому антикварію, я не могъ узнать; не знаю также, уцѣлѣла ли остальная часть обширной переписки пок. В. Барвинскаго. Судя по нѣкоторымъ письмамъ, находящимся въ моей коллекціи, нѣкоторымъ лицамъ должно быть интересно было бы, чтобы уничтожить или прибрать къ рукамъ эти письма. Въ исторіи умственнаго и національнаго развитія галицкой Руси въ 60-хъ и первой половинѣ 70-хъ годовъ П. А. Кулишъ игралъ большую роль; его вліяніе было

громадное и сдѣлалось однимъ изъ твердыхъ основаній такъ называемой народной или украинофильской партіи въ Галичинѣ. Вполнѣ оцѣнить размѣръ и характеръ вліянія Кулиша на тогдашнюю передовую галицко-русскую молодежь будетъ возможно только тогда, когда будетъ обнародована вся богатая переписка дѣятелей этого интереснаго времени. Публикуемыя здѣсь письма и отрывки писемъ безъ сомнѣнія подтвердятъ нашу мысль объ интересѣ, какой имѣетъ эта переписка, и, можетъ быть, вызовутъ дальнѣйшія публикаціи. Я, съ своей стороны, замѣчу, что кромѣ публикуемыхъ здѣсь, у меня есть еще (изъ того же источника) нѣсколько писемъ Кулиша къ В. Барвинскому, писанныхъ изъ Венеціи въ 1870 году, занятыхъ главнымъ образомъ личными счетами съ тогдашними редакторами львовскаго журнала „Правда". Этихъ писемъ я пока не рѣшаюсь публиковать.

Собранныя здѣсь письма касаются трехъ сюжетовъ: печатанія Псалтыри, основанія фонда для осуществленія галицко-русскихъ національныхъ и культурныхъ цѣлей и предполагавшагося изданія литературнаго альманаха. Къ сожалѣнію, не вся переписка, касающаяся этихъ темъ, была мнѣ доступна. Нѣкоторыя письма Кулиша, кажется, потеряны безвозвратно; писемъ Барвинскаго, высланныхъ Кулишу, конечно и не могло быть въ рукахъ перваго, а сохранившіяся въ этой коллекціи два его письма къ Кулишу, кажется—копіи съ высланныхъ дѣйствительно писемъ. По этой небольшой частицѣ можно, впрочемъ, судить объ объемѣ и интересѣ всей переписки Кулиша съ галичанами.

Миронъ.

№ 1. 4 стычня н. ст. (1871 р.).

Спасыби Вамъ, друже Володарю, що клопоталысь коло моеи справы. Выбачайте, що такъ довго до Васъ не озвався: е тому прычына. Бажання Вашого про лыстъ не можна було сповныты.

Вповаючы на Вашу прыхыльнисть до мене, просытыму Васъ ось про яку ричъ; напечатайте ви Львови мій Псалтыръ виршованый. Незабаромъ вышлю Вамъ частыну рукопысу и

гроши для почыну, а Вы тымъ часомъ зробить умову зъ друкаремъ. Форматъ посылаю. Такыхъ карточокъ у аркуши мусыть буты 18 (36 бочкивъ). У Перемышли видъ Ивана Пулюя за Молытовныкъ гармонтомъ бажають за 1000 прымирныкивъ такои печати 12 гульденивъ, безъ паперу. Колы ви Львови трохы дорожче, то се ничого; тилькы нагадайте друкареви, що печать виршована и що коженъ куплетъ (часто и по 2 вирши въ куплети) оддилятыметця такъ, якъ печатано Іова въ Правди; то може и не схоче дорожче 12 гульденивъ за 36 бочкивъ.

Колы нема гармонту зъ акцентамы, то нехай зробыть, бо мы печататымемо й ще въ його акцентовани кныжкы. На кожному бочку мусыть умистытысь 24 вирши, колы бъ не було порожнявы мижъ виршамы. Може такого формату папиру и нема готового ви Львови, то можна форматъ и переминыты изъ 18 на 16. Тилько папиръ мусыть буты дешевый. Зверхъ 1000 прымирныкивъ напечатайте 25 прымирныкивъ на гарному папери для мене.

Хочу я, щобъ ся едыція була дуже дешева. У продажъ пустымо по тій самій цини, що намъ коштуватыме кожный прымирныкъ, не прыбавляючы ни крейцара. Спытайтесь, що визьме интролигаторъ за 1000 кныжечокъ, щобъ обробыты папкою червоного колеру зъ дешевого матеріялу. Колы не дорого, то й на се знайдутця гроши.

Ще жъ Васъ прошу зорганызувать продажу Псалтыря такъ, щобъ ни въ кого не пропалы гроши, якъ се бувае зъ комисіямы, и, задля интересу народнього, ввесь клопитъ пидняты на себе и доконаты, якъ лычыть доброму Русынови.

Видпышить, чы визьметесь за се дило негайно: а договорюватысь изъ друкаремъ будете потимъ.

Про те, яку кныжку печататымете, не кажить друкареви и никому иншому. Зробить якъ можна усе дило тыхцемъ, такъ щобъ не знавъ нихто, ажъ покы кныжка выйде з печатни въ продажу. Попросить про се и друкаря, оддаючи ему рукопысь. У всякому дили лучче, якъ нихто не знае, що воно робытця.

№ 2. 14 січня н. ст.

Папиръ треба взяты дешевшый, абы не проходыло наскризь черныло та не шкодыло чытанню. Певно жъ Просвита печатае для народу на дешевому папери, то й Вы той або иншый дешевый визьмить. Дбайте не про оказалисть, а про те, якъ бы такъ напечататы, щобъ дуже дешево можна було Псалтырь роспродаты.

Обводкы на кожному бочку прыбавлять платы за печать; то й не треба ихъ, а печататы, якъ Іова, та й годи.

Рукопысь такъ выготовлена, що не буде переправокъ зовсимъ. Теперъ посылаю перепысану не добре, а дальше йде дуже выразна и чыста рукопысь моею рукою. Не треба Вамъ перепысуваты, а просто оддавайте мое пысанне въ печать; тилько щобъ Вамъ описля, хочъ и помаране, вернулы зъ печати [1]).

Може знайдетця гарный гармонтъ дрибнищый одъ того, якымъ печаталось св. Пысьмо, то нехай дороблять до іого акценты. Колы жъ у сему буде труднота, то печатайте тымъ, що св. Пысьмо печаталы.

Мижъ куплетамы не шыроко пускаты порожне мисце, а такъ, щобъ тилько выдно було, що не рядомъ иде виршъ за виршемъ. У *Іови* мисцямы дуже тисно збыто, такъ що не выдно куплетивъ, а мисцямы попечатано якъ треба. Визьмить за взиръ 41 бичокъ: оттакъ треба видступаты двоисти и четверысти куплеты.

Дрибнымъ гармонтомъ можна бъ печататы у такому формати, якъ я Вамъ прыславъ, а сымъ треба робыты бочкы таки завбильшкы, акъ у *Іови*. Тилько форматъ нехай не буде такый шырокый (поглядомъ довжыны), якъ у *Іови*, а продовговатый. Та се все я оддаю на Вашу волю, щобъ не було Вамъ якои

---

[1]) Внизу на первой страничкѣ синимъ карандашемъ рукою П. К. дописано: Посылаю не 20, а 25 рублей.

трудносты зъ моимъ наказомъ. Одного тильки бажаю: щобъ не дорого коштувавъ намъ самымъ прымирныкъ и щобъ, продаючы по своій цини, моглы мы дуже дешево продаваты. Тымъ бы я и гармонтъ хотивъ знайты дрибнищый. Тоди бъ у меньшому формати бильшъ умистылось, нижъ у такому, якъ напечатано *Іова*.

Разомъ зъ сымъ лыстомъ посылаю 20 рубливъ на первый обихидъ, а потимъ напышете мини, колы скильки высылаты грошей. Ще жъ поторгуйтесь изъ печатныкомъ: нехай згодытця пидождаты частыны грошей, докы Вы роспродасте частыну прымирныкивъ. Скажить тому, що се *Вашъ* накладъ, и що Вы позычылы грошей. И напечатано буде на Псалтыри: коштомъ и доглядомъ братывъ Барвинськыхъ. Колы жъ сего не хочете, то й не треба.

—

Нехай же теперъ Вамъ, друже Володарю, помагае Господь у сему дили, ворогамъ нашымъ на досаду та на докиръ, а людямъ розумнымъ на втиху! Писля сего ще будемо де-що печататы, и за Вашу працю матымете Вы не одну словесну дяку.

—

Колы печатныкъ не схоче ждаты грошей, то за сымъ не буде остановкы, тилько я бъ хотивъ, щобъ Вы се выторговалы въ іого.

№ 3. 15 стычня н. ст.

Пославъ я Вамъ учора, друже Володарю, рукопысь Псалтыря не франкувавшы, щобъ певнищъ дійшла до Вашыхъ рукъ. Сповистить заразъ, якъ одержыте. Пышу ще разъ адресъ нового мишкання мого въ Венеціи: S-ta Maria Zobenigo, campiello della Feltrina, casa № 2156.

Кожна псальма повынна почынатысь буйною литерою, такъ якъ кожна голова у св. Письми, безъ абзаца. Колы нема гарныхъ фыгурныхъ литеръ, або колы за се прыбавылась бы плата, то й не треба фыгурныхъ, а таки, якъ у св. Пысьми.

Стышокъ церковнославянськый на початку кожнои псальмы треба бъ напечататы церковною печаттю зо всимы тытламы и акцентамы такъ, якъ у церковному Псалтыри. Колы жъ нема добрыхъ черенкивъ, щобъ пидходылы якъ разъ пидъ черенкы текста, то печатайте курсывомъ того жъ самого гармонту.

Ще разъ крошу Васъ не вганяты въ дорожнету сіеи едыціи, щобъ можна було продаваты прымирныкы якъ найдешевше. Не про тыхъ дбайте, хто любыть гарни кныжкы, а про тыхъ, у кого нема въ кешени лышнего крейцара на кныжку. Тымъ бы то треба печататы дрибнищымъ гармонтомъ у такому формати, якъ я прыславъ: то меньше пишло бъ паперу. Акценты не трудно прыробыты. Та вже робить, якъ можна, колы нема иншыхъ черенкивъ.

—

Корректуру держить сами, а мини и первого лыстка не посылайте. Якъ зробыте, такъ нехай и буде. Тилько тамъ, де кинчаетця одна псальма и починаетця друга, не пускайте богато чыстого мисця, а такъ якъ на одну стричку.

№ 4. 22 стычня н. ст.

Спасыби Вамъ, друже Володарю, за Ваше пеклуванне.

25 руб. на задаткы послано того жъ дня, якъ и початокъ рукопыси, та мабуть гроши трошкы спизнылысь. Колы жъ Вы ихъ не одержалы, то сповистить—я вышлю рецыпысъ.

Стишокъ у II. пс. можна бъ и такъ напечататы, якъ винъ стоявъ; та Вы звернулы на іого увагу мою, то я переправывъ теперъ и прошу напечататы замисть тыхъ двохъ виршивъ, що Вы пропысалы, ось якъ:

Тоди озвавсь до беззаконныхъ гнивно, и серця въ ныхъ одъ ляку затряслыся.

Лысты до мене посылайте, франкуючы з тыхъ грошей, що на Псалтырь.

№ 5. 4 лютого.

Не можна, друже Володарю, такъ довго тягты печатанне. Мушу заплатыты геть дорожче, та напечатаю швыдче. Оце жъ е ще надія на одну нимецьку друкарню.

Зробить мини ласку—перекыньте до мене пидъ бандеролею по одному прымирныку напечатаныхъ уже аркушивъ Псалтыря; а колы тилько одынъ ще аркушъ напечатано, то й одынъ.

Колы ще Вы не зовсимъ видпечаталы 1-й аркушъ, то прыймить отъ яке правыло правопыси—роб*ытся*, а не роб*ытця*; егып*ецькый*, а не егы*петськ*ый; бо въ 1-му слови *тс* злывается въ *ц* (якъ у слови *оц*е), то колы пысаты *ц*, такъ *т* не мае вже мисця, а якъ не можна пысаты *робыця*, то мусымо пысаты роб*ытся*. Колы жъ уже видпечаталы на чысто 1-й аркушъ, то консеквентно мусыте держатыс тіеи самои правопыси до конця. Рымъ збудовано не за одынъ день; колысь до всего додумаемось.

Колы жъ схочете переминыты правопысь у сихъ двохъ кинчыкахъ, то нехай думають, що въ 1-му аркуши Вы черезъ помылку напечаталы таки глаголы, якъ роб*ытця*, прыхыля*етця*, зъ кинчыкомъ *тц*, а другого кинчыка *цькый* може ще й не було.

№ 6. 6 лютого.

Нема одъ Васъ, друже Володарю, звисткы про Псалтырь: чы вже почалы печататы? Колы ще не напысалы, то вже й не видпысуйте въ Венецію, а ось Вамъ мій адресъ у Видни, куды я перейиду мисяцивъ на два коло $^{1}/_{12}$ лютого.

Josephstadt, Reitergasse № 16, Parter, № 4.

—

Лыстъ посылайте оплаченымъ.

—

Сповистить, чы забралы Вы въ Сушкевыча мои кныжкы, и пришлить имъ реестрыкъ.

Пысалы Вы, що Вамъ для почыну потрибни гроши. Я видпысавъ, що тогожъ самого дня, що й рукопысь, послано Вамъ 25 рубливъ и що я маю рецыпысъ.

—

Що сталось зъ читанкою брата Вашого Александра? здаетця тиснять Васъ, Русынивъ, Ляхы и зъ сего боку! та не вдавайтесь у тугу. „Твердый Русынъ усе перебуде" и все такы скаже колысь: „Посунься, Ляше, хай Русынъ сяде". Чи хутко, чи ни, а мусыть воно такъ буты.

—

У ІІ-ій Псальми поправте 11 и 12 вирши оттакъ:

Тоди озвавсь до беззаконныхъ гнивно, и серце въ ныхъ одъ ляку затремтило.

Я й пысавъ уже про се, та, може, той лыстъ не дійшовъ до Васъ.

№ 7. 7/19 лютого.

Не видпысувавъ я Вамъ, друже Володарю, про друкарню ничого, бо оддавъ сю ричъ у Ваши рукы. Що можна зробыты, те Вы и зробыте. Оце жъ Вы поробылы перви крокы такъ якъ найкраще.

Усю рукопысь Псалтыря пославъ я Вамъ 9 лютого нов. ст. изъ Венеціи recommandirt. Грошей вышлю ще завтра.

Спасенна се Ваша думка, щобъ зорганызуваты працевытыхъ людей коло себе та впертысь проты деморализаціи старшыхъ Русынивъ и верховидства Ляхивъ. Чомъ же Вы не видпысуете на лысты Ивана Пулюя? Винъ тутъ зоставсь едыною пидмогою руського елементу и мае всякй хороши думкы; тильки жъ едыному чоловикови не можна ничого велыкого вдіяты. Тымъ я раю Вамъ видкынуты всяки уразы, колы що таке проты іого маете, и корреспондуваты зъ нымъ не рады іого, а рады руського дила, що разомъ зъ нымъ робыте. Оплачуваты жъ корреспонденцію я Вамъ позволяю зъ тыхъ грошей, що маете видъ мене на Псалтырь, покы заробыте своихъ; бо я Вамъ од-

дамъ шостый прымирныкъ изъ усіеи едыціи Псалтыря, якъ зачнете іого роспродуваты, працюючы на ридному руському поли та обороняючы іого видъ Ляхивъ.

Молытовныкъ, осудженый на „оуничтоженіе", вже ввесь на ново выготовленый и заразъ зачнетця печататысь у 3000 прымирныкахъ. Треба іого всякъ пидпираты и роспродаваты. Прошу Васъ уважаты се дило Пулюеве не за іого особысту працю, а за спильный интересъ молодои Руси. Nam concodria parva (sic) res crercunt: безъ сего гасла не вдіяты ничого. На службі ридному краю тилько того треба вважаты за ворога або протывныка, хто іого цураетця.

—

Колы за цвиткованi буквы *не богато* доплатыты, а воны есть дуже гарни, то доплатить; тилько щобъ справди булы дуже гарни й пидходылы до формату. Псальму видъ псальмы далеко не видступаты и не кыдаты не скинченыхъ бочкивъ; а колы можна роспочаты хочъ двома виршамы нову псальму, то й роспочынаты. Бо друкарь старатыметця тилько про те, якъ бы бильше выйшло аркушивъ друку; а намъ треба дбаты про дешевыну выдання.

№ 8. $^{8}/_{20}$ лютого.

Посылаю на Псалтырь 50 гульденивъ и рецыпысь изъ Венецькои почты на Псалтырь. Сповистить заразъ, якъ одержыте рукопысь.

—

Не давайте багато рукопыси въ друкарню, щобъ не загубылась, а малымы частямы, та не черезъ слугу, а сами изъ рукъ у рукы печатныкови.

№ 9. (Писано наскоро, карандашомъ). 18 лютого.

Тильки що пріихавъ до Видня и сподивавсь застаты одъ Васъ лыстъ, ажъ іого нема. Чы одержалы пакетъ изъ усимъ (до кинця) Псалтыремъ? Чы почалы вже печататы?

Чомъ Вы не видпысувалы на пытання Ивана Пулюя? Сповистить негайно, зробить мини ласку, бо я дуже тривожусь за рукопысь Псалтыря. Другого прымирныка не маю.

№ 10. 26 лютого.

Спасыби Вамъ, друже Володарю, що такъ добре пыльнуете взятои на себе праци. Друкуйте за пидмогою Божою, а тымъ часомъ зробить мини въ Вашымъ печатныкомъ рахування: що коштуватыме аркушъ друку у 47 стричокъ двома стовпцямы, якъ печатае свои библіи Лондонське товарыство, — прымиромъ такого друку, якъ Сербська Быблыя? Черенкы и розбывку мижъ стричкамы бажавъ бы я таки, якъ на взорци прыложеному до сего лысту. Колы жъ такыхъ самыхъ черенкивъ зъ акцентамы нема, то прышлить мини первый лыстокъ Псалтыря: може й ти черенкы не будуть ни буйни, ни дрибни. Наше акцентування не позволяе робыты такои тиснои розбывкы, якъ у сербській быбліи; тымъ я й думаю, що хиба трохы бильшъ одъ 47 стричокъ помистыты можна на октавци, а колы можна, то й зробить таке вырахування. Папиръ такожъ визьмить не дорожчый видъ того, на якому напечатано сербську быблію, а колы е дешевшый, то й добре. Оце жъ я хочу негайно знать, що коштуватыме аркушъ такого друку вкупи зъ паперомъ у 1000 прымирныкахъ; тымъ благаю Васъ, друже, заразъ такы вырахуваты зъ Вашымъ печатныкомъ и сказаты іому, щобъ винъ бувъ готовый, за надисланнемъ рукопыси, зупынытысь изъ печатаннемъ Псалтыря, а взятысь до печатання проэктованои кныгы, котра мае вбираты въ себе друку видъ 15 до 18 аркушивъ такого формату у дви коллонны, якъ Сербська быблія *старого* й *нового завиту* (бо пятокныжже напечатано и на иншому папери, и иншимъ форматомъ). Буде се украинськый Новый Завитъ, тилько про се не кажить ни друкареви, ни кому иншому, и все дило зробить тыхцемъ. Пры тому всему мусыте вымагаты певнои гарантіи, щобъ якъ можна скорше печатано, не вгаючы часу. Нехай друкарь напыше на папери вмову, скилько

аркушивъ що тыжня выстачыть. Тутъ іого можна звязаты й платою, вызначывши речинци таки, щобъ винъ поспишався зъ друкованнемъ за для одержання свого заробитку (не за кожнымъ тилько аркушемъ, а черезъ усяки пять чы скилько аркушивъ).

Сю кныгу такожъ оддамъ Вамъ у рукы, щобъ Вы бралы соби гроши за кожный шостый прымирныкъ; а свого часу печататымемо и Старый Завитъ у 500 прымирныкахъ, такъ щобъ до сіеи пивтысячы Старого Завиту прышыты пивтысячу нового, а другу пивтысячу Нового Завиту оправыты окроме и сымъ робомъ продаваты. Колы жъ бы роспродажа показала, що Нового Завиту купують у десять развивъ бильшъ, нижъ цилои быбліи, тоди мы печататымемо новымъ тыпомъ самый Новый тилько Завитъ, а старый (у 500 прымирныкахъ) зистанетця памяткою нашои мовы и словесносты.

На Святому Пысьми, колы хочете, напечатайте: Коштомъ и доглядомъ бративъ Барвинськыхъ.

Одну корректуру треба прысылаты сюды до мене; а Псалтырь корректуйте сами.

№ 11. 9 березоля.

Друже Володарю! Нехай Зецеръ не вбирае початковыхъ литеръ у квиткы, бо зъ сего выйде тилько mauvais gout та вгайка. За лышню працю, що Вы іому прыбавылы на 1-му аркуши, заплатить Будвайсерови, та видплатывшысь такъ, поставте початкови литеры таки, якъ у Св. Пысьми (въ Правди), та й печатайте далій. Будвайсеръ повыненъ бувъ бы сказаты, що въ іого литеръ готовыхъ нема, то мы бъ и однои годыны не схотилы дожыдатысь, докы винъ выпыше, а не то що цилыхъ тыжнивъ! Печатайте *ться*: такъ справди лучче. Уступку я роблю не на те, щобъ прыхылыты старовирывъ до себе: я знаю, що воны не прыхыляться ніякымы уступкамы, и що мижъ намы и нымы не може буты жодного ком-

промису; а е до сего инши поводы, надто жъ, що не можна консеквентно перепровадыты фонетыкы черезъ усю нашу мову.

Од на те въ Псалтыри здалось мини добре вжываты, що тамъ прывыклы чытаты *от*. Колыжъ воно таке Вамъ не любе, то я й подавно іого цураюсь. Тилько держитесь ось якого правыла:

Колы *од* иде слидомъ за голосною, то печатайте *вiд*, а колы за неголосною, то—*од*. Жинка *вид* чоловика, а не чоловикъ *од* жинкы.

Колы слидомъ за *вiд* иде слово зъ литерою *в*, тоди печатайте *од*, хочбы задне слово кинчылось и голосною литерою. Хлопя *од* вивци *вид*бигло.

Опричь того—де евфонія вымагатыме *од* або *вид*, тамъ такъ и печатайте. У початку стыха або перыоду—якъ хочте: або *вид*, або *од*. Се ричъ мала; de gustibus non est disputandum.

Св. Пысьмо вже печатаетця по 2 аркуши на тыждень, и такъ дешево продаватыметця, якъ у быблійного товарыства,—ни едынымъ крейцаромъ не дорожче; и оправа, и папиръ, и форматъ буде якъ разъ такый.

Выбачайте, що такъ недбало пышу до Васъ: дуже мало маю часу. Редакція Св. Пысьма вымагае багацько часу: заглядуемо часомъ до 14 перекладивъ, миряючысь, якъ бы краще по нашому сказаты, и проты уртексту не схыбыты.

№ 12. 17 берез.

У Псалтыри пысано всюды: беззакон*ство*; у Святому жъ Пысьми, надумавшысь, я печатаю беззако*нне,* беззако*ння,* беззако*нню* и т. д. Перепрavляйте такъ и въ Псалтыри.

Я, здаеться, пысавъ до Васъ, друже Володарю, що выйде попереду евангелыстъ Матѳей (прыйнявъ я *ѳ* въ нашъ алфавытъ, щобъ не скандализуваты вашыхъ людей украинською вымовою святыхъ именъ; то й Вы всюды, де вона стоить у церковщыни, печатайте фтиту). Слидомъ за Матѳеемъ заразъ выйде Маркъ и т. д. Нашъ форматъ евангелыстивъ буде бильшый, нижъ у Рей-

харда, бо нема такого готового папиру; то мусымо оправленый прымирныкъ продаваты не по 6, а по 10 крейцаривъ. Кожному, хто буде шырыты мижъ народомъ, даватыметься 6-ый прымирныкъ. Уже бильша половына Матѳея зложена въ друкарни, та корректура дуже тяжка. Все такы днивъ черезъ килька выйде на Божый свитъ перва кныжечка. Про се вже можна всимъ пысаты и говорыты. Напечатаемо оповисть.

№ 13. 25 берез.

Спасыби Вамъ, друже Володарю, що повыкыдалы самодильни Зецеривськи цвитковани литеры початкови въ псальмахъ; бо се була бъ препогана окраса.

У насъ говорять: лышокъ, розуміючы процентъ зъ грошей; тилько жъ задля поважносты речы можна й такъ напечататы, якъ Вы переминылы, т. е. *лыхвы*. „*Не* приймае“ вымагае сказати: лых*вы*, а не лых*ву*. Отъ же зробить мини ласку—переправте, коли ще можна такъ:

хто грошима запомигши,
лыхвы не приймае.

Коли жъ уже напечатано, то поставыте при кинци у помылкы.

Якъ маете вже готовый первый аркушъ, то перешлить мини іого пидъ бандеролею. Коли жъ не маете чыстого, то хочъ пробный заразъ прышлить; а дальшихъ аркушивъ не прысылайте.

Матѳей уже печатаеться начысто; та велыка морока зъ нимцямы. Мусымо перепысуваты всю рукопысь задля увильнення себе видъ тяжкои корректуры.

Вытайте видъ мене брата Вашого Іосыфа.

Маю надію, що братъ Вашъ Александръ прышле мини прымирныкъ своеи Чытанки, що вже давно выйшла. Винъ до мене давно вже не пыше. Колы ни про що пысаты, то на що й часъ тратыты? А чытанку я хотивъ бы бачыты, що тамъ попереверталы по своёму Ляхы!

№ 14. (Письмо безъ даты).

Друже Володарю,

Спасыби за сповистку про Псалтырь. Певно, Вы все такъ зробыте, якъ я Васъ просывъ, хочъ и не пышете про се. Розумію, що напечатаете тильки 500 прымирныкивъ Псалтиря, а не 1000, etc. etc.

Я не знаю, кому кныжки розсылаты, яко чужый у Вашій краини чоловикъ. Розвидуйте сами, та й розсылайте, де е певни люде.

Якъ сотню, або хочъ 80 прымирныкивъ изъ сотни розпродасте, тоди заразъ вышлю Вамъ ще того жъ дня, якого одержу одъ Васъ про се звистку.

Маркъ святый выйшовъ учора и розданый де-кому у Видни. Якъ розкуплять у Васъ сотню Матѳея, то заразъ вышлю и Марка.

№ 15. (Письмо безъ даты, писанное поспѣшно, синимъ карандашомъ).

Передывывшысь мою рукопысь, зрозуміете лучче, де абзацы, а де ихъ нема. Пысля зирокъ *** абзацъ, а въ почыни Псальма велика литера, а абзаца не треба.

Пышить вже до Видня.

№ 16. Письмо безъ даты.

Може ще не роскыдалы 1-го аркуша, то нехай поправлять помылку въ первому стышку церковному: *на совѣтъ,* а не *на совитъ.*

На стр. 7-й нехай поправлять: *глаголы*, а не *глаголи*; та й перепечататы, моимъ коштомъ, стороны: 1, 2, 15, 16 и 7, 8, 9, 10. Колы жъ уже роскыдано 1-й лыстокъ, то нехай, моимъ коштомъ, зложать тилько стороны 1 и 2, 7 и 8, а такожъ 5 и 6, бо на 6-й напечатано *услиша* а не *услыша.*

Колы жъ порахуете, що не багато рижныци (бо Buchbinder за ти карточкы, що попрычиплюе, визьме дорожче), то перепечатайте моимъ коштомъ увесь 1-й аркушъ, чи то половыну іого видъ 1-и до 16-и стороны. Та вже, благаю Васъ, друже Володарю, добре дывытысь, щобъ у церковныхъ стышкахъ не було правопысп нецерковнои. — Можна й заглядуваты въ церковный Псалтырь пры корректури.

Ще прошу Васъ уважати, що знакъ — и знакъ - мають противоположни значення. Оцежъ у стиху 6 и 9 первои Псальмы добре поставлено знакъ —, а въ стыху тіежъ Псальмы на кинци: „Изъ неба бачить-назирае" не треба було довгого *тыре*, а коротеньке. Такъ само у 2-й псальми, на сторони 3-й, у стыху: „Робить-служить вы Господеви" треба було коротеньке тыре поставыты.

До брата Вашого Александра, по іого лысту, сегодни послано доволи Матөея и Марка. Жду и одъ Васъ сповисткы, що *мушу* посылаты бильшъ: бо не пиславъ черезъ те, що думаю, не хутко ще й ту сотню розкуплять, а въ насъ часу на почтову пересылку дуже мало за иншыми пыльными роботамы. Оце жъ колы напышете, що вже зъ сотни зистаеться мало, заразъ Вамъ вышлються скилько треба, а видъ пана Александра не выпысуйте у Львивъ: бо се буде *подвійна* почтова пересылка.

№ 17. (Отрывокъ письма, первый полулистъ оторванъ).

Незабаромъ, днивъ черезъ шисть, прышлю Вамъ Матөея. Колы матымете часъ Вы сами, або Ваши товарыщи, чытаты іого, державшы передъ собою грецькый первовзиръ, та здаеця кому, що можна бъ которе слово краще переложыты, то спысуйте вси таки нотабенкы и поправкы и прысылайте до мене: я покорыстуюсь ныи, перепечатаючы Евангелыстивъ для повного Нового Завиту. Багато е въ Галычыни такыхъ сливъ, що я николы не чытавъ; то се мини була бъ добра пидмога. А може я що небудь пропустывъ зъ дрибныхъ часточокъ речы; то все таке—зробить ласку—мини выказуйте; и брата Вашого Іосифа

про се попросить.—Св. Маркъ уже (зачеркнуто: печатаетця) складаеться.

Одынъ лыстъ я вже euславъ про Псалтырь и пысавъ, щобъ у церковныхъ стышкахъ, що передъ кожною Псальмою, всюды *захоааты правопысь церковного Псалтыря,* якъ и въ рукопыси. Колы нема черенкивъ церковныхъ, то нехай буде такъ, якъ уже зложено.

№ 18. 31 берез.

Першый виршъ першои псальмы выступывъ у ливо, а іому треба стояты початковою литерою на одній лыніи зъ усима иншымы виршамы.

Такъ само въ третій псальми першый виршъ выступывъ у ливо, а II псальма и IV такъ напечатани, якъ треба.

У V-й псальми зновъ першый виршъ выступывъ початковою буквою зъ лыніи иншыхъ виршивъ. VI псальма зновъ выступыла первымъ виршемъ у ливо, такожъ и VII, а восьма напечатана якъ треба, такожъ и IX, X, XI, XII и вси ажъ до XVII—добре.

Колы въ другому пиваркуши церковный стышокъ печататы зъ розбывкою, видступаючы букву видъ буквы, то и въ первому треба такъ само. Може Вы такъ и сами зробылы бъ, якъ я оце пышу, та не шкодыть остерегты Васъ.

Слова: ненавыстныкъ, напастныкъ печатайте зъ буквою т, а не: ненавысныкъ, напасныкъ.

У пс. II на стр. 3 виршъ:

„що ты мій сынъ, сегбдни ты родывся" треба напечататы зъ закаблу́чками, бо се иде дальша мова того, хто каже: „Се мій законъ" у попереднёму виршу. Закинчуючы закаблучкы поставыты писля вирша:

„рострощымъ ихъ, мовъ глечыкъ черепяный". Тамъ бо скинчылась мова другого, а дальше зновъ веде свою мову Псальмыстъ. На се звертайте всюды увагу.

Вирши не одынаковои довжыны, якъ отъ у пс. Ш, не треба такъ вельмы посовуваты вправо, бо воны коротши попереднихъ своихъ товарышивъ тилько на одну силябу. Стилько треба посовуваты ихъ управо проты попереднихъ, скильки 2-й виршъ Ш псальмы:

Що мене стужають

посунуто проты вирша:

Скильки ворогивъ запеклыхъ,

або ще на одну букву. Колы жъ се вамъ трудно, то нехай уже й такъ печатають.

Печатайте тилько пять сотенъ прымирныкивъ Псалтыря.

Одъ брата Вашого Александра я вже одержавъ Чытанку.

Не турбуйтесь, що не швыдко йде печатання, я про се байдуже, абы колы небудь було воно въ печати, щобъ не пропала моя праця марно.

№ 19. 31 берез.

Друже Володарю,

За прыпыску пидъ перепаскою я заплатывъ штрафъ. Треба було Вамъ послаты карточку, колы не було часу лыстъ пысаты. Стышокъ изъ церковного Псалтыря передъ кожною псальмою треба печататы церковнымы черенкамы хочъ такымы буйнымы, якъ текстъ нашыхъ псальмъ, хочъ трошкы меньшымы. Колыжъ нема церковныхъ черенкивъ, то *курсывомъ* (якъ воны й пысани въ манускрыпти). Колыжъ и курсиву нема, то нехай уже печатае такъ, якъ зложено; тилько си стыхы мусять печататысь тіею самою правопыссю, якъ у церковному Псалтыри и якъ пысано въ манускрыпти, се есть: де стоить *ѣ*, тамъ не печататы *и*; де стоить *е*, тамъ не печататы ѥ, и т. д.

Початкови буквы треба спускаты внызъ, такъ якъ у Св. Пысьми, що печаталось у Правди, або такъ, якъ оце на карточци, що посылаю въ сёму лысти.

У слови Пса́льма (колы е) поставыты акцентовану букву а́.

Писля зирочокъ *⁎* усюды въ манускрыпти абзацъ, се есть, що первый виршъ посовуеться въ право (якъ отъ у сёму моему лысти напысани слова: „Початкови“; „У слови“; „Писля“. Се на те, щобъ показаты, що инша мысль зачынаеться [1]).

Дуже не добре, що въ початковыхъ виршахъ (изъ церковного Псалтыря) нема акцентивъ, колы церковна печать уся акцентована! Будвайсеръ може купыты прйгорщъ церковныхъ черенкивъ для сёго случаю. Львивъ—не мистечко!

Не можна ставыты знаку = замись черточкы — якъ се напечатано въ петыти на стр. 7.

Се все якъ прыймете до уваги, то й печатайте зъ Богомъ далій.

(На верху первой страницы приписано красными чернилами:) Якъ видпечатаеться на чисто первый аркушъ, прышлить пидъ перепаскою, а бильшъ не прысылайте.

(На полѣ первой страницы въ длину листа:) Памъять—печататы память. Букву ъ печататы тилько въ такимъ слови *видъихавъ*, або *убъешъ*, або *пъяныця*; слова-жъ: пята, пять и т. п. (окончаніе этой приписки д. б. было на особомъ лоскуткѣ, который не сохранился).

(На полѣ третьей страницы красными чернилами, подчеркнуто синимъ карандашемъ:) NB. *Печатайте тилько 500 прымирныкивъ Псалтыря.*

(Стр. 4). Може есть у Будвайсера „антыкъ“, якымъ у карточци Матѳея, що посылаю, поставлена початкова литера, то нехай переминыть ным „египецькый“, якымъ у іого поставлени початкови литеры. Хочъ бы и таки булы початкови буквы, якъ у Св. Пысьми въ Правди, то й ти кращи, нижъ оцей египецькый. Колыжъ ничымъ переминыты, то й нехай уже такъ буде, якъ е, тилько поспускаты си буквы ныжче, дарма, що прыйдется инколы посунуты трохы въ право другый виршъ.

[1]) Exceptio зъ сего правыла тамъ, де вирши не ривни, якъ отъ на сторони 10 писля зирокъ.

Виточку зъ буквы Б въ первій Псальми выкынуты. Колы просто, то вже всюды треба й держатысь простоты, а ся цяцька робыть дысгармонію. Печататы: сыри*цьк*ый, егыпе*цьк*ый, а не сыри*тськ*ый, егыпе*тськ*ый. Буквы тьс тилько въ кинци глаголивъ.

№ 20. Письмо безъ даты, съ конца апрѣля.

Видпысуючы на Вашъ лыстъ 25 цв., друже Володарю, зновъ прошу поправыты вирш. 14 на сторони 7-й такъ:

Тыхо засыпаю,

а не зоставляты такъ, якъ напечатано; дежъ у рукопыси есть слово *хай*, печатайте іого всюды *най*. Перве слово у пс. IV поправте *якъ*, а не *я*.

Церковный стышокъ у пс. XIV кинчаеться словомъ *Богъ*, а не *Бога*, якъ напечатано.

Таки помылки зибравши, прыпечатайте въ кинци кныжкы, щобъ не думалы, що мы переправляемо мову церковню.

Посылаю сёгодни до Васъ 500 прымирныкивъ св. Матѳея. 6-ый прымирныкъ даеться всимъ, то й Вы мусыте соби взяты. Не даеться винъ тилько кныгопродавцямъ, бо йимъ вильно продаваты по якій схочуть цини. Колы бъ же кныгарь который купывъ за *готови* гроши, то й йому даватыметься 6 прымирныкъ gratis. Колы жъ мы своимъ людямъ россылаемо безъ грошей, то се все одно, що мы зъ своихъ рукъ роспродуемо не сумнячысь.

Прошу гроши, котри матымете за Св. Пысьмо, складуваты у себе и обертаты на росплату зъ Будвайсомъ (sic!).

Здержуватысь изъ продажею дальшыхъ Евангелыстивъ не треба. Оцежъ, якъ прышле мини Buchbinder Марка, то прышлю Вамъ 500 прымирныкивъ. Думаю, що кныжкы Просвиты перестали купуваты не черезъ те, що ихъ намножылось, а черезъ те, що въ ныхъ нема покорму для розуму: бо що може даваты убогый убогому? У того народу, котрого Просвита мыслыть просвичуваты, сама вона бильшъ могла бъ навчытысь (колы бъ умила), нижъ винъ видъ неи, хочъ бы й хотивъ.

Отже, якъ бы воно тамъ ни було, а Святе Пысьмо йтыме не зупыняючысь до самого кинця.

Бувъ у насъ Дыметъ [1]). Іому посылатыметься по 500 прымирныкивъ кожного Евангелыста. Колы бъ у Васъ хотивъ купыты за готови гроши который кныгарь, то можна іому даваты 6 прымирныкъ gratis. Тильки берить за пересылку, выраховуючи по тій втрати, яку Вы малы, заплатывшы за 100 прымирныкивъ 1 р. 30 кр.

Для осторогы Вамъ скажу: на стор. 18, у в. 15 пропущено дви точкы (:); черезъ се—темно; на сторони 21, у в. 16 *с*аплутае, на—22, у в. 11 пропущена кома писля слова: просять; на—31, у в. 20 напечатано: *на стини*. Се треба прыпечататы мижъ помылкамы.

Бувайте жъ, друже, здорови, и нехай Вамъ Господь помагае.

Я пысавъ уже до Васъ, щобъ печататы не 500, а 1000 прымирныкивъ Псалтыря.

Нова моя адреса: Josephstadt, Daungasse, № 6, Thür 5, I Stock. Иванъ Пулюй жыве у мене.

(Приписано красными чернилами поперекъ послѣднихъ строкъ): Посылаю на рукы Скоморовського до Тернополя 200 св. Матѳея; у Бережаны на рукы Александра 500 св. Матѳ.; до Слюсарчука у Заставну (Буковына) 40 Матѳея, до Боровця у Потылычъ (Перем.) 24 Матѳ. Бильшъ никому ще не посылано.

№ 21. 6 мая.

Прошу Васъ, друже Володарю, печататы: сковзькый, а не сковськый; рямя, а не рамя (бо *рямя* есть така ветха одежына, що ледве держыться на чоловику, а *рамя*—часть руки видъ плеча до ликтя); блыжнёму, а не блыжніому; багацтвомъ, а не

[1]) Михаилъ Дыметъ, львовскій торговецъ церковной утварью и церковными книгами, имѣвшій еще съ 50-хъ годовъ дѣловыя сношенія съ Россіей и привезшій въ 1860 году первые экземпляры петербургскаго изданія „Кобзаря" въ Галицію.

багатствомъ; у пс. XXXII печатайте: втечыще, а не: сховыще; у пс. XXXIII печатайте:

Ложъ кинь буде во спасенне,—бо такъ стоить у церковн. псалтыри: „Ложъ конь во спасéніе, во мнóжествѣ си́лы своея́ не спасéтся".

Печатайте: осорóмытысь, а не: осороми́тысь и не посрами́тысь. Певно, по рытму навить не можна ни переминыты акценту, ни чысла вокаливъ (якъ у слови: посрами́тысь). Огуломъ—прыдержуйтесь правопысы Св. Пысьма, колы чого не знатымете якъ поправыты. Оце жъ печатайте: узгирье, узгирья, а не узгире, узгиря; бью, а не бю; пью, а не пю; надибье, надибья, а не надибе, надибя.

Люба мини була сповистка про Шараневича. Нехай Господь помагае галыцькій интеллыгенціи прыйты до одностайносты.

Чы одержалы Вы мій лыстъ про прыскрыночокъ?

Св. Матѳея послано Вамъ 500 прымирн. 1-го мая, тилько не почтою, а фрактомъ черезъ зализныцю; то, може, й загаеться, а може треба Вамъ навидатысь?

Св. Лука ввéсь пидпысанъ: imprimatur; св. Іоанъ складуеться. У перепечатуванню Евангелыстивъ у купи зъ усимъ Новымъ Завитомъ прыйметься всяка розумна рада, колы хто іи подасть мини, чы до якои формы, чы до правопыси. Е дрибни помылкы друкарськи. Сподиваюсь, що ихъ не буде въ повному Новому Завити.

№ 22. 9 мая.

Друже Володарю,

Одержавъ я 3-й пиваркýшыкъ, и ничого не можу Вамъ сказаты про его огýдлывого: гараздъ корректуру зроблено Тилько боюсь, що Вы далы поскыдаты первый аркушъ друку, не перепечатавшы. Такъ винъ гостатысь, якъ напечатано его,

не може. Конче мусыть перепечататысь, и вси помылкы выправытысь. Найважнійши жъ оци: Первый виршъ IV пс.

Якъ до тебе обизвуся, а не: я до тебе обизвуся; а въ кинци слово: залынаю. Ще на 14 сторони, у 4 вирши VIII пс. поправте *роспросторывъ*, бо напечатано: *роспосторывъ*.

Колы роскыдалы 1-й аркушыкъ друку, нехай на ново зложать и перепечатають.

№ 23. 9 мая.

Друже Володарю!

На пысання Ваши про де яки слова видпысавъ я того жъ дня, якъ прыйшовъ до мене лыстъ Вашъ. Сегодни пиславъ до Васъ ще одынъ лыстокъ про передрукъ 1-го пиваркушыка.

Съ Нечуевою повистю сталась така прыгода. Якъ бувъ я въ Кракови и жывъ у 9 № Saskiego hotelu, то передъ выиздомъ украдено въ мене теку зъ папирамы, а мижъ нымы була и Нечуева повисть. Скильки я ни пысавъ зъ Венеціи (бо тильки тамъ огледився) и зъ Видня, що дамъ 10 гульденивъ тому, хто верне паперы, котри мають важнисть для одного мене,— нихто мини не видпысавъ ничого; а посылавъ я лысты и самому господареви hotelu, и ёго портерови, и ще одному пану. Тымъ часомъ сповистывъ я Нечуя, що рукопысь ёго згынула и просывъ іи наново перепысаты. Винъ же мини видповивъ, що перепысуваты ни зъ чого, а мусыть напысаты на ново. Недавно оце одержавъ я видъ ёго лыста, въ котрому сповищае, що повисть майже готова и що винъ самъ іи мини прывезе, якъ прыйде литомъ за границю. Се прошу прочытаты зъ мого лысту тымъ громадянамъ, котримъ сами схочете.

Спасыби за сповистку про Рейхарда. Не мое дило про те дбаты, щобъ хто що добре пысавъ про перекладъ Св. Пысьма. Оправдыться премудристь одъ усихъ чадъ своихъ.

Чы Вы одержалы мій лыстъ про прыскрыночокъ?

№ 24.

Изъ письма Александра Барвинскаго къ Володымыру изъ Бережанъ отъ 12 лат. марта 1871.

Дорогый Володку!

Пытаесся въ карти кор. останній мене, що розумію пидъ прыскрынкомъ? Въ передостаннимъ лысти пыше п. Р. (атай) до мене: „Пославъ я до п. Володаря правыла орудовання прыскрыночкомъ, що въ Васъ у рукахъ. Ввійде въ ёго ввесь коштъ Псалтыря, якый выдамъ на папиръ и другъ, а колы добре распродасцця, то й прыростъ до сего кошту. Обертатымете си гроши на народне дило, колы вси тры браты будуть про яку ричъ однієи думкы. Колы жъ думатымете про що ризно, то я соби застерегаю право декретування". Отъ стильки я просе знаю, а Ты жъ повыненъ бильше знаты, бо до тебе мавъ послаты си правыла.

№ 25. Письмо безъ даты.

Добре, печатайте 1000 прымирныкивъ, и поставте замисть *хай* усюды *най*, тилько прошу Васъ переправте, *засыпаю*, а не засыпляю [1]), якъ Вы напечаталы; бо сёго слова я прыйняты не можу.

Оце жъ переправте гарненько все, що я пысавъ про 8 первыхъ карточокъ, та й напечатайте ихъ на ново 1000 прымирныкивъ.

Теперь ось якый адресъ моеи осели въ Видни: Josephstadt, Daungasse, № 6, Thür 5, I Stock.

Уси церковни стышкы провирте по церковному Псалтырю.

№ 26. 12 мая.

Друже Володарю,

3-й пиваркушыкъ Псалтыря я одержавъ, и заразъ про ёго видпысавъ.

---

[1]) Псальма 4, на сторони 7, виршъ 14.

Прошу Васъ дывытысь, щобъ куплеты по 2 вирши не булы збыти въ 4 вирши, якъ у почыни пс. XIX. Ся псальма вся въ рукопыси подилена на двоисти куплеты, а напечатано въ почыни дви четверыци виршивъ, а дали вже йдуть куплеты по 2 вирши.

—

Зъ самого первого мого опикування интеллигенціею украинсьскою въ Галычыни думавъ я про те, якъ бы створыты фондъ на пиддержку іи діяльносты науковои. Отожъ спершу обманювалы мене и тратылы по лакейськи мои гроши Партыцькый та Вахнянынъ. Писля сёго почавъ я оддаваты гроши на рукы Мых. Подолынському. Сей показавъ себе ще гиршымъ лакеемъ, нижъ ти львивськи: бо рострatывъ бильшъ 500 гульденивъ моихъ грошей, а якъ побачывъ, що вже бильшъ не вкраде, то прыставъ до тыхъ людей, про котрыхъ самъ до мене пысавъ, що въ ныхъ „нема ничого святого", и въ купи зъ нымы завивъ усяки проты мене интрыгы. Така деморалызація Галичанъ велила бъ кожному вмыты рукы и покынуты ихъ на викы. Тилько жъ знаючы, якъ ихъ деморализовано зъ давнихъ давенъ, я ще не втратывъ виры, що мижъ нымы е люде честни, и не поличывъ ихъ до людей безъ будущыны.

Прыскры́ночокъ, що звирывъ я Вашому братови Александру, нехай буде новою основыною фонду на пиддержку украинськои интеллигенціи. До его я хочу прыличыты ввесь заробитокъ, якый буде писля распродажы чотырохъ Евангелыстивъ и Псалтыря, се есть: що коштъ мій вертаеться до мене, а що набереться зверхъ того грошей, зистанеться въ прыскрыночку, и я вважатыму сю сумму не яко мою власнисть, а яко заробитокъ тыхъ Галычанъ, котри старатымуться роспродаваты означени кныжкы. Тымъ прошу Васъ заохочуваты товарышивъ своихъ до сёго дила имямъ ридного Вашого краю, котрого будущына въ рукахъ ёго украинсько-руськои молодижы.

Провызорычни правыла Прыскрыночка будуть таки:

1. Прыскрыночку буты въ рукахъ у Александра Барвинського.

2. Осыпъ и Владымыръ Барвиньски будуть у купи зъ нымъ первымы доглядныкамы.

3. Колы вси трое доглядныкивъ одностайно схочуть обернуты на що часть грошей, або и вси, то робытымуть се не пытаючысь у мене. Колы жъ голосы ихъ подилятцця, то мій голосъ дасть перевагу тымъ або тому, до кого прыстану.

4. Покы замисть сыхъ провызорычныхъ правылъ не постануть спильною нашою радою инши, нихто четвертый до догляду почыночка прыйнятый не буде. Проектъ же иншыхъ правылъ оддаю братамъ Барвинськымъ выробыты и мини до перегляду и ствердження податы.

Думка Ваша про вправу Вашыхъ товарышивъ у ридне слово дуже добра!

Пысавъ я у погыбшому лысти [1]) про прыскрыночокъ, що ни въ якій нужди не прыйнявъ бы одъ Васъ платы за перепечатку первого аркуша.

Разомъ зъ кныжкамы послано другу паку (500 Матөея и 500 Марка) для Дымета пидъ одніею авызою. Чы одержалы Вы и чы передалы Дыметови? Про таки речи мусыте сповищаты докладно.

Правопыси держиться такои, якъ у Св. Пысьми, докы спильнёю радою не постановымо де якыхъ новыхъ переминъ.

Посылаю сей лыстъ не франкувавшы, рады бильшои певносты, и прошу заразъ видпысаты, що одержалы ёго.

№ 27. 14 мая.

Отрывокъ изъ письма Александра Барвинскаго къ Володимиру изъ Бережанъ отъ 12 мая.

Нынп диставъ я (отъ Кулиша) лыстъ велыкои вагы, котрый возьмы добре пидъ розвагу, а тому я подаю тоби ёго въ копіи.

---

1) Сей лыстъ одынъ тилько бувъ запечатаный; черезъ те, мабуть, его и перехоплено. Озвиться въ почтамтъ. У насъ жалобы за пропащи нерекомендовани лысты мають вплывъ на службу почтову.

„Пысавъ до мене п. Володаръ, що львивська громада хоче выдаваты якыйся альманахъ, и просывъ у мене для его Нечуевои повисти. Сю повисть украдено въ мене въ Кракови, зъ вельмы для мене дорогымы, хочъ ни для кого бильшъ незначными папирамы; про що я шыроко и видпысавъ ёму. Теперъ прошу Васъ—впыныйте Вы сю необачну молодижъ выявлення своеи недорослосты пидъ прапорамы украинщыны. Воны не знають, що нымы правлять Виденьськи шарлатаны, котри, прошпетывшысь проты мене, моимы жъ рукамы хочуть загребаты жаръ. Колы бъ я бачывъ у сёму ладъ, то не дывлячысь ни на кого помигъ бы чымъ можна розумному дилу. Теперъ же, опричъ шкоды идеи и повази нашій ничого не бачу въ охоти галыцькои молодижы *печататысь*. Про се я не пысавъ до п. Володаря".

Вторая часть этого письма говоритъ о томъ, „якъ проты мене прошпетылысь Виденьськи агытаторы", и мы пропускаемъ ее.

№ 28. 14 мая.

У пс. XXV, виршъ 3, черезъ поправку втерявъ стыхотворну миру. У мене се бувъ шестыстопный ямбъ:

Не дай | мини | въ моій | наді | и по | срамы | тись, а теперь винъ зробывсь прозою, бо не можна его скандыруваты такъ:

Не дай | мини | въ моій | наді | и о | соро | мытысь; (бо тутъ *цезура* вже пропала), а хочъ бы й можна, то *семыстопного* ямба на свити не мае, а й надто—мижъ шестыстопнымъ. Оце жъ прошу Васъ, друже Володарю, ничого въ моихъ виршахъ не поправляты, и нехай Buchbinder прылипыть іи у всихъ 1000 прымирныкахъ.

№ 29. 19 мая.

Прыдержуйтесь, друже Володарю, правопыси Св. Пысьма, не вважаючы на те, що вже перше попечаталы инше: воно

поличыться за недоглядъ. Наша словеснисть молода, то переправкы не такъ то кынуться въ вичи, а мусымо йты до едносты, не вважаючы на попередни печатання. Я и въ Св. Пысьми дещо покыдавъ ззаду недодумане, або недогледжене, та й печатаю такъ, якъ буду на дальше держатысь. У повному жъ Новому Завити печататыму не *іого*, а ёго, якожъ бо галычанамъ не подобаеться *іого.*

Колы напечатаете *одъ* и всюды такъ, якъ у рукопыси, то не велыка шкода. Правыло жъ таке: *я видъ тебе*; *винъ одъ тебе*; *я одвивъ* (бо тутъ прыходыть друге *в*), а не *я видвивъ.* Печатайте конче: *бью, пью, узгирье*, а не: бю, пю, узгире. Печатайте nominativus весилле, а не весилля etc.

Де Іордань *мижъ гиръ*,

а не: Де Іордань *зъ мижъ гиръ*, бо въ насъ такъ говорять: стоить мижъ гиръ, сяе мижъ гиръ, хочъ можна сказаты и мижъ горамы. У сёму вирши *зъ мижъ гиръ* було бъ дрибненько, наче тильки вызырае; а я хочу сказаты, що Іордань далеко и шыроко сяе мижъ гиръ. Св. Марко и Лука прышлеться.

У прыскрыночокъ збирайте не 6, а 5 прымирныкъ gratis. Про се сповистить, колы пысатымете, и Вашого брата Александра. 12-го іюня выйду зъ Видня черезъ Львивъ до дому. Сёго не кажить никому. Ви Львови тилькы переночую и побачусь зъ Вамы. Напышить мини, въ якій гостынныци лучче мини буде, и навидайтесь туды вырахувавшы колы прыходыть потягъ выйшовшы зъ Видня 12 іюня ввечери; а ще лучче, колы бъ Вы зробылы мини ласку—зустрилы мене на бангофи. Оце жъ наготовте мини одынъ прымирныкъ выпечатаныхъ аркушивъ Псалтыря на кращому папери, щобъ я взявъ зъ собою. Дома пробуду до октября, а на зыму прыиду въ Видень.

№ 30. Письмо Володимира Барвинскаго къ Кулишу.

Львивъ 21 мая.

Высокоповажный пане добродію!

Вчера опизнылась трохы прасса и для того не мигъ видбыватысь 5-ый пиварк. Для того выславъ тилькы макулятуру

сёго пиваркуша. Въ понедилокъ наступыть печатанне 5-го и 6-го пиваркуша разомъ. Заразъ писля напечатання вышлю. Усе справлено, якъ прыказалы Вы, Добродію: зибье etc.

Щыро прыхыльный слуга Володымыръ.

№ 31. 21 мая.

Спасыби Вамъ, друже Володарю, за розумни и вельмы вжыточни поправкы п. Билынського. Перепечатуючи евангелыстивъ у повному Новому Завити, я ными покорыстуюсь.—Пропускъ у ст. 6 гол. Ш зробывъ друкарь, перероблюючы карточкы; а другый пропускъ, X, 12, доданый проты грецького орыгыналу у церковнёму и въ латынському; у грецькому нема.

—

Прыскрыночокъ, до якогось часу, буде власнистю трохъ бративъ Барвинськихъ, а не громадською, тилькы воны зобовязани будуть держать гроши въ Sparkasse и запысуваты въ кныгу, куды и на шо скилькы вытратылы. Четвертый нихто не мае *права* въ неи зазыраты. Описля, якъ грошей назбираеться бильшъ, можна буде зробыты иншу уставу, дывлячысь по людяхъ и стану ричей у Галычыни. Спецыфычну циль я передавъ у рукы трёхъ доглядныкивъ и дочасныхъ господаривъ прыскрыночка. Що воны схочуть одностайно, те й робытымуть ни передъ кымъ не даючы перелику. Оце жъ раю Вамъ такъ сымы грошыма орудоваты (и такъ ихъ збираты въ прыскрыночокъ), щобъ никто не мавъ поводу дорекаты Вамъ, що се гришъ громадськый. Есть винъ мій, а зибранный буде зъ Вашымъ стараннемъ; чрезъ се я оддаю его у повну Вашу волю, не яко членамъ громады, а яко братамъ Барвинськымъ. Уси мои правыла можете втрёхъ, колы схочете, зредагуваты по своёму, а я, прочытавшы, може й скажу, що добре, нехай буде по Вашому, а не по моему.

Вирша того такъ не можна чытаты. Перепечатайте карточку. И апострофъ тутъ ничого не поможе. *Посрамытысь* слово церковне—воно Псалтыря не зопсуе; а поправкою виршъ зруйновано на викы.

Прошу Васъ купыты въ Рейхарда новый Завитъ грецькый за гульдена, (ей дешевши; та нехай буде за гульдена, не менше, а колы трохы й бильшъ, то можна заплатыты), та й подаруйте видъ мене п. Билынському.

№ 32. 24 мая.

Друже Володарю!

Перепечатайте, рады Бога, карточку 77—78, де напечатано:

Ангелъ Божый збройно
Кругомъ тыхыхъ *бродыть*,

а треба: ходыть.

№ 33. 27 мая.

Отъ якъ зробить, друже Володарю. Колы не перепечаталы ще двохъ карточокъ, про котри я пысавъ, то прыпечатайте помылкы на первому лысточку писля заголовного лыстка, такъ якъ оце напысано въ мене на другій за сіею карточци. N. B. Шмуцтытула не буде, а буде тилькы одна карточка зъ заглавіемъ:

Псалтырь
або
Кныга хвалы Божои.
Переспивъ украиньскый
Павла Ратая.
Львивъ.
Коштомъ и доглядомъ братывъ Барвиньскыхъ.
1871.

N. B. Нигде не треба ставыты кропокъ на заглавыи.

На другій же за сіею карточци напечатайте сыце:

Одъ выдавця.

Друкуючы сей Псалтырь, чулы мы, що де хто въ розмовахъ звавъ іого Святымъ Пысьмомъ.

Щобъ не думалы, що ся кныжка прызначена ввійты въ Святе Пысьмо, котре друкуется въ Видни, сповищаемо, що тамъ свого часу надрукуеться перекладъ Псалтыря прозою.

—

Просымо чытателивъ напередъ поправыты де яки недогляды корректора. Треба було бъ ось якъ напечататы:

на бочку 21, виршъ 16: заплутае ногы;
на бочку 27, виршъ 8: нѣсть Богъ;
на бочку 31, виршъ 20: стежку праведну на свити;
на бочку 37, виршъ 3: мовъ наметомъ воздуховымъ;
на бочку 56, виршъ 8: не дай мини въ моій надіи посрамытысь;
на бочку 60, виршъ 18: вбачаты красоту Господню;
на бочку 77, виршъ 24: кругомъ тыхыхъ ходыть;
на бочку 84, виршъ 4: буде мырови являты;
на бочку 106, виршъ 17: не звернуло наше серце;
на бочку 111, виршъ 4: святу оселю звеселяють; и т. д. и т. д.

5-й пиваркушыкъ одержавъ я два разы, и пысавъ про его вже до Васъ. Наготовте мини не одынъ, а два прымирныкы тыхъ аркушивъ, котри до мого прыизду надрукуються—на кращому папери.

Прыихавъ сюды Федоровычъ и сповистывъ мене про *вельмы важну* новыну для будущыны Галыцькои Руси. Роскажу, якъ побачымось.

№ 34. Отрывокъ изъ письма Кулиша.

Народна скрыня повынна выстачаты гроши:
1. на запомогу дотепныхъ руськыхъ людей,
2. на пидпырання руськыхъ учылыщъ,
3. на руськый театръ,
4. на руську церковну проповидь,
5. на руську прессу.

Этотъ отрывокъ сохранился въ копіи, сдѣланной карандашемъ рукою Володимира Барвинскаго, и представляетъ дальнѣйшее развитіе идеи „прыскрыночка“.

№ 35. 1 іюня.

8-го пиваркушыка я не одержавъ. Зробить ласку, пошлить у друге.

У 9-му пиваркушыку, на бочку 136, пропущено слово. Отже впишить у друкарськи помылкы ще й се:

На бочку 136, виршъ 6: россыпавъ насъ гнивомъ велыкымъ.

Хочъ и напечатаете си помылкы такъ, якъ я до Васъ ихъ пиславъ, а все такы первый пиваркушыкъ перепечатайте.

№ 36. 5 червця.

Друже Володарю,

Я й перше пысавъ до Васъ, що слова: коштомъ бративъ Барвинськыхъ, можна и не печататы, колы зъ якои бъ ни було прычыны воны не годытымуться. Отъ же не печатайте бильшъ ничого, якъ:

Львивъ 1871.

Поиду не на Тернопиль, а на Варшаву до дому. Отъ же шкода Вашого поспиху зъ Псалтыремъ. На Вкраину мини Псалтыра не посылайте.

Сповистить, скилькы Вамъ выслать грошей на росплату зъ Будвайсомъ. Колы жъ бы лыстъ Вашъ опизнывсь, то п. Пулюй матыме мои гроши и вышле Вамъ. Шкода, що не коло кожного слова поставылы выпыску: бо не одно значення мають инши слова.

Жалкую дуже, що не выпало мини ихаты черезъ Львивъ у Тернопиль. Прошу сповистыты про се п. Іосыфа, щобъ винъ мене не ждавъ.

Ще разъ прошу напечататы на первій карточци передъ первою псальмою ти помылкы, котри я поспысувавъ, и первый пиваркушыкъ перепечататы. Оправляты Псалтыря не треба, а тилькы зброшюроваты. Обгорточку зробыты такого колеру, якъ на св. Пысьми.

Нехай же Вамъ Богъ помогае! Бувайте здорови.

P. S. На Ваше имя durch Güte P. Kulisch прыйде може зъ Берлына лыстъ. Колы можна, надпышить на ему мій адресъ украинськый, нехай туды перешле почта. Колы жъ сего не можна, то роспечатавшы перещлить мини у новій коверти, адресуючы такъ: Russland, per Brody. Черниговской губерніи въ г. Борзну, Пантелеймону Александровичу Кулишу. Колы бъ Вамъ що треба було до мене пысаты, то пидъ сіею адресою пышить усе про кныжкы св. Пысьма, про Псалтырь и т. инше, тилькы политыкы не займайте.

№ 37. Пысьмо Володимира Барвинскаго къ Кулишу.

Львивъ 9-го чер.

Высокоповажный Пане Добродію!

Велыкый жаль, що не доведеться мини теперъ побачыты Васъ, Добродію нашъ,—такъ дасть Богъ, може иншымъ часомъ диждемось дорогого гостя. Прыймитьже-жъ, Добродію, мое и моихъ братівъ щыре: Щасть Боже! на дорогу, а заразомъ и щыре запевненне нашои прыхыльности для Вашои особы. Жаль, що оставляете насъ,—але бодай та потишаюча надія, що не на довго.

Пысатыму тилькы въ дуже важныхъ прыпадкахъ, не тыкаючы ни тини политыкы etc.! Чы не добре було бъ, щобъ пысаты тоди до Васъ по нимецькій.

Остаточного обрахунку зъ Будвайсеромъ ще не вчынывъ я,—такъ якъ не можна певно ще знаты, скилькы буде аркушивъ. Теперъ вже напечатано 14 пиваркушивъ, одже 7 аркушивъ, а сподіюсь ще 4—5. Видтягнувшы прысланыхъ 89 р.

25 кр., треба бъ мини ще до оплачення друку до 170 р. За брошурования и окладкы напышу вже до п. Пулюя, якъ дило буде звершене.

Выдруковани пиваркуши посылаю ныни.

Чы напечататы словце видъ выдавця на кинци, чы заразъ за тытуломъ?

Першый пиваркушъ перепечатаеться, якъ укинчене буде печатання всихъ аркушивъ.

За прыслани выясненя сливъ велыке спасыби Вамъ, Добродію, а решта сливъ не посылаю зъ фразамы выпысаныхъ тому, що вже роспочавсь словарець друкуваты, и годи буде додаваты що небудь.

Бувайте жъ намъ здорови, Добродію мылый, идьте щаслыви, весели та здорови на Вкраину, та до насъ хутко завытайте. За наши провыны простить намъ,—простить, колы чымъ Васъ прогнивылы.

Ще разъ прощайте, й живить намъ на славу довги лита.

Вашъ щырый прыхыльныкъ и слуга Володимиръ.

№ 38. *Соборное посланіе Кулиша Галичанамъ* [1]).

Ваша заслуга въ тому, що Вы не зробылысь ни Полякамы, ни Нимцями, да въ тому, що у васъ въ немужычыхъ ворятъ по-своему, да въ тому ще, що вы переховалы видъ старосвищыны слова и выразы у насъ забути. Духа поезіи въ васъ выбыто, выдушено въ васъ его семынарщыною та польщызною, зисталось у васъ тилькы чуття поезіи, и тымъ вы такъ кохаетесь у Шевченку. Мавшы стилькы въ соби добра, вы намъ здаетесь риднымы братами, попсованымы въ одризне-

---

[1]) Этотъ преинтересный документъ, относящійся вѣроятно къ половинѣ 1871 года, сохранился въ копіи, сдѣланной рукою В. Барвинского, карандашемъ, кажется безъ начала и конца, такъ что мы не знаемъ, къ кому онъ былъ адресованъ и съ какой стати писанъ. Я догадываюсь, что ближайшимъ побужденіемъ къ его написанію былъ проектъ Вол. Барвинскаго изданія при соучастіи Кулиша литературнаго альманаха, о которомъ см. № 27.

ному одъ насъ жытти. Мы простягаемо до васъ рукы, щобъ васъ прыгриты коло свого серця и вдыхнуты въ васъ жывого, нескаличеного духа украинського; а вы тымъ часомъ, сыдившы такъ довго въ тисноти, думаете, що ваша клитка мусыть буты и для насъ взоровзоромъ.

Ваше цвиринькання не вважаемо мы за поезію и видносымъ его до тыхъ стыхотворныхъ думокъ, яки пысалысь у насъ за Сковороды, зъ окрасокъ Шевченкивщыны.

Се вы Галычане тилькы пробуете прыборканыхъ крылець, пидлитаючы слидомъ за поетычнимъ словомъ украинськымъ. Пробуйте, вымахуйте крыла, мы васъ ще й похвалятымемъ въ особи такого недотвореного таланту якъ Федьковычъ; де яки ваши мотывы и куплеты любо намъ у збирнычокъ зибраты, тилькы школою вашою мусыть буты школа украинська, обперта не на Шевченкови, якъ у васъ здаецця, а на этнографіи, що уже й пысля Шевченка дала пахущый цвитъ свій Маркомъ—Вовчкомъ и Нечуемъ. Самъ Шевченко поты йшовъ у гору, покы его не одирвано видъ этнографычнёго джерела слова и чутыва. Нашъ Гомеръ не Шевченко, а народъ: вси мы въ купи зъ Шевченкомъ ласуемось тилькы останкамы видъ его велыкого пырування. Поставшы зъ народу и во имя народу, появылы мы, покы що, невелычку, а про те суцильню, самостійну лытературу и для самои іи поваги не мусымо прыйматы того, що вы вдержуете видъ старовыны (этымологыи), або що вы прымудровуете середнего мижъ этимологыею и фонетыкою. Колыжъ вы стоите за свои особыны, то симъ выявляете узкисть своеи тенденціи. Мы хочемо, щобъ насъ чытала не одна Украина, а Галычына, чого й доказуемо не однымъ Шевченкомъ, а вы бажаете пысаты для своеи Галычыны. Нашъ народъ, яко ныва непысьменного слова—видъ Есмани по Карпаты. Чытаты насъ у Галычыни будуть и мусять, хочъ бы мы не прыйнялы ничогисинько зъ вашого смаку; а васъ тилькы тоди чытатымуть на Вкраини, колы вы прыймете смакъ украинськый, пиднявшысь выще Головащыны, Дидыщыны и всіеи новои Галычанщыны.

Вамъ Галычанамъ дороги ваши лытературни традыціи тымъ, що вы не зрозумилы ще народу, якъ прыгниченои давною интеллигенціею истоты. Шануючы ти традыціи, вы шануете те панство, що назвало народомъ себе, окроме видъ велыкои массы, такъ само якъ Ляхы створылы зъ себе naród szlachecki. Ваши попы лютують, що имення: Мусій, Оврам etc. перероблени въ Быбліи. Се мосце панство, що всяко хоче видособытысь видъ мужыка. У насъ интеллигенція давно вже перестала гордуваты народнимы назвамы святыхъ и хрещеныхъ. Вы несете задню и впынаетесь такъ, якъ шляхта впыналась проты козацтва. Челядськый духъ потруивъ ваши думкы и чуття, той духъ, що й на Вкраини створывъ помосковлене панство. Проты сего духа встала наша словеснисть, и куды-бъ мы іи ни перенеслы, всюды вона, у велыкій и малій речи, его воюватыме. Хочъ бы нашои Библіи не куплено въ Галычыни и десяты прымирныкивъ, то намъ байдуже: вона свое дило зробыть па тому грунти, що не зарисъ ляцькою зиноваттю; а зъ тыхъ простыхъ, безкныжныхъ пересудивъ людей выростуть диты и цвистымуть чыстымъ розумомъ и серцемъ на могылахъ Ильныцькыхъ, Огоновськыхъ e tutti quanti. Ого жъ и будуть люде, про которыхъ напысано: оправляецця премудристь отъ чадъ своихъ; а ваши розумныкы —чада схолястычнеи шляхетчыны, а не премудросты того народу, що сказавъ велыке слово: у городъ—по гроши, а въ село—по розумъ.

Ваша словеснисть буде наслиддямъ самои библіографіи поты, покы Галычына не зиллецця духомъ своимъ зъ Украиною въ едыне тило.

ПАНЪ ПРЕЗЕСЪ.

(Изъ воспоминаній подольскаго шляхтича *).

Въ концѣ прошлаго вѣка жилъ въ Летичевскомъ повѣтѣ, въ своемъ наслѣдственномъ помѣстьѣ с. Шелеховѣ, панъ Викентій Кавецкій, отставной офицеръ польской кавалеріи. Нрава онъ былъ очень буйнаго, умѣлъ хорошо выпить и всегда былъ не прочь затѣять драку. На сеймикахъ, когда шляхта бурлила и каждая партія вербовала сторонниковъ, въ немъ всѣ заискивали, потому что разъ панъ Викентій становился на сторону извѣстной партіи, то уже ничего не щадилъ для ея торжества: угощалъ сторонниковъ, обрѣзывалъ носы и уши противникамъ, отважно подставлялъ лобъ на поединкахъ. Не заботился онъ ни о семьѣ, ни о хозяйствѣ, постоянно разъѣзжалъ по сосѣдямъ, гулялъ и предавался развлеченіямъ. Семейная жизнь съ такимъ мужемъ была бы не подъ силу и болѣе энергичной женщинѣ, чѣмъ была жена Кавецкаго—существо слабое и запуганное; она умерла въ молодыхъ годахъ и оставила малолѣтняго сына. Со смертью матери ребенокъ остался круглымъ сиротой, такъ какъ отецъ забылъ и думать о немъ. До десяти лѣтъ мальчикъ бѣ-

---

*) Настоящій очеркъ представляетъ не болѣе, какъ пересказъ доставленной въ редакцію польской рукописи, озаглавленной: Opowiadanie o prezesie Kawieckim, spisane ze słow mego ojca P... R.....iego przezemnie M... R...iego, 30 stycznia, 1882 roku.

галъ съ крестьянскими дѣтьми, вмѣстѣ съ ними пасъ гусей и свиней и не слыхалъ ни о какой наукѣ. Потомъ стали посылать его къ ксендзу, но ученье шло такъ туго, что едва лишь къ двадцатилѣтнему возрасту молодой Кавецкій научился подписывать свое имя, и то не сполна, а лишь начальныя три литеры. Дальше этого искусства онъ не пошелъ за всю свою жизнь и всегда крайне тяготился необходимостью подписать свое имя. Бывало, экономъ напишетъ отъ его имени письмо и принесетъ для подписи. Кавецкій старательно обмакивалъ перо, долго его разсматривалъ, смахивалъ излишекъ, чтобы, сохрани Богъ, „жида не посадить", потомъ клалъ бумагу прямо передъ собой, передвигалъ ее направо, налѣво, отодвигался, десять разъ примѣривался, пока наконецъ, улучивъ счастливую минуту, чертилъ три крупныя литеры съ уродливымъ хвостомъ, вмѣсто росчерка. Совершивъ двѣ-три подписи подъ рядъ, Кавецкій откидывался въ креслѣ, вытиралъ вспотѣвшій лобъ и тяжело переводилъ духъ. О книгахъ онъ всегда отзывался, что „одинъ дурень написалъ, а другой читаетъ", и потому и самъ не читалъ, и не любилъ слушать, когда другіе при немъ читали.

Едва молодому Кавецкому исполнилось двадцать лѣтъ, какъ умеръ старый панъ Викентій, и онъ унаслѣдовалъ родовое имѣніе Шелеховъ; но оно досталось ему въ крайне печальномъ состояніи: деревенька выглядѣла совсѣмъ ободранной, крестьяне числились въ бѣгахъ—ихъ разогналъ панъ Викентій, а хаты роздалъ евреямъ изъ Бара за боченки вина; земли и угодья находились въ заставномъ владѣніи у кредиторовъ. Молодой помѣщикъ не палъ духомъ, а задался мыслью—во что бы то ни стало вернуть сполна отцовское достояніе. Онъ началъ съ того, что затѣялъ упорную, систематическую борьбу съ отцовскими кредиторами и сталъ отымать у нихъ заставные участки. На первыхъ порахъ трудно было ему, почти нищему, лишенному всякаго, а тѣмъ болѣе юридическаго образованія, вести эту борьбу; но онъ обладалъ природнымъ умомъ и сообразительностью, а отцовское упрямство и забіячество переродились въ немъ въ энергію, настойчивость и смѣлость. Вмѣстѣ съ стрем-

леніемъ къ матеріальной обезпеченности, его воодушевляло честолюбивое желаніе—поднять свой родъ изъ упадка и вернуть ему прежній блескъ и значеніе. Не смотря на то, что окружная шляхта неохотно признавала въ немъ—захудаломъ, необразованномъ, почти совсѣмъ омужичившемся шляхтичѣ—своего собрата, самъ Кавецкій былъ очень высокаго понятія о своемъ происхожденіи, кичился имъ и свысока смотрѣлъ на менѣе урожденныхъ, хотя и болѣе его обезпеченныхъ сосѣдей. Эта идея болѣе всего воодушевляла его въ той, казалось бы, непосильной борьбѣ, какую онъ отважно затѣялъ въ цѣляхъ возвращенія отцовскаго достоянія. Пользуясь малѣйшимъ нарушеніемъ какихъ-либо законныхъ формальностей со стороны заимодавцевъ отца, онъ затѣвалъ съ ними судебные процессы, добивался того, что тотъ или другой заставной участокъ переходилъ въ конкурсное управленіе, самъ втирался въ его составъ, употреблялъ всѣ мѣры, чтобы отдалить рѣшеніе дѣла, а тѣмъ временемъ старательно велъ хозяйство, самъ ходилъ за плугомъ (чѣмъ впослѣдствіи очень любилъ хвалиться), отказывалъ себѣ въ необходимомъ, собиралъ и копилъ грошъ къ грошу, и постепенно входя въ матеріальную силу, съ одними кредиторами расплачивался, съ другими выигрывалъ процессы, и такимъ образомъ въ теченіе десяти—двѣнадцати лѣтъ очистилъ отъ долговъ все состояніе. Эта настойчивость и сила характера снискали Кавецкому такое расположеніе со стороны мѣстныхъ дворянъ, что со временемъ его избрали въ должность подсудка, а потомъ—судьи летичевскаго повѣтоваго суда; это обстоятельство болѣе всего способствовало благополучному окончанію многочисленныхъ его процессовъ съ отцовскими кредиторами.

Казалось бы, какой могъ выйти судья изъ полуграмотнаго человѣка! А между тѣмъ „панъ презесъ“ (такъ съ тѣхъ поръ всѣ величали Кавецкаго) оказался вполнѣ годнымъ для этой должности и не только не былъ никогда игрушкой въ рукахъ секретарей, а напротивъ—изводилъ ихъ, заставляя отгадывать и законнымъ порядкомъ формулировать его соломоновскіе вердикты. Забавно было видѣть его мощную фигуру, когда онъ предсѣда-

тельствовалъ въ судѣ, при разборѣ дѣлъ. Адвокатъ той или другой стороны соловьемъ разливается, излагая доводы и цитируя статутовые артикулы; а „панъ презесъ", развалившись въ креслѣ и зажмуривъ глаза, барабанитъ пальцами по лбу, что-то бормочетъ или подъ носъ напѣваетъ: „бумъ, бумъ, бумъ", и вдругъ, вникнувъ совершенно въ дѣло и прійдя къ опредѣленному рѣшенію, важно изрекаетъ: „Досыть!" (довольно).

— Але, пане судья, заявляетъ адвокатъ: я не все еще сказалъ.

— Говорю: досыть! трубнымъ гласомъ возглашаетъ презесъ.—Я уже знаю все; зачѣмъ мнѣ еще слушать!—И снова жмуритъ глаза, барабанитъ пальцами, затѣмъ срывается съ мѣста и говоритъ секретарю: „Мое рѣшеніе такое-то. Напиши декретъ, да хорошо, коротко, узловато: ты знаешь, я пустословія не терплю. А какъ напишешь, прочтешь мнѣ".

Секретарь долго скребетъ въ головѣ, наконецъ приноситъ написанное и читаетъ.

— Худо, не годится,—прерываетъ Кавецкій: зачеркни это.

— Какъ же написать? робко спрашиваетъ секретарь.

— Такъ, чтобъ было хорошо.

Бѣдный секретарь до тѣхъ поръ передѣлываетъ текстъ рѣшенія, пока не угодитъ наконецъ своенравному судьѣ. Тотъ возглашаетъ тогда: „Ото добре!" и съ обычными усиліями ставитъ свою подпись.

Раздѣлавшись съ кредиторами и вернувъ сполна родовое имѣніе, Кавецкій завелъ отличное хозяйство, быстро увеличилъ доходы, и такъ какъ онъ былъ очень бережливъ, то у него скоро завелись изрядные капиталы. Но его нельзя было втянуть ни въ какія спекуляціи, какъ равно не любилъ онъ давать взаймы на проценты.

Когда ему предлагали формальный вексель въ обезпеченіе займа, онъ обыкновенно отвѣчалъ: „вѣрно ты не намѣренъ отдать долгъ, если предлагаешь формальный вексель", и отказывалъ просителю. Но держать у себя въ домѣ деньги онъ также не любилъ, а отдавалъ ихъ пріятелямъ, которымъ вполнѣ

довѣрялъ, или взаймы безъ процентовъ, или просто „въ депозитъ“, но безъ всякаго векселя. Такъ, напримѣръ, бывало проситъ онъ Бернатовича Людвика: „возьми у меня, пане маршалку, немного денегъ, боюсь ихъ держать у себя, чтобъ жиды не украли“.

— Мнѣ деньги не нужны, отвѣчаетъ Бернатовичъ.

— Да ты не взаймы, а такъ, въ депозитъ возьми.

— Что же я съ ними буду дѣлать? Пустить въ оборотъ не могу, потому что панъ можетъ потребовать ихъ во всякое время.

— Нѣтъ, я за три мѣсяца предупрежу пана, когда мнѣ деньги понадобятся.

— Пусть будетъ такъ, соглашается Бернатовичъ. Вотъ я напишу вексель.

— Боже сохрани! вскрикиваетъ Кавецкій. Не хочу я векселя. Пусть панъ напишетъ мнѣ такъ, на листочкѣ.

— Ну, хорошо; я выдамъ пану сохранную росписку.

Бернатовичъ садится и пишетъ, читая въ слухъ текстъ росписки: „Шановный панъ презесъ“!...

— Зачѣмъ тамъ „шановный“? прерываетъ Кавецкій.—Я пана шаную, а панъ меня; зачѣмъ же писать объ этомъ? Лучше такъ написать: „взятыя деньги отдамъ по первому требованію“— и больше ничего.

Панъ „презесъ“ любилъ общество, охотно принималъ гостей и нерѣдко устраивалъ балы, для чего держалъ повара, хотя самъ любилъ самыя простыя блюда и всему на свѣтѣ предпочиталъ жидкую кашу и печеныя яблоки, безъ которыхъ не садился за столъ. Зимними вечерами, когда не было гостей, Кавецкій посылаетъ бывало Леся или Миколку на село и велитъ позвать какую-нибудь бабу. Баба немедленно является.

— Разсказывай мнѣ сказки! приказываетъ панъ презесъ.— Получишь злотый, если будутъ хороши.

— Колы-жъ, прошу пана, не вмію я казокъ говорыты! извиняется баба.

— А, дурна! нащо жъ ты прыйшла? Може знаешъ яку иншу бабу, що казокъ уміе?

— А знаю, прошу пана: Стеха дуже уміе.

— Бижы жъ на йидный нози, хутенько поклычъ мени Стеху.

Баба исчезаетъ, и черезъ минуту является Стеха, разсказываетъ сказки до поздней поры, получаетъ обѣщанный злотый и уходитъ.

Часто у презеса бывали гости, но по большей части одни мужчины, такъ какъ хозяинъ былъ холостъ. Но однажды онъ задумалъ дать большой балъ, чтобы удивить околицу, и пригласилъ всѣхъ окружныхъ сосѣдей съ женами и дочерьми. Соображая затѣмъ, кто именно у него будетъ, панъ презесъ пришелъ къ заключенію, что на балъ явится очень много молодыхъ дамъ и дѣвицъ и слишкомъ мало кавалеровъ, годныхъ для танцевъ. Это смутило хозяина, и онъ поѣхалъ къ своему пріятелю Бернатовичу просить совѣта, что ему дѣлать.

— Постой! успокоилъ его панъ маршалъ: я тебя научу, гдѣ достать танцоровъ. Въ Летичевѣ, въ дворянскомъ собраніи, я видѣлъ сыновей какого-то чиновника, асессора или секретаря: хлопцы довольно приличные и хорошо танцовали. Вотъ бы ты ихъ залучилъ!

Обрадованный презесъ ѣдетъ на другой день въ Летичевъ, призываетъ своего секретаря Сѣмашка и говоритъ ему: „Есть тутъ какіе-то сыновья асессора или секретаря, дяблы ихъ знаютъ, какъ они прозываются, но ты ихъ разыщи. Видишь-ли, я даю балъ, мнѣ нужны танцоры, такъ ты привези, кого тамъ знаешь; но чтобы они только танцовали, а не смѣли бы ухаживать за дамами и даже вступать съ ними въ разговоръ, потому что я этого не люблю. Я дамъ сколько нужно денегъ на галстухи, перчатки и сапоги, чтобъ та голота имѣла приличный видъ; но внуши имъ, что они приглашаются исключительно для танцевъ, а до дамъ имъ чуръ!“

Накупивъ въ городѣ цѣлую массу конфектъ и другихъ сладостей, Кавецкій самолично разсортировалъ ихъ и уло-

жилъ въ самодѣльныя бомбоньерки. Наканунѣ бала въ домѣ и во дворѣ шли дѣятельныя къ нему приготовленія; доставленъ былъ цѣлый транспортъ занятой у сосѣдей фарфоровой и хрустальной посуды и серебра; въ кухнѣ поваръ съ поваренками дѣлалъ торты и другія печенія; самъ хозяинъ былъ занятъ въ погребѣ разливкой и заготовленіемъ напитковъ. Такъ какъ домъ презеса былъ довольно тѣсенъ и далеко не могъ вмѣстить всѣхъ гостей, то рѣшено было очистить просторную клуню и обратить ее въ салонъ. Но чѣмъ его меблировать? Недолго думая, панъ презесъ приказалъ принести сюда изъ корчмы и изъ крестьянскихъ хатъ побольше „лавъ" и „ослоновъ", разставить ихъ вдоль стѣнъ, покрыть коврами,—и вышелъ салонъ хоть куда! Надо было подумать также объ освѣщеніи: свѣчей было заготовлено вдоволь, но не доставало подсвѣчниковъ. Хитроумный презесъ и тутъ нашелся: въ комнатахъ, предназначенныхъ для мужчинъ, онъ приказалъ повтыкать свѣчи въ пустыя бутылки, а подсвѣчники употребить для салоновъ и дамскихъ комнатъ, потому что дамы своими тюлями да оборками какъ разъ опрокинутъ бутылки и еще пожару надѣлаютъ, а тяжелые подсвѣчники опрокинуть труднѣе.

Когда на другой день стали съѣзжаться гости, ихъ оказалось такое множество, что и хозяинъ смутился. Поминутно входятъ старые и молодые, большіе и малые, разряженныя франтихи и шляхта въ старомодныхъ нарядахъ, разсаживаются по лавкамъ, тѣснятся все больше—а мѣстъ все-таки не хватаетъ. Видитъ хозяинъ—дѣло не ладно. Подзываетъ онъ своего покоёваго Леся и что-то приказываетъ ему на ухо. Лесь исчезаетъ, но черезъ короткое время снова появляется, а за нимъ цѣлая толпа хлопцевъ и дивчатъ вносятъ въ клуню-салонъ и разставляютъ какія-то импровизированныя кресла. Удивленные гости присматриваются—и узнаютъ собственные дорожные сундуки и чемоданы, прикрытые ихъ же экипажными подушками и коврами, но за недостаткомъ стульевъ усаживаются и на такой мебели.

Гостепріимный хозяинъ привѣтливо занимаетъ гостей и поминутно выходитъ въ сѣни встрѣчать новоприбывшихъ. Вотъ въ дверяхъ появляется его сосѣдъ панъ Стадницкій и подводитъ какого-то виднаго мужчину съ словами: „Представляю пану презесу пана Александра Орловскаго, котораго панъ презесъ не знаетъ."

— А, очень пріятно! баситъ хозяинъ.

Новоприбывшій, окинувъ взглядомъ гостей, обращается къ хозяину съ усмѣшкой: „Какъ я вижу, панъ презесъ собралъ у себя самое разнообразное и пестрое общество".

— Не диво, отвѣчаетъ спокойно хозяинъ, глядя въ глаза насмѣшливому гостю: есть тутъ званые, а есть и незваные.

Сконфуженный гость отошелъ въ сторону и больше не дѣлалъ ироническихъ замѣчаній.

Пора бы начаться танцамъ, но хозяинъ не подаетъ сигнала, словно кого поджидаетъ. Вотъ въѣхалъ во дворъ огромный шарабанъ и изъ него вылѣзъ Сѣмашко съ цѣлымъ полкомъ танцоровъ. Были тамъ высокіе и низкорослые, брюнеты и блондины, но въ общемъ молодцы хоть куда. Бѣгло осмотрѣвъ ихъ, панъ Кавецкій входитъ въ салонъ и приглашаетъ гостей начать танцы. Пары устраиваются, но въ кавалерахъ недостатокъ. Панъ презесъ выходитъ, и черезъ минуту вводитъ цѣлый отрядъ молодыхъ танцоровъ, спрашиваетъ ихъ имена и хочетъ представить дамамъ, но тотчасъ перепутываетъ фамиліи и проситъ Бернатовича: „Пане маршалку, ты ихъ знаешь— представь ихъ дамамъ, а я, право, перезабылъ, какъ ихъ прозываютъ; все какія-то мудреныя прозвища." Бернатовичъ коекакъ исполнилъ эту церемонію, и танцы начались. Презесъ съ удовольствіемъ замѣчалъ, что молодцы ведутъ себя скромно, танцуютъ хорошо, съ дамами не вступаютъ въ разговоры и едва прекращается танецъ, словно по командѣ исчезаютъ изъ салона. Но онъ не зналъ, что во время такихъ антрактовъ танцоры вознаграждали себя безпощаднымъ опустошеніемъ бутылокъ съ напитками, и вотъ, послѣ третьяго или четвертаго танца, одинъ изъ молодцовъ набрался такой смѣлости, что

послѣ танца не только не ушелъ изъ залы, а подсѣлъ къ своей дамѣ и сталъ ее занимать бесѣдой. Это не укрылось отъ зоркаго глаза хозяина: панъ Кавецкій срывается съ своего мѣста, направляется къ смѣльчаку и еще издали кричитъ: „А это что? Развѣ панъ Сѣмашко не говорилъ, что я пановъ только для танцевъ приглашалъ, а вовсе не для того, чтобы любезничать съ дамами; для этого есть у меня другіе, получше. Уходи, мосьпане!“ И съ этими словами Кавецкій вывелъ переконфуженнаго юношу изъ салона.

За исключеніемъ этого казуса, все шло какъ слѣдуетъ. Гости остались очень довольны ужиномъ, хотя кушанья подавались въ самой разнообразной посудѣ. Послѣ ужина, какъ это обыкновенно бываетъ, мужчины стали бродить по дому. Одинъ изъ гостей, п. Хлопицкій, машинально подошелъ къ дверямъ одной комнаты и хотѣлъ войти въ нее, но ему вдругъ заступилъ дорогу хозяинъ съ словами: „Не ходи туда“.

— Почему? спросилъ тотъ.

— Потому что тамъ серебряная посуда.

— Что же изъ этого? Развѣ ты боишься, что я украду что-нибудь?...

— Нѣтъ, но это—чужая посуда, и если потомъ чего-нибудь не окажется, мой Лесь скажетъ, что туда молъ заходилъ панъ Хлопицкій.

Въ виду такихъ соображеній, послѣднему ничего не оставалось, какъ отойти и присоединиться къ остальнымъ гостямъ.

Танцы продолжались и послѣ ужина, а затѣмъ гости разошлись по отведеннымъ для ночлега комнатамъ; но имъ пришлось еще долго ждать, пока успѣли разсортировать ихъ чемоданы, столь неожиданно превращенные въ гостинную мебель.

Такую жизнь велъ панъ Кавецкій, не зная ни тревогъ, ни болѣзней, и дожилъ до шестидесяти съ чѣмъ-то лѣтъ, когда въ одно прекрасное утро проснулся хотя и въ своей спальнѣ, среди привычной обстановки, но совсѣмъ другимъ человѣкомъ:

онъ не могъ ни крикнуть, ни пошевелиться, потому что его поразилъ параличъ. Лесь и Миколка растерялись, не знали что дѣлать, и Богъ знаетъ, что было бы съ паномъ презесомъ, когда бы случайно не пріѣхалъ къ нему въ эту минуту его близкій пріятель Адольфъ Борковскій. Онъ тотчасъ послалъ за врачами; тѣ пріѣхали, пустили больному кровь—и ему сдѣлалось лучше, онъ сталъ говорить и двигать руками. Врачи предписали больному извѣстный режимъ, оставили рецептъ и собирались уѣзжать. Борковскій, войдя къ презесу, тихо шепнулъ ему, что врачамъ надо заплатить: Баранецкому 50 рублей, а двумъ другимъ по 25 р. Больной соглашается на это, приглашаетъ одного изъ врачей остаться при немъ, остальнымъ велитъ дать хорошихъ лошадей, а въ заключеніе говоритъ: „а съ рецептомъ пошлите Грыця пѣшкомъ въ Баръ". Услышавъ это, Борковскій убѣждаетъ больного, что лѣкарство нужно достать поскорѣе и за нимъ надо послать верхового, на хорошей лошади; но всѣ его убѣжденія пропали даромъ: больной упорно твердилъ: „я хочу, чтобъ Грыць шелъ пѣшкомъ". Видя, что спорить съ упрямцемъ безполезно, Борковскій тайно послалъ Грыця верхомъ, и черезъ часъ лѣкарство было доставлено. Панъ презесъ, заподозривъ, что его провели, позвалъ къ себѣ Грыця и подвергъ допросу:

— Пишкомъ ходывъ до Бару?

— Пишкомъ, пане.

— Якъ же пишкомъ, колы ты такъ прудко звернувся, неначе йиздывъ добрымъ конемъ?

— То я, проше пана, прысивъ на визъ до знаёмого чоловика, що йихавъ до Бару, и зъ нымъ назадъ повернувся.

— Брешешъ: Лесь мени казавъ, що ты йиздывъ на Каштани.

— Э ни, проше пана, я не на Каштани, а на буланимъ йиздывъ, бо такъ мени велывъ панъ Борковскій,—оправдывается простодушный Грыць.

— И ты дурень, и твій Борковскій дурень,—рѣшаетъ панъ презесъ, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ пріятеля.—Поставъ ликарство коло лижка и видчыны викно.

— Нельзя,—вмѣшивается панъ Борковскій,—докторъ запретилъ отворять въ комнатѣ окна.

— То прынесы мени мидныцю (тазъ),—командуетъ больной.

Грыць исполняетъ приказаніе. А панъ Кавецкій беретъ бутылочку съ лѣкарствомъ, быстро отламываетъ шейку и выливаетъ лѣкарство въ тазъ, а затѣмъ спокойно обращается къ Грыцю: „завтра, ранкомъ, пидешъ пишкы до Бару".

— Но вѣдь лѣкарство необходимо теперь же! вмѣшивается панъ Борковскій.

— Завтра, ранкомъ! — безапелляціонно рѣшаетъ панъ презесъ.

Борковскій, полагая, что Кавецкій жалѣетъ лошадей и потому лишь настаиваетъ, чтобы Грыць шелъ пѣшкомъ, послалъ своего кучера въ Баръ за тѣмъ же лѣкарствомъ и черезъ часъ входитъ съ нимъ въ комнату больного и предлагаетъ принять прописанную дозу. Презесъ такъ и вскипѣлъ.

— Откуда взялось это лѣкарство? накинулся онъ на Борковскаго.

— Это я посылалъ моего кучера, потому что пану необходимо какъ можно скорѣе принять лѣкарство,—оправдывается тотъ.

— Что же это такое? взбѣленился панъ презесъ: недоставало еще, чтобы гости гоняли своихъ лошадей за лѣкарствомъ для меня! Не хочу я и видѣть этого лѣкарства!—и съ этими словами онъ бросилъ его на полъ.

Нечего было дѣлать, пришлось покориться капризу больного. Утромъ Грыць отправился въ Баръ и лишь къ полудню принесъ лѣкарство, которое на этотъ разъ больной безпрекословно принялъ.

Сильная натура Кавецкаго поборола болѣзнь, и черезъ мѣсяцъ онъ значительно оправился, но ходить все еще не могъ. Врачи посовѣтовали ему съѣздить въ Заславъ, гдѣ въ то время жилъ у князя Сангушка докторъ Дропсе, лѣчившій электричествомъ. Впослѣдствіи панъ презесъ съ удивленіемъ разсказывалъ объ этомъ способѣ лѣченія, о которомъ ему не приводилось раньше

и слышать. Курсъ былъ продолжительный, и Кавецкій, чтобы не скучать, завелъ въ Заславѣ знакомство. Чаще другихъ онъ навѣщалъ домъ одного небогатаго шляхтича, гдѣ ему приглянулась молодая панна. Скоро ея чары такъ отуманили голову престарѣлаго паралитика, что онъ, позабывъ о своихъ годахъ и немощахъ, сдѣлалъ ей предложеніе. Естественно, панна сначала не хотѣла и слышать о такомъ женихѣ; но когда родители растолковали ей, что онъ—владѣлецъ богатыхъ имѣній на Подольи и значительныхъ капиталовъ, она покорилась. Женихъ тотчасъ назначилъ день заручинъ, одѣлъ невѣсту съ ногъ до головы и осыпалъ подарками. Торжество должно было совершиться въ томъ же „заѣздѣ", гдѣ проживалъ Кавецкій, въ нарочито нанятой для этого залѣ. Когда насталъ вечеръ заручинъ, зала освѣтилась сотнею свѣчей, столы трещали подъ тяжестью яствъ, напитковъ и сладостей; нарядный женихъ сидѣлъ въ креслѣ и привѣтствовалъ гостей, а въ сосѣдней комнатѣ гремѣла бальная музыка. Начались танцы. Невѣста, разряженная въ прахъ и блистая драгоцѣнными украшеніями, въ какомъ-то изступленіи вихремъ носилась по залѣ то съ однимъ, то съ другимъ кавалеромъ и рѣшительно не обращала вниманія на жениха. Это не понравилось послѣднему, и когда танецъ на время прекратился, онъ подозвалъ ее и выразилъ желаніе, чтобы она не танцовала больше и сѣла возлѣ него. Легкомысленная барышня заупрямилась: ей думалось, что общество кавалеровъ станетъ надъ ней смѣяться, если она безпрекословно исполнитъ приказаніе ревниваго жениха, и лишь только музыка заиграла новый танецъ, она подала руку одному изъ танцоровъ и пустилась въ плясъ. Взбѣшенный презесъ неожиданно закричалъ громовымъ голосомъ: „Лесь! туши свѣчи!" Привыкшій къ безпрекословному послушанію Лесь тотчасъ сталъ исполнять приказъ господина, а тотъ все продолжалъ орать: „Туши свѣчи! туши свѣчи!" Напрасно многіе изъ гостей пробовали отговорить разсвирѣпѣвшаго старца отъ его безумной затѣи; ничего не слушая, онъ лишь яростно кричалъ: „Это мои свѣчи, я ихъ могу потушить; я не хочу заручинъ!" Черезъ нѣсколько минутъ въ залѣ воцарилась

полная темнота, и гости, спотыкаясь и стукаясь лбами о стѣны, кое-какъ выбрались на улицу, проклиная злополучный балъ. На другой день отецъ невѣсты пришелъ къ нареченному зятю и сталъ мягко выговаривать ему за вчерашній скандалъ, а тотъ ему рубитъ: „Я не хочу жениться на вашей дочери, я не хочу заручинъ; прошу возвратить мои подарки". Какъ ни старался нареченный тесть умилостивить разгнѣваннаго зятя, ничто не помогло, и подарки пришлось вернуть.

Это неудачное сватовство нимало не отбило у Кавецкаго охоты къ женитьбѣ. Вернувшись изъ Заслава хотя не вполнѣ выздоровѣвшимъ, но все-таки значительно оправившимся, онъ сталъ часто ѣздить къ своимъ сосѣдямъ Чарковскимъ, у которыхъ была дочь невѣста. Такъ какъ они были люди бѣдные, то благосклонно отнеслись къ ухаживаніямъ престарѣлаго и своенравнаго, но богатаго жениха, а ихъ послушная дочь оказывала ему явное расположеніе. Однажды панъ презесъ, сидя возлѣ панны и благосклонно слушая ея щебетаніе, вдругъ прервалъ ее неожиданнымъ вопросомъ:

— А панна пошла бы за меня замужъ?

— Пошла бы,—не задумываясь отвѣтила дѣвушка.

— Развѣ панна меня кохаетъ? спросилъ презесъ такимъ тономъ, какимъ онъ допрашивалъ въ судѣ подсудимыхъ.

— Кóхамъ, кóхамъ, кóхамъ! затвердила оробѣвшая панна.

— Зачѣмъ мнѣ три раза „кóхамъ"? строго остановилъ ее презесъ.—Съ меня довольно одного коханья. Пусть панна одинъ только разъ скажетъ, что меня кохаетъ.

— Кóхамъ! едва слышно прошептала перепуганная дѣвушка.

— Это хорошо! рѣшилъ Кавецкій.—Въ такомъ случаѣ мы поженимся.

На этотъ разъ и заручины, и свадьба прошли безъ приключеній, и панъ презесъ на старости сталъ мужемъ молодой жены. Былъ ли онъ счастливъ съ нею—не извѣстно; что же касается молодой женщины, то ей несомнѣнно судилась въ замужествѣ горькая доля. Болѣзненное состояніе Кавецкаго послѣ женитьбы стало замѣтно усиливаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ уве-

личивалась и его раздражительность. Робкая отъ природы, пани презесова окончательно была запугана привередливымъ мужемъ и должна была терпѣливо сносить его причуды. Когда Кавецкій страдалъ безсонницей (а это съ нимъ случалось очень часто), онъ всю ночь не давалъ и женѣ покоя; если она обезсиленная ложилась въ постель, онъ приказывалъ Лесю стучать въ дверь ея спальни, крича: „когда я не сплю, пусть и она бодрствуетъ!" Впрочемъ, не одна жена терпѣла отъ него; доставалось и слугамъ. Когда параличъ ногъ окончательно приковалъ презеса къ постели и лишилъ его возможности своеручно вымещать злость на неповинныхъ слугахъ, тогда онъ сталъ прибѣгать къ разнымъ хитростямъ, въ родѣ слѣдующей: позоветъ, бывало, Леся или Миколку и самымъ добродушнымъ тономъ скажетъ: „а посмотри-ка подъ кроватью: кажется, я уронилъ дукатъ, поищи". Ничего не подозрѣвая, слуга охотно исполняетъ приказаніе; но едва онъ станетъ на колѣни, чтобы лѣзть подъ кровать, лѣвая рука Кавецкаго схватываетъ его за чубъ, а правая съ чубукомъ или палкой уже гуляетъ по его спинѣ.

Врачи совѣтовали больному отправиться въ Карлсбадъ для пользованія водами. Панъ презесъ долго не рѣшался пуститься въ такое далекое странствованіе, наконецъ согласился, а такъ какъ онъ не зналъ ни одного иностраннаго языка, то сосѣдъ его Рациборовскій предложилъ ему въ спутники гувернера своихъ дѣтей, нѣкоего Штейнера. Въ назначенный для отъѣзда день пріѣзжаетъ Штейнеръ къ пану Кавецкому и видитъ, что среди двора стоитъ большая дорожная коляска, до верха наполненная разными пакунками, а сзади къ ней прикрѣплена большая клѣтка съ цыплятами. Удивленный, онъ спрашиваетъ, зачѣмъ понадобилась клѣтка.

— Какъ зачѣмъ? въ свою очередь изумляется его недогадливости панъ презесъ: Когда мы будемъ въ дорогѣ останавливаться кормить лошадей, не надо будетъ бѣгать по селу за цыплятами и платить лишнія деньги, а здѣсь ихъ все равно съѣдятъ дѣвки да бабы, а потомъ скажутъ, что подохли.

— Да вѣдь намъ прійдется ѣхать лошадьми какую-нибудь сотню верстъ, а въ Галиціи мы сядемъ на желѣзную дорогу (дѣло происходило въ началѣ 1850-хъ годовъ, скоро послѣ открытія линіи Карла-Людвига); что же мы станемъ дѣлать съ курятникомъ?

— Какъ что? Повезутъ съ нами и курятникъ.

— Но заграницей не нужны намъ будутъ цыплята,—продолжалъ убѣждать Штейнеръ: тамъ въ каждомъ ресторанѣ можно имѣть какія захочемъ кушанья.

— А мы не будемъ заѣзжать къ швабу, а будемъ останавливаться у жида: жидъ сжаритъ нашего цыпленка, и это будетъ дешевле стоить.

Такъ и не удалось Штейнеру отговорить упрямаго презеса, и курятникъ поѣхалъ съ ними заграницу. Когда пришлось садиться на желѣзную дорогу, Кавецкій отпустилъ назадъ лошадей, но съ экипажемъ ни за что не хотѣлъ разстаться. Пришлось нанять платформу товарнаго поѣзда, поставить на ней коляску съ привязанной назади клѣткой съ цыплятами, и такимъ способомъ, сидя въ коляскѣ, наши путешественники добрались до самаго Карлсбада, привлекая на себя въ пути всеобщее вниманіе. Во время этого оригинальнаго переѣзда Кавецкій то и дѣло выкидывалъ разныя причуды. Вдругъ онъ, во время движенія поѣзда, начинаетъ громко кричать: „Стой"! Разумѣется, поѣздъ продолжаетъ мчаться съ прежней быстротой. Тогда онъ приказываетъ Штейнеру:

— Пойди, пане, скажи имъ, чтобъ остановились.

— Но, пане презесу — оправдывается Штейнеръ — я не могу добраться до локомотива, да и машинистъ меня не послушаетъ: поѣздъ останавливается только на станціяхъ.

— Какъ не послушаетъ! негодуетъ презесъ: разъ я плачу за проѣздъ, такъ должны останавливаться, когда я захочу!

Поселившись въ Карлсбадѣ, Кавецкій своимъ оригинальнымъ видомъ и причудами обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Лесь и Миколка всюду носили его на рукахъ, а онъ то и дѣло бранилъ ихъ, дралъ за уши, колотилъ, не стѣсняясь ни-

чьимъ присутствіемъ. По скупости онъ выдавалъ имъ по 20-ти грошей въ день на харчи; естественно, бѣдняки не могли быть сытыми на эти деньги и вынуждены были открыто просить милостыни. Весь Карлсбадъ зналъ двухъ верзилъ—нищихъ, одѣтыхъ въ допотопныя ливреи, въ высокихъ чорныхъ цилиндрахъ. Штейнеру тоже пришлось немало вытерпѣть отъ своего сумасброднаго патрона; такъ, напримѣръ, Кавецкій отказывался платить въ гостинницѣ за постель для своего компаньона, заказывалъ обѣдъ для двухъ, а съѣдалъ его одинъ, и т. под. Въ концѣ концовъ Штейнеръ потерялъ терпѣніе и въ одинъ прекрасный день сбѣжалъ, оставивъ Кавецкаго на попеченіе лакея-нѣмца.

Вернулся панъ презесъ изъ-заграницы такимъ же безногимъ калѣкой, какимъ и уѣхалъ туда, лишь общее состояніе его здоровья нѣсколько улучшилось. Скоро случились его именины, и сосѣди съѣхались къ нему на этотъ разъ большой толпой, потому что каждому хотѣлось послушать разсказовъ хозяина о заграничномъ путешествіи. Передъ обѣдомъ всѣ гости собрались въ его кабинетѣ, и начались разспросы. Панъ презесъ разсказывалъ удивительныя вещи о „швабахъ", а такъ какъ въ то время происходила Крымская война, то онъ захотѣлъ сообщить слушателямъ и политическія новости.

— Слышалъ я, панове, любопытныя извѣстія заграницей: говорятъ, французы взяли Канапу.

— Можетъ быть, Анапу, а не Канапу? поправилъ кто-то изъ гостей.

— Правда, правда! согласился разскащикъ.—Когда я слышалъ эту новость, я всю дорогу твердилъ: Анапа, Анапа! а теперь смѣшалъ съ канапой. И не диво: эти слова такъ похожи одно на другое. Но я вамъ, панове, разскажу другую новость, которую мнѣ передавали во Львовѣ: будто у насъ въ Каменцѣ поймали двухъ французскихъ мишурисовъ!

— Не можетъ быть, усомнились слушатели.—Вѣроятно, панъ слышалъ о поимкѣ французскихъ эмиссаровъ?

— Правда, правда: эмиссаровъ! Эти заграничныя слова такъ трудно запомнить! оправдывался Кавецкій.

— Что и говорить! вмѣшался Станиславъ Рациборовскій: интересныя вѣсти сообщилъ намъ панъ презесъ; но я слышалъ новость еще болѣе любопытную.

— А ну, разскажи, дяденька! (Кавецкій неизвѣстно почему такъ всегда величалъ Рациборовскаго).

— Извѣстно вамъ, панове, что англичане и французы никакъ не могутъ взять Севастополя, потому что русскіе безпрестанно посылаютъ туда подкрѣпленія. Такъ вотъ, чтобы помѣшать этому, англичане взяли да и отпилили отъ Россіи весь Крымскій полуостровъ.

— Что ты плетешь, дяденька! изумился Кавецкій. Какъ же они это сдѣлали?

— Очень просто! продолжалъ, не сморгнувъ бровью, Рациборовскій: доставили изъ Англіи огромную пилу, протянули ее черезъ Перекопъ, одинъ конецъ прикрѣпили къ одному кораблю, а другой къ другому, затѣмъ—то одинъ корабль двинется впередъ, то другой, и такимъ образомъ въ теченіе сутокъ отрѣзали цѣлый полуостровъ.

— Скажи на милость, чего только не придумаютъ эти англичане! простодушно изумлялся презесъ: трудно даже вѣрить этому.

Присутствующіе кусали губы, сдерживая улыбку, но простодушный старецъ не замѣчалъ этого и все продолжалъ изумляться англійской изобрѣтательности.

Затѣмъ гости перешли въ сосѣднюю комнату, гдѣ уже накрытъ былъ столъ. Панъ Адольфъ Борковскій, въ качествѣ самаго близкаго пріятеля хозяина, сталъ размѣщать гостей по ихъ рангу и на первомъ мѣстѣ посадилъ вновь избраннаго въ то время повѣтоваго маршалка Л. Замѣтилъ это сквозь раскрытую дверь изъ своей комнаты именинникъ и громко закричалъ:

— Адольфъ! Зачѣмъ ты Л., этого мерзавца и „паскуду“, сажаешь на первое мѣсто? Надо было бы посадить туда дядюшку или маршалка Рудницкаго, а вовсе не того каналью.

Блѣдный Л. всталъ изъ-за стола и хотѣлъ уѣхать. Пану Рациборовскому насилу удалось уговорить его остаться и не обижаться словами больного чудака.

Карлсбадскія воды не надолго поправили здоровье Кавецкаго. Прикованный къ постели своимъ давнимъ недугомъ, онъ еще протянулъ нѣсколько лѣтъ и умеръ около 1860 года, восьмидесяти съ чѣмъ-то лѣтъ отъ роду.

О. Л.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Лирникъ Ананій Гомынюкъ. Ананій Саввовычъ Гомынюкъ родился 1 сент. 1866 г. въ с. Плужномъ Острожскаго у. На 5 году онъ ослѣпъ. «Була въ мене», передавалъ Гомынюкъ, «чорна болисть (падучая); отъ якъ я упавъ, то мене й зналы зъ мисця, а не тра було займать; зъ того й ослипъ.» Слѣпота опредѣлила дальнѣйшую судьбу Ананія; сдѣлавшись неспособнымъ къ крестьянскому труду, онъ принужденъ былъ просить милостыню. До 22 лѣтъ собиралъ онъ подаянія «зъ оченашо́мъ»; но замѣтивъ, что лирники пѣніемъ своимъ могутъ сильнѣе растрогать слушателей, и потому доходъ ихъ значительнѣе дохода простыхъ нищихъ, Гомынюкъ на 23 году сталъ учиться лирническому искусству. Его учителемъ былъ молодой лирникъ Петро Кремыньській, житель м. Бѣлогородки, заславскаго у. Ученье продолжалось всего 1 годъ (другіе учились у Петра по 3 г.); за ученіе заплатилъ Гомынюкъ 10 рублей. Знакомясь потомъ съ другими лирниками, онъ перенималъ отъ нихъ незнакомыя еще пѣсни и псальмы. Теперь онъ знаетъ 1) «Про блудящого сына», 2) «про Алексія», 3) «про Спасытеля», 4) «Іосихва», 5) «Пречыстои», 5) «про Ныколая—писни», 7) «Парасковéи», 8) «Мыхаила», 9) «Пьятныцю», 10) «Лазара», 11) «про Матерь Божу Почаевську»; святовы писни: 1) «про Сыритку», 2) «за оця-матку», 3) «Бида», 4) «Теща», 5) «про Хому та Ярему» и нѣкот. др.—Но не всѣ эти пѣсни поетъ Гомынюкъ во всякое время; напр., онъ отказался пропѣть про Хому и Ярему, потому что время нашей встрѣчи пришлось въ Успенскій постъ. Вслѣдствіе этого иныя пѣсни ему приходится пѣть очень рѣдко,

и онъ ихъ или забылъ (напр. «Парасковея», которую поетъ только осенью), или забываетъ, перепутывая и искажая слова до утраты смысла (см. «Покрова»).

«На́ що се все вамъ здалось знать?“ спросилъ меня подъ конецъ Гомынюкъ. Я, какъ умѣлъ, разъяснилъ ему. Это, повидимому, заинтересовало лирника. «Дакъ колы треба усе запысувать, дакъ гледить-же, не пропускайте, шо я буду проказувать.»

I. *Про Матеръ Божу Почаевську.*

Паслы пастыри овци на горѣ,
Увидѣли Божу Матеръ зъ неба на скалѣ,
На той скали стопку знаты,
Де стояла Божая Маты;
Тамъ воду беруть,
Всѣмъ вернымъ дають.
Вопречыстая Дѣво Марыя,
Де во Почаеви икона Твоя?
Да чуда Твои надъ чудамы
Показала надъ Туркамы,—
Бо Марыи сыла
Ихъ победыла.
Зъ града Баража въ Почаевъ прышлы,
Много народа хрестыянъ нашлы;
Зачалыся угоняты,
Якъ можно всихъ достаты:
Раду складають,
Вси ся змовляють.
А у вторныкъ рано брамы й-обнялы,
Старшому законыкóви
Главу йстялы.
Вонъ взявъ въ руци свóю глáву,
Несеть Божей Маты славу,
Предъ обрáзомъ паде,
Духъ свой предае.
Да не дай же намъ погыбаты!
Да змылуй же ся, Дѣво Маты,
А нещасна долé
Въ турка въ неволѣ!
За йденъ бо день съ турецькой земли

Ставъ въ Почаеви ченець зъ неволи́.
Сталы Матеръ Божу благаты,
Щобъ схотила розыгнаты
Злыхъ бусурмановъ—
Магометановъ.
Матеръ Божа всемъ ся зъявыла,
Своимъ омохворомъ всѣхъ верныхъ покрыла:
— Да не бойтеся, крыстіяне,
Да не возьмуть васъ бесурманы
Да въ свои рукы,
Тяжкыи мукы.
Ива Залѣзо предъ Мареею
Ставъ на повети всѣмъ выдимо,
Просыть пани Монархыни,
Да не упускае той святыни,
Яко царыця и заступныця.
Туркы—Татаре смѣло сту́пають,
На горѣ стрѣлы, якъ дождь, пу́скають,
Вганяются всё зъ мечамы,
Мають стрельбы за плечамы.
А вси жъ тыи стрелы
Назадъ лытѣлы.
Крыкнувъ на войсько турецькый паша:
«Тутъ мы погыбнемъ! Недоле наша́!
Назадъ стрелы всё вертають
И насъ са́мыхъ побывають.
Шо мы бачымъ такого дывного?»
А съ тово Туркы ся дивóвали,
Же такого чуда та й не ви́дѣли.
Знаты, знаты зъ неба Божыи сылы
Полкы войська наступылы,
Же насъ прогоняють
Та й побывають
А въ крыстіянъ туркы пытають:
«Шо то за пани угори сіне?
Ии восько все зъ мечамы
Поступае всё за намы;
Не йде землею,—всё й облóкамы?“

А крыстіяне такъ йимъ сказалы,—
Шо то Божа Маты изъ ангеламы;
Ии вобразъ въ монастыри.
Славнои чуди Божои сылы!
Й-а которы мае,
Всѣмъ намъ зъявляе.—
Турки—Татаре съ страхомъ закрычалы,
Божую Матиръ Божкомъ назвали:
‹Да на повѣти стоитъ Божка,
Зъ Нею прышло много войська.
Тутъ мы погыбнемъ, недоле наша,—
Забытой паша!»
Туркы—Татары зъ мѣсця рушають,
Зъ коней впадають
Коркы [1]) ламають
Да съ Почаива утикають,
Да невольниковъ зоставляють,
Бо Марыи сыла
Страшна йимъ была.
Божая Маты, моцна царыце!
Мы предъ Тобою падемъ на лице:
А пребудь-же намъ у помоцъ смерты,
Да не дай же намъ у грихахъ умерты,
Яко царыце и пристательнице!

II. *Парасковéя.*

Парасковéя
Сличная лилéя,
Красная дѣвице,
Райська ластовице,
Моли Бога й-о насъ!
Ты есть днесь отъ Бога
Красная чертога
Винцамы свойимы

---

[1]) „Шею“, по объясн. пѣвца.

Воскрешеная
Же творащы днесь...

(дальше пѣвецъ, къ собственному изумленію, не могъ ничего припомнить: «О, дывысь, якъ скоро вже забувъ»!—Объяснилъ же онъ это тѣмъ, что про Парасковéю приходится пѣть изрѣдка, только осенью).

III. *Покрова* [1]).

Склонитеся во вѣки
И чловѣки
Российской державы
И восточнои главы
Сущую ныни
Въ благовистыни
Се бо еси водъ Востока
Ясная зора безъ порока
Архтерская Дѣво
Есть увъ образи жыва
На престоли
Сойдетъ во хтвалѣ
Есть во храми Покровськимъ
И й-у трони Сіонськимъ
Нонічной вѣка
Со небесной великой
Возбране мѣсто
Сватое чысло.
Милостивая тая
Дѣво во олтарѣ златая
Въ мѣрѣ точать воду
Й-а ше горше народу
Дадуть йимъ трона
Всѣмъ намъ возбранóй
Молитеся все Сыну
Якъ у день у ночи—все йидыному

---

[1]) Въ виду крайне запутаннаго смысла, здѣсь я не ставилъ никакой интерпункціи.

Избавъ нашы пути

Во всякій часъ и мынути
Твоему Сыну
Сотворытелю
Дѣво Маты привосвята
Моли за насъ Роспята
Тёмнымъ дае здрогы (=зрѣніе)
А бисовъ гоныть трокы
Тёмныхъ да хромныхъ
Творыть свободныхъ
И щастія Твоея
Поемо-поемо аллилуя
Всёй мыръ изъ Рассеи
Во Пресвятой Маре́и
Чыстой во вѣки
Вобразъ на вѣки.

IV. *Про Іосыхва.*

Кому я повѣдаю печали своя?
Кому я пре́зву рыданія моя?
Господи мой, Сотворытелю мой!
Ты жъ мене сотворилъ,
А я Тебе образилъ.
Да не можу упросыть Твоей милости
Ще й що́дрости.
Когда-бъ же я мавъ совершу́ю гласъ,
То я бъ плакавъ-рыдавъ якъ у день, такъ у ночъ
О свойихъ же литахъ да младеньческіихъ.
Ахъ было въ Якова́
Жы двинадцять сыновъя,
А не було мудреця
По-надъ Ёсыпа.
Дванадцать братей
Пошлы въ поле работа́ть,—
Ёсыпа продавать.
Взялы о́вцу,—раздралы́,

Одежду въ кровъ вмочылы́,
А оцу сказалы́:
Вѣрно звѣри раздралы́.
Дознався отець
Чрезъ двѣнадцать лѣтъ.
«Вы невѣрни сыновъя,
Вы продалы Ёсыпа.
Когда-бъ же я мавъ соголубыцю
Солитающую,
Пиславъ же бъ я письмо,
Чы не звестыла бъ оцу Якову,
Оцу Якову, оцу Здраилю:
Ойче—ойче нашъ, ойче Якове!
Ойче Якове, ойче Здраиле!
Чы не звестенъ кому
Объ своему сыну,
Объ своему сыну,
Прекрасному Ёсыпу?
Сыновъя то твоя—
То все братія моя—
Запродали мене
А въ чужую сторону,
А въ чужую сторону,
Егыпе́тськую землю,
А къ невѣрному царю
Хвараоньскому.
Бросылъ меня
У ровлія
Между червія,
Межъ лютія звѣрія,
И на мене скреготавъ
Яко зўбамы своя,
Яко люти звѣрія́;
Замыкалъ вонъ мене
Въ камяну камъянцю—
Невидную свѣтлыцю;
Сомыталъ вонъ мною.
Каминая гора—

То сусѣды мои;
А зъ древа труна—
То жъ то хата моя;
Червы—то жъ то друзія моя;
Трава—мурава—
А одежда моя;
А песокъ точыця—
Въ постель стелеця;
Сырáя земля—
Тожъ то маты моя.
Прымы чадіе свое,
Прекрасного Ёсыпа.
Вы, крестіяне,
Вы послушайте,
Прекрасного Ёсыпа
Всегда прославляйте!»
— Ой царствуй, Осыпе,
Ой царствуй со вѣкы
Съ Сусомъ Хрыстомъ на вѣкы!

А. Малинка.

Изъ области мѣстнаго народнаго творчества. *(Изъ Грубешовскаго уѣзда).* Въ народной жизни пѣсня, какъ извѣстно, играетъ весьма большую роль. Поютъ на свадьбѣ, праздникахъ, поминкахъ, во время полевыхъ работъ и т. д. Такимъ образомъ, безъ пѣсни не обходится ни одинъ актъ въ народной жизни. Народъ любитъ пѣсни, часто ихъ поетъ, выражая въ нихъ свою внѣшнюю и духовную жизнь, свои горести и радости, желанія и думы. Этимъ-то и объясняется существованіе такой массы народныхъ пѣсенъ, обрядовыхъ, историческихъ, религіозно-нравственныхъ и т. п. Оттого-то и народъ такъ любитъ слѣпцовъ-кобзарей, лирниковъ, эти живыя книги и этихъ хранителей его пѣсенъ. Шевченко далъ намъ прекрасный типъ такого народнаго пѣвца въ его «Перебендѣ»-

«Перебендя—старый, слипый,
«Хто его не знае?
«Винъ усюды вештаеться,

«Та на кобзи грае.
«А хто грае, того знають
«И дякують люде:
«Винъ имъ тугу розганяе,
«Хоть самъ свитомъ нудыть.
«По-пидъ-тынню сиромаха
«И днюе, й ночуе;
«Нема ему въ свити хаты;
«Недоля жартуе
«Надъ старою головою»...

Въ Грубешовскомъ уѣздѣ мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ изъ подобныхъ народныхъ пѣвцовъ и воспользоваться его услугами. Насколько тамъ въ народѣ чувствуется потребность въ такихъ пѣвцахъ, можно судить изъ того, что въ Грубешовскомъ уѣздѣ (въ с. Вербковицахъ) есть лица, постоянно занимающіяся приготовленіемъ и продажей лиръ для лирниковъ. Но здѣсь нерѣдко попадается и особый типъ лирниковъ, чисто мѣстнаго характера, немножко не похожій на Перебендю. У послѣдняго не было «въ свити хаты»; тутъ-же у многихъ изъ здѣшнихъ лирниковъ есть осѣдлость, домъ, земля, огородъ и вообще хозяйство. Но слѣпота не позволяетъ заниматься этимъ, и вотъ слѣпцы предпочитаютъ взяться за лиру и странствовать отъ села къ селу, благо на это чувствуется спросъ въ народѣ. Но осѣдлое положеніе пѣвца не измѣняетъ въ сущности въ немъ типа Перебенди. Слѣпота и старость, мѣшая старцамъ заниматься какимъ-либо физическимъ трудомъ, заставляетъ ихъ уходить въ себя, жить внутренней жизнью и пѣснью. И здѣшніе лирники пользуются такой-же любовью и уваженіемъ въ народѣ и такъ думаютъ про свое призваніе, какъ и Перебендя на Украйнѣ. Есть еще одна особенность у лирниковъ Грубешовскаго уѣзда, нѣсколько отличающая ихъ отъ украинскихъ пѣвцовъ. Перебендя пѣвалъ и «Про Чалого», и «Якъ Сичь руйнувалы»; такимъ образомъ, пѣсни историческаго содержанія не отсутствовали въ его репертуарѣ, между тѣмъ какъ у здѣшнихъ лирниковъ это попадается чрезвычайно рѣдко, въ видѣ исключенія.

8-го сентября, минувшаго года, Григорій Касьянъ—слѣпецъ, старикъ-лирникъ изъ с. Волковый, гм. Вербковицы, побывалъ у меня на квартирѣ въ Грубешовѣ и спѣлъ, въ присутствіи моихъ друзей, подъ акомпаниментъ своего незатѣйливаго музыкальнаго

инструмента нѣсколько пѣсенъ, съ которыми я познакомлю читателя Я не слыхалъ и не встрѣчалъ, чтобы эти пѣсни были записаны въ какой-либо сборникъ. Во всякомъ случаѣ, если и это было, то онѣ, безъ сомнѣнія, представляютъ въ себѣ много варіантовъ, зависящихъ отъ вліянія мѣстности, и потому не могутъ не представлять интереса.

Первая пѣсня «про Паньщызну», помѣщаемая ниже, картинно изображаетъ великій актъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и то впечатлѣніе, какое онъ произвелъ и на помѣщиковъ, и на крестьянъ, получившихъ волю. Начинаясь съ такъ любимой народомъ «зозуленьки», пѣсня представляетъ собою несомнѣнно чисто народное произведеніе; составленная въ чисто-народномъ складѣ, она имѣетъ много достоинствъ. Какъ въ произведеніи народа, только что получившаго волю, въ ней должно было и не могло не выразиться нѣсколько неблагосклонное отношеніе къ помѣщикамъ, отъ которыхъ зависѣла прежде судьба крестьянъ. Впрочемъ, эта досада выражается въ очень мягкой формѣ, совсѣмъ не такъ, какъ во многихъ пѣсняхъ, распѣваемыхъ народомъ въ Юго-Западномъ краѣ. При этомъ чуть-ли не главную вину народъ взваливаетъ на «жонцъ» и «экономовъ», которые, въ отсутствіи помѣщиковъ, притѣсняли народъ и надували самихъ-же своихъ господъ...

Про Паньщызну:

Летила зозуленька,
Зачала куваты:
Зачыкайте, добри люде,
Щось маю сказаты.
Якъ гаи зашумилы,
Я се забавыла,
Силамъ соби спочываты,
Бачу чуда—дыва.
Слободонька паньщынонньку
Передъ собо гнала,
Загнала еи въ лисъ, та въ дебра,
Щобы тамъ пропала.
А за нею паны ляхи
Идутъ у погоню:
Вертайсь, вертайсь, паньщынонньку,
Вертайся до дому.
Паньщынонька отказала:

Я тому не вынна,
Самы сь те мене одыгналы,
Я вамъ була вирна.
Мы не зналы, паньщыноньку,
Колысь мала встаты;
Мы мыслылы паньщыноньку
Назадъ завертаты.
Догоныли паньщыноньку
На новому мости;
Вертайсь, вертайсь, паньщыноньку,
Ходь ще до насъ въ гости!
Бо вже трудно панамъ ляхамъ
И вже въ карты граты:
Сюды, туды по кышенямъ,
Трудно съ хлопа взяты.
А въ вивторокъ [1]) и вивторокъ
Паньщынонька встала,
И всихъ панивъ и всихъ ляхивъ
До лиса прогнала.
А въ вивторокъ и въ вивторокъ
Перестали быты;
Клычуть людей до роботы
—Не хочуть ходыты.
А въ вивторокъ и въ вивторокъ
Паньщынонька встала
И всимъ панамъ экономамъ
Рукы повязала.
Мы не вмiемъ молотыты,
Наши жинкы—жаты!
Вертайсь, вертайсь, паньщыноньку,
Бо будемъ пропадаты.
Стоитъ лонка не кошена,
И на нывы жыто:
Ходымъ, ходымъ за жинцями,
Никого впросыты.
Стоитъ жыто и пшеныця,

[1]) Народъ, по всей вѣроятности, думаетъ, что день 19-го февраля 1864 г. приходился во вторникъ. Не знаю, насколько это вѣрно.

Съ колоска спадають:
Люде свое позбералы,
О паньське не дбають.
А вже ячминь похылывся,
Вже гречка доспила;
Якъ була паньщынонька,
Вже си каши ила.
Стоять жорна въ двори дурно:
Некому крутыты;
Въ поли збиже и картофли,
Ничого зварыты.
А выихавъ панъ на поле,
Та затурбовався!
Чого давній не бувало,
Того теперъ дождався.
Сыдилы паны въ Варшави,
У скрыпоньки гралы,
А насъ тіи экономы
Былы й катувалы!
Былы, за лобъ волочылы,
Плакаты не далы;
Якъ встыдъ було самымъ быты,
То жонцу трымалы.
Некому ся поскаржыты:
Нема пана въ дома.
Яка правда у дѣдыча,
Така и у эконома.
Спочывае нагаенька,
Що насъ каратала;
Ны идного набылася
И плакаты не дала.
Давно вже люды плакалы,
Ще й Бога просылы,
Щобъ нагаивъ и каньчукивъ
Паны не носылы.
А зійшлыся до корчмонькы,
Такъ соби говорять:
«Нехъ паны баливъ не справляють,

Нехай на хлибъ роблять»!
А хто хоче въ тымъ дознаты,
Кто жовцу трымае:
Панъ въ Варшави гроши стратывъ,
Жонца свои мае.
Сыдыть жинка съ дитонькамы
Въ хати посыхае,
Ваги праде, яглы товче
И все докладае.
Ваги праде, яглы товче
И все подсыпае;
Якъ забракне пивкватырки,
То панъ не прыймае.
Сыдилы паны въ Варшави,
У скрыпоньки гралы,
Якъ имъ куры и каплуны
Люде годовалы.
Якъ прыйшлося самымъ панамъ
Куры годоваты,
То вже яець и каплунивъ
Зовсимъ не выдаты.
Подекуймо Пана Бога,
Ще и нашіи Царыци:
Закопалы паньщыноньку
На сухи граныци!

М. И. Корниловичъ.

Преданія о Зміевомъ валѣ. Печатаемый здѣсь разсказъ представляетъ новый варіантъ легенды о зміѣ и возникновеніи вала, записанной уже и изданной неоднократно (Фундуклеемъ, Кулишомъ, Новосельскимъ, Изопольскимъ, Руликовскимъ и т. д.); отличается онъ отъ изданныхъ варіантовъ тѣмъ, что Кузьма и Даміанъ, Борисъ и Глѣбъ и т. п. замѣнены Мусіемъ и что протяженіе вала предполагается до Чернаго моря, гдѣ, по словамъ разсказа, случилась смерть змія, между тѣмъ какъ извѣстные понынѣ варіанты указывали на р. Стугну,

которую змій выпилъ послѣ трудной работы; по словамъ ихъ, рѣка получила имя отъ стоновъ издыхающаго змія (стогнавъ), и выпитая зміемъ рѣка представляетъ съ того времени ничтожную струю воды въ широкой долинѣ, наполненной нѣкогда водами прежней Стугны. Если сличить всѣ варіанты, собранные этнографами, то оказывается, что значительное количество передаваемыхъ ими подробностей тождественно съ подробностями лѣтописной легенды о Кожемякѣ и его единоборствѣ съ печенѣжиномъ (Янъ Усмошвецъ); изъ этого обстоятельства можно заключить, что миѳическій «змій» современныхъ легендъ есть ничто иное, какъ образное, разложившееся въ народномъ представленіи, воспоминаніе о набѣгахъ кочевниковъ (печенѣговъ, половцевъ и т. д.), для защиты отъ которыхъ и были сооружены валы.—

Въ отношеніи къ топографіи разсказъ интересенъ потому, что даетъ возможность точно установить направленіе изчезнувшаго уже вала на протяженіи отъ Ягнятина до Антонова, чего нельзя сдѣлать для значительной его части по имѣющимся понынѣ матеріаламъ.—

В. А.

Почти въ $1^1/_2$ верстахъ отъ г. Сквиры по дорогѣ въ г. Таращу, недоѣзжая нѣсколькихъ саженей до городскихъ боенъ, по лѣвой сторонѣ «шляха» вы увидите нѣчто похожее на обыкновенный курганъ-могилу. Полтора года тому назадъ этотъ холмикъ не носилъ при, знаковъ кургана-могилы. Высотою до 2-хъ саженей, удлиненной формы, точно остатокъ отъ какого-то укрѣпленія, имѣвшій въ окружности до 40 саженъ, онъ скорѣе напоминаетъ собою часть вала. верхушка коего была разрыта, и онъ издали казался гигантскимъ сѣдломъ.

Много разъ приходилось проѣзжать мнѣ мимо этой могилы, и я неизмѣнно обращался къ своему возницѣ, почти каждый разъ по-новому, съ вопросомъ, что это за холмъ такой?

— А що-жъ: певно—могыла... такыхъ могылъ тутъ було богацько; де-яки вже и позаорювани.

До прошлаго года плугъ старательно обходилъ интересовавшую меня могилу; но весною прошлаго-же года онъ прогулялся таки по ней,—и теперь сѣдлообразная форма могилы исчезла, округлилась, сдѣлалась ниже; пройдетъ еще года два-три, и отъ этой могилы не останется и слѣда.

Раннею весною прошлаго года пришлось мнѣ ѣхать изъ села Тхоровки въ Сквиру. Лошади были крестьянскія; въ качествѣ кучера на передней части воза помѣщался самъ хозяинъ лошадей, крестьянинъ с. Тхоровки, Никита Деревинскій. Было очень грязно, пришлось ѣхать шагомъ. Разговорились о жизни въ деревнѣ, о преданіяхъ и т. под.

— «А это что такое?... могила?» —спросилъ я, когда мы поровнялись съ интересовавшею меня могилою.

— Ни, це не могыла, а малый ковалокъ одъ вала, що зветса Зміевымъ.

— Зміевымъ говорите? Тѣмъ валомъ, что идетъ отъ Ягнятина до Антонова и далѣе?

— Эге! то винъ самый и е... Цей валъ йшовъ ажъ изъ Бардычевскаго уизда, коло Ягнятына, ажъ на Березанку, а зъ Березянкы ажъ на Казымировку и Домонтовку, а уже изъ Домонтовкы коло Сквыры, оттакъ (онъ указалъ на окраину Слободки, предмѣстія Сквиры) сюды, ажъ до цего мисця. А вже звидтыля цей валъ пишовъ соби геть по-пидъ ціею дорогою ажъ до Антонова; а зъ Антонова въ Таращаньскый уиздъ; а вже звидтыля ажъ геть до самисенького Черного моря... Але жъ я тамъ дали и не знаю, чы воно справди, що той валъ пишовъ до Чорного моря, бо тамъ я не бувъ...

— Да откуда вы взяли это? съ удивленіемъ спросилъ я.

— Якъ откуда? въ свою очередь удивился Деревинскій: бо я самъ памятаю, якъ цей валъ стоявъ ще цилый. Це вже давно було: тоди я бувъ ще малый (ему теперь 71 годъ). То мы тутъ завше паслы коней, воливъ и всяку скотыну; то, бувало, бигалы зверху цего вала. Оце, бачте,—по ливій сторони цего шляху цей валъ йшовъ ажъ до Антонова, то можна було по ему иты... Мы ще тоди, малыми пыталы нашыхъ батькивъ, що то за валъ,—такъ намъ казалы, що той валъ издавна, ще за ихъ батькивъ и дидивъ. Отъ-що! Старый значыть винъ, цей валъ... А на що его зробылы, про те Господь видае.

— Ну, а все-таки, разскажите мнѣ о томъ, что старые люди говорили про этотъ валъ?

— А що жъ воны казалы? Казалы, що тутъ колысь то, недалечко одъ Сквыры жыла змія-лютая; робыла вона багацько лыха людямъ,—кажуть, що вона буцимъ-то тилько и йила, що хлопцивъ та дивчатъ молодыхъ. Такъ вже що не робылы, щобъ одратуватыся одъ

ціеи зміи-лютои, такъ ни! ничого не пособля. Але все остатне давай Богу молытьця; кажуть, що довго такы молылысь, покы Богъ зъ неба высокого своимъ праведнымъ окомъ не зырнувъ на людьску тугу и не пославъ на землю якось-то Мусія. Що воно таке за Мусій, я не знаю,—казалы стари люды, що буцимъ то святый, чи праведный у Господа Бога—цёго не докажу. Але жъ тилько винъ бувъ чоловикъ крипкый, та здоровый. Добре... То цей Мусій, якъ прыйшовъ сюды, то спершу начавъ миркуваты, якъ ридъ людьскый избавыть одъ зміи-лютои. Вже винъ и такъ, а дали и такъ—а про те ничого не выходыть. Колы жъ це винъ намиркувався—мабуть Господь Мылосердный его умудрывъ!—зробывъ здорового зализного плуга, що бере землю ажъ на тры аршыны въ глыбыну. Ото зробывшы цёго плуга, Мусій найшовъ змію-лютую и запригъ въ плуга, отакъ и запригъ, якъ мы запрягаемо своихъ воливъ. Запрягшы, Мусій взявъ въ рукы доброго батога, а дали нёкнувъ... Змія якъ взялась, якъ взялась, то такъ и поперла навсправжкы. Де вона шла зъ плугомъ, такъ оце валъ и зоставався, це значыть скыба земли вывернута плугомъ. Добре жъ! Отто вона перла, перла и доперла ажъ до самисенького Чорного моря. Тутенькы вбачыла, що вода, та якъ почала пыты—бо бачъ, дуже розгорачылась! то пыла, пыла, колыбъ ще трохы, то може бы выпыла все море. Та тилько Господь Мылосердный не допустывъ до цёго... Змія лютая лопнула та й здохла, а Мусій пишовъ знову до Господа. Отъ и все!

— Можетъ быть не Мусій, а кто нибудь другой? спросилъ я.

— А я знаю? Кажуть, що Мусій, бо у Бога есть-таки багацько праведныхъ людей, котри и сыльни и котри все зроблять. Онъ якъ Соломонъ премудрый, або Давыдъ... Чого жъ Мусію нельзя було усмырить лютую-змію? Але и сыла жъ була у тіеи зміи: це щобъ таку скыбу земли вывернуты, то, на мое миркування, треба воливъ зъ сто,—або зъ двисти. Теперъ мабуть и майстривъ такыхъ нема, щобъ такого плуга зробылы. О, Господы, Господы! Винъ едыный умудряе серця и дае сылу людямъ...

— Что-же, раскапывали валъ?

— А якъ-же! Було всяко: де лопатамы копалы, а де прямо плугомъ. Годивъ тому зъ двадцять отъ цёго мисця ажъ геть до Антонова валъ стоявъ цилый, а теперь уже й нема: розоралы геть увесь...

Дѣйствительно, глядя по направленію, указанному Деревинскимъ, трудно было даже предположить, чтобы здѣсь когда-нибудь высился Зміевъ валъ.

Напрасно я разспрашивалъ мѣстныхъ жителей-мѣщанъ относительно Зміева вала, мнѣ никто, даже изъ стариковъ, ничего не могъ сообщить. И вотъ только въ февралѣ мѣсяцѣ настоящаго года судьба свела меня съ однимъ сквирскимъ мѣщаниномъ, нѣкіимъ Ольховскимъ, человѣкомъ зажиточнымъ, проживающимъ въ своемъ собственномъ домѣ въ предмѣстьи Слободка-Чернолѣсье. Отъ него я услышалъ о Зміевомъ валѣ то же, что и отъ Деревинскаго, съ тою только разницей, что въ разсказѣ Ольховскаго вмѣсто Мусія фигурировали свв. Косьма и Даміанъ. Какъ Деревинскій, такъ и Ольховскій были глубоко убѣждены, что событіе это было когда-то: вѣдь люди такого длиннаго вала не выкопали-бы? да и къ чему? Шуткали, валъ отъ Ягнятина до самаго Чернаго моря!

Въ прошломъ-же году относительно Зміева вала мнѣ пришлось коечто выслушать и отъ сравнительно молодого поколѣнія. Дѣло было въ с. Березянкѣ. Около харчевни на бревнахъ сидѣла большая компанія подвыпившихъ крестьянъ. Сперва у насъ завязался дѣловой разговоръ, а затѣмъ, покончивъ съ дѣлами, мы перешли къ темѣ о Зміевомъ валѣ. Было около 30 человѣкъ крестьянъ и никто не могъ мнѣ ничего сказать о валѣ, даже какъ онъ именуется. Былъ валъ, говорили нѣкоторые: проходилъ онъ по нашимъ полямъ на Казиміровку,—этому было тому назадъ годовъ 30, но какой валъ, и для чего онъ—мы знать не можемъ. Наши батьки что-то говорили, да мы въ одно ухо слушали, а въ другое выпускали—не до того намъ было.

— А отъ я знаю, що воно то за валъ,—сказалъ одинъ изъ вновь пришедшихъ: ще колысь тутъ ходыла чагунка,—давно це було, ще й за нашыхъ прадидивъ. Таки довго вона ходыла, але потимъ чогось перестала ходыть... Такъ ото писля неи и зоставсн валъ.

— Откуда вы это узнали? полюбопытствовалъ я.

— Э... мій батько чоловикъ вченый: воны булы переплетчыкомъ у городи, у Кіеви; такъ воны чыталы якусь-то исторію, а въ ній и було це надруковано: я й самъ чувъ, якъ воны чыталы...

— А батько вашъ жывый?

— Ни, мій батько вже давно померлы!

— О, то розумна була голова! заговорили сидѣвшіе крестьяне що вже винъ бувъ пысьменный—то правда. Але жъ воно и правда,

що той валъ бувъ не инакше, якъ изъ пидъ чаунки. А то хто-бъ его копавъ такого довгого!...

Больше пока никакихъ свѣдѣній мнѣ не удалось собрать о Зміевомъ валѣ.

Какъ теперь, такъ и во многихъ случаяхъ, когда мнѣ приходилось собирать устныя преданія, связанныя съ остатками старинныхъ сооруженій или событій, меня всего больше поражало то обстоятельство, что изъ нынѣшней крестьянской молодежи (возрастъ отъ 20 до 40 лѣтъ) положительно никто не сообщилъ мнѣ ни одного разсказа въ родѣ Зміи-люгой. Это равно относится какъ къ преданіямъ, такъ и къ пословицамъ, загадкамъ, пѣснямъ, дѣтскимъ играмъ и т. п. Конечно, подобный фактъ наведетъ на многія соображенія, которымъ здѣсь не мѣсто. Неоспоримо и несомнѣнно только одно, что въ видахъ и взглядахъ крестьянъ, Юго-Западнаго края по крайней мѣрѣ, произошла такая громадная перемѣна, что трудно даже согласовать взгляды стариковъ и молодого поколѣнія. Къ хорошему или къ дурному—все это вопросъ, разрѣшеніе котораго представляетъ громадный интересъ для выясненія бытовыхъ и др. сторонъ мѣстнаго населенія...

А. Г. Хатемкинъ.

г. Сквира, марта 18 дня 1898 г.

Чествованіе столѣтія малорусской литературы въ Екатеринодарѣ [1]). Въ четвергъ, 20 августа, въ 7 часовъ вечера, въ лѣтнемъ помѣщеніи 2-го общественнаго собранія, по случаю исполнившагося столѣтія со дня официальнаго, такъ сказать, возникновенія малорусской литературы (появленіе первыхъ трехъ пѣсенъ «Энеиды И. П. Котляревскаго), городскимъ духовенствомъ, по просьбѣ той группы мѣстной интеллигенціи, которая принимаетъ близко къ сердцу своему судьбы «родноп мовы»,—было совершенно соборне алагодарственное Господу Богу молебствіе. Нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что столь значительное число духовенства приняло участіе въ молебствіи по собственному побужденію, единственно изъ желанія

---

[1]) Изъ Кубанск. Вѣд., № 179.

раздѣлить съ другими чествованіе столь знаменательнаго и близкаго сердцу событія. Само собою разумѣется, что о платѣ за требоисполненіе не было и рѣчи. Безплатно пѣлъ и хоръ кладбищенской церкви, пожелавшій принять посильное участіе въ чествованіи событія. Передъ концомъ молебствія, послѣ провозглашенія многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ и всему Царствующему Дому, о. Арсеній Бѣлановскій произнесъ приличествующее случаю краснорѣчивое слово, сказанное имъ съ большимъ одушевленіемъ.

Указавъ на тѣсную преемственную связь между устной народной поэзіей, поэзіей пѣсенъ, легендъ и думъ, явившихся плодомъ непосредственнаго творчества народнаго поэтическаго генія, и между современной книжной литературой, которая, въ силу различныхъ условій пришла на смѣну твореніямъ безвѣстныхъ народныхъ пѣвцовъ, о. Бѣлановскій напомнилъ слушателямъ роль, которая по праву принадлежитъ Ивану Петровичу Котляревскому въ этой эволюціи національной малорусской поэзіи. Затѣмъ о. Бѣлановскій коснулся послѣдовавшихъ литературныхъ дѣятелей и заключилъ свое прочувствованное слово слѣдующимъ патетическимъ восклицаніемъ: «Миръ праху вашему, вѣстники радости, враги скорби и горя, пѣвцы добра и чистой любви, создатели лиры народной! Миръ праху твоему, безсребренникъ, не бравшій въ свой апостольскій путь ни пиры, ни жезла, родоначальникъ науки и философіи на Украинѣ, Григорій Саввичъ Сковорода!

Почивай съ миромъ въ обителяхъ небесныхъ Иванъ Петровичъ Котляревскій, поборникъ самобытности мысли и слова малорусскихъ! Миръ праху твоему, страдалецъ Тарасъ, самъ плакавшій всю жизнь, но отершій слезы милліонамъ!

Взгляните на насъ съ выси небесной и знайте, что и нынѣ есть люди, которые вѣрятъ въ силу и мощь Украины и бодро защищаютъ все благое въ своей отчизнѣ!»

Послѣ слова о. Бѣлановскаго, о. діаконъ провозгласилъ *вѣчную память* всѣмъ усопшимъ дѣятелямъ малорусской литературы. Церковный хоръ и многіе изъ публики трогательно и торжественно пропѣли троекратно «вѣчную память». Затѣмъ, послѣ провозглашенія о. діакономъ «многая лѣта» здравствующимъ ратоборцамъ на полѣ родной словесности, хоръ и публика, пропѣвъ одушевленно и радостно многолѣтіе, стали расходиться.

—

Въ половинѣ 9 вечера, въ лѣтнемъ театрѣ труппою малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Португалова былъ поставленъ въ память столѣтняго существованія малорусской литературы юбилейный спектакль. Несмотря на достаточную извѣстность публикѣ поставленныхъ піесъ, стеченіе ея было весьма значительно, такъ что, надо надѣяться, обѣщанные 20% съ валового сбора отъ этого спектакля на памятникъ Котляревскому, составятъ, по всей вѣроятности, довольно приличную сумму.

Кардиналъ Сильвестръ Сембратовичъ. (Некрологъ). 23 іюля (4 августа) текущаго года скончался въ Львовѣ архіепископъ львовскій, митрополитъ галицкій, кардиналъ Сильвестръ Сембратовичъ. Покойный происходилъ изъ священнической семьи (уніатской), родился въ 1836 г. въ с. Дощницѣ, учился въ Перемышлѣ, Львовѣ и Вѣнѣ и закончилъ образованіе въ Collegio greco e roteno въ Римѣ, гдѣ получилъ степень доктора богословія. Возвратившись въ Львовъ, онъ скоро сдѣлался префектомъ львовской греко-католической духовной семинаріи, былъ профессоромъ догматическаго богословія въ львовскомъ университетѣ. Въ 1878 г. назначенъ суфраганомъ львовской епархіи. Съ 1882 г. былъ администраторомъ львовской архіепископіи, а въ 1885 назначенъ митрополитомъ галицкимъ. Сембратовичъ пользовался расположеніемъ вѣнскаго и римскаго двора, императоръ Францъ-Іосифъ сдѣлалъ его тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена Желѣзной Короны, а папа возвелъ его въ 1895 г. въ кардиналы. Покойный не чуждался литературной дѣятельности (онъ основалъ и нѣсколько лѣтъ редактировалъ духовный журналъ «Русскій Сіонъ»), но главной ареной его дѣятельности былъ галицкій сеймъ, гдѣ онъ былъ съ 1884 заступающимъ мѣсто маршалка, и гдѣ онъ выступалъ дѣятельнымъ сторонникомъ «угодовой» политики, направленной къ соглашенію съ поляками. Въ политикѣ церковной онъ держался того теченія, которое вело къ сближенію съ Римомъ и сильно наклонилъ галицкую уніатскую церковь въ сторону католицизма.

Уставъ Общества имени Т. Г. Шевченка. Вышелъ изъ печати Уставъ недавно утвержденнаго Общества имени Т. Г. Шевченка для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга.

Уставъ состоитъ изъ 40 §§.

Приведемъ выдержки изъ нѣкоторыхъ параграфовъ:

§ 1. Общество имѣетъ цѣлью попеченіе о недостаточныхъ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, уроженцахъ южной Россіи.

Въ прим. къ этому § говорится, что съ развитіемъ дѣятельности Общества помощь м. б. оказываема тѣмъ учащимся въ заведеніяхъ, состоящихъ подъ попеченіемъ Общества, которые для продолженія образованія поступаютъ въ учебныя заведенія, не входящія въ кругъ дѣятельности Общества.

По § 2-му Общество оказываетъ помощь 1) взносомъ платы за ученіе, 2) безплатною выдачею книгъ и учебныхъ пособій, 3) снабженіемъ одеждою, пищею и пріютомъ неимущихъ, 4) пріисканіемъ нуждающимся занятій, 5) медицинской безплатной помощью подъ наблюденіемъ врача на дому, помѣщеніемъ на счетъ Общества въ больницы, содѣйствіемъ къ погребенію умершихъ и 6) назначеніемъ въ исключительныхъ случаяхъ денежныхъ пособій, причемъ для оказанія помощи, означенной въ пунктахъ 1, 2, 3 и 6 принимается во вниманіе не только степень нужды, но прилежаніе и поведеніе, засвидѣтельствованное начальствомъ.

Составъ Общества (§ 5) представляетъ неограниченное число лицъ обоего пола, всѣхъ званій, состояній и вѣроисповѣданій.

Члены Общества бываютъ почетные, избираемые Общимъ Собраніемъ за значительныя пожертвованія въ пользу Общества или за иныя существенныя услуги, и дѣйствительные, вносящіе въ кассу Общества ежегодно не менѣе 5 руб. или единовременно не менѣе 50 р. (§§ 6, 7, 8).

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе іюня—сентября въ редакцію вновь поступили слѣдующія пожертвованія: 1) отъ г-жи Малаховой—3 р., 2) отъ г-на А. Л. Берло —3 р., 3) отъ А. М. Борзенка, Е. М. Гурьева, Н. Мелеховскаго— по 1 р. 4) отъ Е. С. Пантелеймона—30 коп.,—всего *9* руб. *30* коп. что вмѣстѣ съ прежними *868* руб. *27* коп. (см. № 6), составитъ *877* руб. *57* коп., которые и отправлены въ Полтаву.

БИБЛІОГРАФІЯ.

И. Е. Рѣпинъ. Альбомъ картинъ и рисунковъ. *Изданіе В. В. Матэ. 1897. 2°, 16 листовъ.*

Художнику И. Е. Рѣпину посчастливилось на изданіе альбомовъ, заключающихъ въ себѣ коллекціи снимковъ съ его произведеній: въ апрѣльской книгѣ «Кіевской Старины» за 1895 годъ мы дали отзывъ о чрезвычайно изящно изданномъ Экспедиціею заготовленія государственныхъ бумагъ альбомѣ картинъ и рисунковъ И. Е Рѣпина, а въ концѣ прошлаго года вышелъ новый альбомъ, изданный извѣстнымъ граверомъ В. В. Матэ.

Какъ по количеству помѣщенныхъ въ немъ снимковъ [1]), такъ и по изяществу исполненія, этотъ альбомъ уступаетъ первому, хотя стóитъ дороже. Кромѣ того, тѣ, которые имѣютъ первый альбомъ и поспѣшатъ пріобрѣсть новый, могутъ испытать непріятное разочарованіе, когда въ этомъ новомъ альбомѣ они увидятъ въ значительной части то, чтó у нихъ уже есть, ибо половина снимковъ этого альбома взята изъ перваго альбома. Изъ нихъ нѣкоторые снимки представляютъ собою точно такое же воспроизведеніе, какое дано было первымъ альбомомъ, вслѣдствіе чего нужно думать, что оно выполнено по тѣмъ же клише, которыя названною экспедиціею были изготовлены для своего изданія; другіе снимки сдѣланы въ большемъ размѣрѣ, но не отличаются лучшимъ исполненіемъ, третьи же испол-

---

[1]) Въ первомъ альбомѣ было помѣщено 32 снимка (21 въ текстѣ и 11 на отдѣльныхъ листахъ), въ новомъ—16 снимковъ (всѣ на отдѣльныхъ листахъ).

нены хуже. Напримѣръ, картина «Смерть царевича Іоанна» въ первомъ альбомѣ была воспроизведена въ превосходной фотогравюрѣ, а въ новомъ альбомѣ ее воспроизводитъ посредственная гравюра на деревѣ П. И. Павлова.

Мы не можемъ одобрить такого плана изданія, находя, что прежде изданные снимки не нужно было смѣшивать съ новыми: если первый альбомъ распроданъ и имѣлось въ виду повтореніе изданія, то нужно было воспроизвесть всѣ снимки, помѣщенные въ первомъ альбомѣ, и непремѣнно обозначить, что это есть второе изданіе, чтобъ не вводить покупателей въ заблужденіе; а если цѣль изданія была—познакомить съ другими произведеніями И. Е. Рѣпина, не воспроизведенными въ первомъ альбомѣ, то не нужно было брать никакихъ снимковъ изъ прежняго изданія, а вмѣсто нихъ лучше было воспроизвесть тѣ картины И. Е. Рѣпина, которыя до сихъ поръ не были воспроизводимы въ снимкахъ (хотя бы, напримѣръ, указанныя нами въ отзывѣ о первомъ альбомѣ). Въ настоящемъ же своемъ видѣ альбомъ представляетъ собою нѣчто подобное тому, какъ если-бы кто нибудь, издавая собраніе своихъ сочиненій, половину второго тома этого собранія составилъ изъ перепечатокъ перваго тома.

Въ первомъ альбомѣ, отличавшемся, сравнительно съ новымъ альбомомъ, большимъ разнообразіемъ способовъ воспроизведенія, рисунки, кромѣ предисловія, сопровождались объяснительнымъ текстомъ съ біографическимъ очеркомъ И. Е. Рѣпина, въ новомъ же альбомѣ нѣтъ никакого текста, а также нѣтъ и предисловія, которое объясняло бы, почему именно было признано нужнымъ выпустить упомянутую смѣсь снимковъ, представляющихъ повтореніе прежде изданныхъ, съ новыми снимками.

Къ южнорусскому краю въ новомъ альбомѣ имѣютъ отношеніе только два снимка: гравированный на деревѣ В. В. Матэ снимокъ съ картины «Малороссіянка» (представляющей портретъ одной кіевлянки) и портретъ Н. В. Гоголя, рисованный съ дагеротипа, который изображаетъ Гоголя въ группѣ русскихъ художниковъ въ Римѣ и фототипическій снимокъ котораго былъ помѣщенъ Стасовымъ въ «Древней и Новой Россіи».

Н. Ш.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора-Лѣтописца. Книги X и XI; Кіевъ. 1896. 8 дол.

«Чтенія Несторовскаго общества» сохраняютъ прежній характеръ свой: оффиціальный отдѣлъ занимаетъ первыя 40—50 стр.; въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются сокращенныя изложенія сообщеній, сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ общества; затѣмъ, второй отдѣлъ—сообщенія и изслѣдованія, печатаемыя въ полномъ текстѣ. Отдѣлъ третій и самый объемистый—историческіе матеріалы. Въ нѣкоторыхъ, къ сожалѣнію не во всѣхъ, находится еще и библіографія (въ кн. 10-й обстоятельныя рецензіи А. М. Лазаревскаго объ «Исторіи Запорожскихъ козаковъ» г. Эварницкаго и В. З. Завитневича о «Мегалитическихъ памятникахъ Святой Земли» г. Олесницкаго, въ кн. 11-й —ни одной рецензіи). Нужно сказать, что общество Нестора, какъ будто узко-спеціальное, судя по докладамъ, далеко не носитъ въ дѣйствительности такого характера,—разнообразію и расширенію историческихъ темъ способствуютъ сообщенія и рефераты нѣкоторыхъ членовъ общества, напримѣръ, А. І. Степовича о Шафарикѣ «Характеристика личности и ученой дѣятельности его», „О сербскомъ писателѣ Ненадовичѣ и о болгарскомъ—Славейковѣ», «П. В. Владимірова—«О Русланѣ и Людмилѣ Пушкина; особенно интересны и разнообразны темы, затрагиваемыя проф. Лучицкимъ — «О задачахъ экономической исторіи» (кн. 10), «О крестьянскомъ землевладѣніи во Франціи до революціи». Иногда, впрочемъ, такіе доклады бываютъ и слишкомъ спеціальными. Выше указанные рефераты помѣщены въ «Чтеніяхъ» въ сокращенномъ изложеніи. Если сокращеніе ихъ имѣетъ въ виду помѣщеніе полнаго текста въ другихъ изданіяхъ, то оно вполнѣ оправдываемо такимъ соображеніемъ, но мало чѣмъ можно оправдать болѣе чѣмъ лапидарное изложеніе преній въ засѣданіяхъ общества. По поводу, напримѣръ, интереснаго доклада г. Лясконскаго «Археологическія находки близъ м. Таганча» несомнѣнно важныя и авторитетныя возраженія проф. Антоновича приводятся буквально въ слѣдующихъ выраженіяхъ: В. Б. Антоновичъ высказалъ мнѣніе, что, судя по вышеуказаннымъ (въ рефератѣ г. Лясконскаго) предметамъ—*нѣкоторые* изъ нихъ дѣйствительно относятся къ великокняжескому періоду и представляютъ большой научный интересъ, *другіе-же* могутъ быть пріурочены къ гораздо позднѣйшему времени и потому значенія не имѣютъ». На такое ненормальное

положеніе отчетовъ о преніяхъ «Общества» было между прочимъ обращено вниманіе и члена общества Л. С. Личкова, предложившаго *въ 1896 г.* вносить въ протоколы очередныхъ засѣданій хотя краткое изложеніе наиболѣе важныхъ возраженій, дѣлаемыхъ референту. Тогда же Совѣтъ Общества опредѣлилъ возложить составленіе излагаемыхъ возраженій на секретаря совмѣстно съ членомъ, дѣлающимъ возраженіе. Въ отчетахъ о преніяхъ *въ 1897-мъ г.*, между тѣмъ, уже *никакихъ* сообщеній о преніяхъ мы не находимъ (кн. 11-я). Дѣла «Общества Нестора Лѣтописца» растутъ и развиваются, число членовъ увеличивается, растутъ и матеріальныя средства: къ 27 окт. 1894-го г. оставалось 984 р. 74 к., къ тому же дню 1895-го г.—415 р., къ 27-му же окт. 1896-го г. въ наличности 2167 р. 6 к., что, впрочемъ, объясняется несоразмѣрными цѣнами по изданію IX-й (свыше 1500 р.) и X-й (менѣе 400 р.) книгъ «Чтеній», но отнюдь не членскими взносами, которыхъ, къ сожалѣнію, въ 1895-мъ г. поступило 275 р., а въ 1896-мъ г. всего лишь 185 рублей.

Наибольшій интересъ представляютъ въ сборникахъ, безъ сомнѣнія, сообщенія и изслѣдованія, помѣщенныя въ нихъ полнымъ текстомъ. Въ книгѣ 10-й такихъ изслѣдованій четыре: П. Л. «Къ вопросу о кіевскомъ митрополитѣ XII в. Михаилѣ», А. А. Андріевскаго «Послѣдніе кіевскіе сотники», Л. В. Падалки «По вопросу о времени основанія Полтавы» и В. Б. Антоновича «Объ уничтоженіи Ярославова вала». Послѣднее сообщеніе съ обычной для профессора доказательностью опровергаетъ археологическую чаромантію г. Кибальчича по поводу существованія на Кудрявцѣ (Кудрявскій и Подвальный переул.) Ярославова вала, срытія его и уничтоженія древностей въ 1895-мъ г. Г. Падалка указываетъ на то, что сомнительно относить основаніе города Полтавы къ домонгольскому періоду на основаніи словъ текста Слова о Полку Игоревѣ: *Игорь же поѣха противу Половцемъ и переѣха Върсколъ у Лтавы къ Переяславлю.* Авторъ статьи скорѣе склоненъ относить ко времени Витовта и по словообразованію (*пол*ѣ*т*, суффиксъ *ав*) названіе города производитъ отъ *плотъ* (плот) и сближаетъ его съ названіемъ Полоцка (Полтескъ). Въ книгѣ 11-й, кромѣ разносторонне разсмотрѣннаго вопроса о первомъ русскомъ митрополитѣ Михаилѣ, помѣщено сообщеніе Н. Н. Оглоблина о Расходной книгѣ Кіев. приказ. избы 1675—1676 гг. Въ обоихъ томахъ помѣщенъ цѣлый рядъ матеріаловъ. Наибольшее мѣсто удѣлено матеріаламъ для исторіи За-

падно-Русской церкви XVIII-го в., сообщенныхъ г. Голубевымъ. XI-я книга (немногимъ менѣе половины ея: стр. 34—203) занята «Историческими очерками Полтавской Лубенщины XVII—XVIII вв. А. М. Лазаревскаго. Насколько интересна эта работа, читатели могутъ убѣдиться хотя бы изъ краткой передачи одного эпизода въ исторіи Лубенщины: можетъ быть, этотъ отрывокъ разубѣдитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ томъ, что всѣ эти матеріалы и сообщенія—довольно скучная исторія.

Село Клищинцы на р. Сулѣ принадлежало семьѣ Лысенковъ. Лысенки получили эту маетность вмѣстѣ съ селомъ Галицкимъ около 1737 г. Первою заботою Лысенковъ было увеличеніе числа крестьянъ въ новой маетности. Однимъ изъ путей для этого было «верстаніе» козаковъ, т. е. переписка ихъ въ крестьянъ. Къ этому и приступилъ владѣтель Клищинецъ и «поработилъ» болѣе 15 дворовъ козачьихъ. Только лѣтъ черезъ 20 стало жаль козакамъ своего козачества, когда къ нимъ стали предъявлять очень ужъ большія требованія. Въ 1758-го г. они начали ходатайствовать о возвращеніи правъ у своего Лубенскаго полковника, результатомъ чего было усмиреніе жалобщиковъ. «Сыскавши всѣхъ жаловавшихся, ихъ позакидали въ погребъ съ завязанными назадъ руками и держали тамъ недѣли двѣ, а потомъ, выводя изъ погреба, потрижды покладая, били немилосердно». Такимъ образомъ «бунтовщики» снова были «подвернуты подъ владѣніе» Лысенковъ. Но этого было мало. Послѣ долгихъ волокитъ была назначена комиссія съ мѣстнымъ сотникомъ Сахновскимъ во главѣ, которая разсмотрѣла въ началѣ 60-хъ гг. сословное положеніе живущихъ козаковъ и крестьянъ въ Клищинцахъ и весьма многихъ новыхъ козаковъ занесла въ списокъ подданныхъ какъ Лысенка, такъ и ближайшаго его родственника, генеральнаго писаря Туманскаго; и дѣйствительно, присужденные къ подданству козаки въ ревизію 1764 г. записаны были подданными Туманскаго и Лысенковъ. Тутъ то и началась настоящая волокита. Новые подданные подаютъ пространную жалобу въ Малороссійскую коллегію. Туда же подаетъ и Туманскій встрѣчную жалобу; въ ней онъ говоритъ о тѣхъ своихъ «крестьянахъ», которые «въ поданномъ своемъ въ Малор. коллегію доношеніи клевещутъ на меня съ шуриномъ моимъ Лысенкомъ, будто мы ихъ изъ козаковъ самовольно привернули въ подданство». Генеральный судъ призналъ всѣ рѣшенія Сахновскаго незаконными; но однако же Малороссійская коллегія,

соглашаясь съ рѣшеніемъ суда, оставила козаковъ въ подданствѣ у владѣтелей Клищинецъ. Видя, что толку отъ законнаго хода дѣла не будетъ, Клищинскіе обыватели заволновались. Неповиновеніе было объявлено бунтомъ. И вотъ съ лѣта 1767-го г. начинается продолжительное усмиреніе бунтовщиковъ. Благодаря нетактичности усмирявшихъ, колебанію властей, чувствовавшихъ шаткость юридическихъ основаній въ правотѣ «державцевъ», наконецъ, раздраженію населенія, неповиновеніе все больше разросталось, и дѣйствитеьно, приняло характеръ настоящаго бунта. Надо самому прочесть живыя страницы описанія этого бунта. Мы заимствуемъ только два эпизода изъ послѣднихъ событій «усмиренія», когда бунтовщики удалились изъ села въ особое укрѣпленіе «городокъ», гдѣ и окопались, а къ самой императрицѣ въ Петербургъ послали «жалобщиковъ». Всякія средства предпринимались противъ ослушниковъ вплоть до увѣщеванія священника. Клищинцы отвѣчали посланному: прійди ты, отче, къ намъ съ евангеліемъ и всѣхъ насъ выисповѣдай! А мы нынѣ пришедшихъ къ намъ пушекъ, гранатъ и другой стрѣльбы—не боимось и въ руки ихъ не поддамось, а на своей земли желаемъ и умерти! И пусть та скурва старшина, полковникъ и сотникъ Булюбашъ, да въ томъ числѣ и Іосифъ Лысенко, напередъ предъ командою идутъ къ намъ, ибо намъ де того и хочется, такъ какъ додому здоровы уже не имѣютъ пойти,—всмерть побьемо»! Наконецъ для усмиренія бунтовщиковъ наряженъ былъ энергичный бунч. тов. Данило Требинскій. Послѣдній доносилъ въ августѣ 1770-го г., что по прибытіи его въ Клищинцы съ командою, на него напали бунтующіе, вооруженные ружьями, направецъ набитыми косами и другими орудіями, и хотя онъ ихъ отбилъ, но они, удалясь въ раньше устроенное укрѣпленіе, бранили его оттуда и стрѣляли въ команду, при чемъ ранили двухъ козаковъ. Однакожъ Т-скій, употребивъ нѣкоторыя хитрости, заставилъ ихъ бросить то укрѣпленіе и занять новое—въ селитреномъ «майданѣ», гдѣ они обставили себя бочками и возами, насыпанными землею. «И какъ примѣчать можно, говоритъ Т—ій, въ томъ укрѣпленіи бунтующихъ до 200 чел., кромѣ женъ и дѣтей». Въ заключеніе Т. просилъ «о прибавленіи команды изъ способнѣйшихъ сотенъ при командирахъ для взятія бунтовщиковъ». Получивъ подмогу, Т. пошелъ 21 сент. съ командою къ селитреному майдану, гдѣ засѣли бунтовщики, и какъ только приблизился къ нимъ, то они «не слушая увѣщаній начали въ его команду стрѣлять изъ ружей

пулями. И какъ то ихъ укрѣпленіе представляло добрый редутъ (ибо окопано было кругомъ рвомъ, вглубь и вширъ по сажени, и высыпано валомъ выше человѣка, почему ихъ и видѣть было трудно), то онъ, Т—ій, раздѣлилъ свою команду на 2 части, изъ которыхъ одну послалъ на противоположную сторону ихъ укрѣпленія; бунтовщики попробовали было дѣлать вылазки, но Т. отъ своей стороны лично отбивалъ эти вылазки, а съ другой успѣшно штурмовалъ бунтовщиковъ Ирклѣевскій козакъ Матвѣй Драй, который одного изъ бунтовщиковъ и живымъ поймалъ, при чемъ, впрочемъ, и бунтовщики одного козака захватили и тутъ же въ смерть замучили, а другого опасно ранили. Но въ это время Т. успѣлъ зажечь около «майдана» хату, а потомъ приказалъ бросать и солому и, благодаря вѣтру, огонь отъ загорѣвшейся хаты вытѣснилъ бунтовщиковъ изъ майдана, и они бросились бѣжать»... Хотѣлъ было Т. не пустить бѣжавшихъ съ майдана, но ватажокъ ихъ Прокопъ Билимъ, взявъ съ собой человѣкъ 10, напалъ на Т., чтобы дать возможность своимъ уйти отъ огня, и напалъ такъ «азартно», что бывшіе при Т. козаки, человѣкъ до 30, оставя его самого со старшинами своими, бѣжали, почему Т. принужденъ былъ отъ Кл-цевъ спасаться обороною, при чемъ хотя нѣсколькихъ и ранилъ, въ томъ числѣ и самого ватажка, но остальные 5 чел. изъ нападавшихъ до тѣхъ поръ не отступали, пока его, Т—скаго, съ ногъ не сбили и больно ранили... Козаки же его, Т—аго, находясь отъ него въ 10 саженяхъ, никакой помощи ему не дали. Однакожъ остальная «команда» овладѣла укрѣпленіемъ бунтовщиковъ, и послѣдніе были арестованы. Посчитавъ ихъ, оказалось, что «по списку въ бунтѣ состояло 176 чел., изъ нихъ взято въ укрѣпленіи 53, да оказалось убитыхъ 7, а прочіе всѣ бѣжали» (стр. 189). По усмиреніи бунта послѣдовали, конечно, всевозможныя кары.

«Клищинскій бунтъ» говоритъ г. Лазаревскій, представляетъ собою любопытный эпизодъ изъ общественной жизни старой Малороссіи к. XVIII в. Породившія его причины наглядно показываютъ, какъ недостаточно обезпеченъ былъ народъ въ пользованіи насущными своими правами, когда съ послѣдними сталкивались личные интересы даже не крупныхъ лицъ, но умѣлыхъ канцелярскихъ дѣльцовъ. Судъ Сахновскаго былъ измышленъ однимъ изъ такихъ дѣльцовъ; призванные имъ подсудимые не вѣрили въ дѣйствительность такого *домашняго* суда; негоднымъ судомъ признало его и высшее въ краѣ судебное учрежденіе, и тѣмъ не менѣе приговоры Сахнов-

скаго возымѣли свою силу, и населеніе цѣлаго села, не вѣрившее и тогда въ возможность такого безправія, было разорено и уничтожено. Для насъ въ высшей степени интересна роль, которую въ этомъ дѣлѣ играла Глуховская коллегія: какъ видно, не смотря на присутствіе въ ней лицъ, которыя, казалось, могли гарантировать населенію правый судъ, въ коллегіи царилъ тотъ канцеляризмъ, при которомъ совсѣмъ трудно было народу добиться правды... Ни Румянцовъ, ни *прокуроръ* не могли защитить народъ, когда дѣло касалось той старшины, которая при Разумовскомъ была деморализована въ конецъ произволомъ, царившимъ въ ея общественной дѣятельности.

И. Ж.

В. Ц—овскій. *Кіевскій политехническій институтъ императора Александра II.* Кіевъ, 1898 (Стр. 39).

Въ этой брошюрѣ весьма обстоятельно изложены главныя данныя по исторіи возникновенія самой мысли объ устройствѣ въ г. Кіевѣ второго университета—техническаго, и разсказано, какъ эта мысль выполнялась до настоящаго времени (августъ 1898 г.). Заслуги разныхъ лицъ и вѣдомствъ, принявшихъ участіе въ этомъ крупномъ дѣлѣ, нашли справедливую оцѣнку и признаніе. Списокъ пожертвованій не полонъ (стр. 38) [1]).

Какъ видно, авторъ располагалъ достаточными данными при составленіи своего труда. Поэтому слѣдуетъ пожалѣть, что онъ не вошелъ въ дальнѣйшія подробности при изложеніи первоначальнаго проекта устава, составленнаго въ Кіевѣ и послужившаго основаніемъ для устава утвержденнаго. Это дало-бы возможность читателю составить себѣ мнѣніе о разницѣ этихъ двухъ актовъ въ ихъ существенныхъ основаніяхъ (напр., по вопросу о конкурсныхъ экзаменахъ, о положеніи профессоровъ и преподавателей и т. д.). Но было-бы не справедливо упрекать трудолюбиваго автора за такой пробѣлъ: оцѣнить все значеніе этой разницы—дѣло будущаго историка института. Настоящая брошюра будетъ служить очень цѣннымъ пособіемъ для составленія этой исторіи.

Н. М.

---

[1]) Подъ № 81 несомнѣнная опечатка: Я. Б. Эпштейномъ пожертвовано на устройство института не 24.000 р., а 2400 р; пожертвованіе гр. Бобринскихъ (стр. 39) сдѣлано не на стипендіи, а на устройство института.

Н. Стороженко. Мелочи для біографіи Шевченка. («Русская Мысль», 1898, № 6, стр. 197—203).

Эта небольшая статья основана на матеріалахъ, извлеченныхъ авторомъ изъ Архива Департамента исполнительной полиціи. Въ ней разсказывается исторія второго изданія «Кобзаря». Въ статьѣ приведено въ русскомъ переводѣ неизвѣстное доселѣ предисловіе Шевченка къ предполагавшемуся второму изданію, написанное въ 1847 г. въ Седневѣ, письмо Шевченка къ шефу жандармовъ кн. В. А. Долгорукову 1858 г. съ просьбой о разрѣшеніи этого изданія и отзывъ члена главнаго управленія цензуры Тройницкаго, которому поручено было разсмотрѣть сочиненія Шевченка. Далѣе кратко говорится о цензированіи «Кобзаря» цензоромъ Бекетовымъ, защитѣ «Кобзаря» отъ цензорскихъ урѣзокъ министромъ нар. просвѣщенія Ковалевскимъ, переговорахъ Шевченка съ книгопродавцемъ Кожанчиковымъ (названнымъ въ статьѣ Кожевниковымъ) и ссудѣ въ 1100 р. на изданіе, выданной Шевченку П. Д. Семиренкомъ.

А. М. *Кіевскій храмъ св. апостола Андрея Первозваннаго.* (Историческая справка о построеніи церковнаго зданія и позднѣйшихъ строительныхъ въ немъ работахъ). Кіевъ, 1898. (Стр. 18).

Исторія этого храма представляетъ собою безпрестанный вопль о ремонтѣ. Уже въ 20-лѣтній промежутокъ между началомъ работъ и освященіемъ храма (1746—1767 г. г.) потребность въ ремонтѣ дала себя чувствовать, но удовлетворена не была, ибо храмъ былъ уже всѣми забытъ, заброшенъ (стр. 6). Десять лѣтъ спустя храмъ переданъ въ вѣдѣніе кіевскаго магистрата, а съ 1785 г.—думы. Бури и вихри довершали губительное дѣйствіе времени и нерадѣнія. Просьбы объ отпускѣ денегъ на ремонтъ удовлетворялись обыкновенно лишь по истеченіи очень продолжительныхъ сроковъ, которые требовались для закругленія переписокъ между «подлежащими» вѣдомствами: все зависѣло болѣе или менѣе отъ случайностей.

Серьезный ремонтъ произведенъ въ 1825—1828 г. (на сумму свыше 30000 р.), такъ какъ еще въ 1815 г. бурей сорвано два креста вмѣстѣ съ главами. Сохранены-ли при этомъ ремонтѣ прежнія формы снесенныхъ главъ—неизвѣстно. Десять лѣтъ спустя новый ремонтъ на крупную сумму, но черезъ годъ уже собираются пожертвованія на ремонтъ храма и т. д., и т. д.

Настоящая брошюра явилась по поводу послѣднихъ ремонтныхъ работъ 1895 года. Какъ извѣстно, возникъ вопросъ объ искаженіи средняго купола. Дѣло въ томъ, что ремонтъ производился по чертежамъ приблизительнымъ, которые не могли служить для опредѣленія художественныхъ линій купола. Когда, въ августѣ 1895 года, работы подвинулись настолько впередъ, что верхняя часть лѣсовъ была убрана, то обнаружились измѣненія въ очертаніяхъ средняго купола. Для возстановленія прежнихъ очертаній образована была особая коммисія, которая занялась розысканіемъ старыхъ чертежей храма. Благодаря случайному обстоятельству (снимокъ кіевскаго фотографа Лазовскаго), удалось обнаружить, что при ремонтѣ 1895 г. измѣнена средняя глава (луковица) и ея шейка, самый же куполъ остался въ прежнемъ видѣ. Ошибка была исправлена, и нынѣ храмѣ имѣетъ тотъ же видъ, что и до ремонта.

Чертежей гр. Растрелли не отыскано, несмотря на самые тщательные поиски какъ на мѣстѣ, такъ и въ обѣихъ столицахъ.

Указанія по этому поводу мѣстной печати провѣрены и оказались большею частью лишенными всякаго значенія. Заманчива была мысль—воспользовавшись ремонтомъ 1895 г., дать верхнимъ частямъ храма форму, предначертанную знаменитымъ г. Растрелли, но отъ этого пришлось отказаться. Какія измѣненія потерпѣлъ храмъ до 1828 г.—также неизвѣстно въ точности. Приходится ожидать новаго ремонта, который вѣрно не за горами,—авось начнутся поиски болѣе счастливые и будетъ уловленъ истинный растрелліевскій типъ.

Во всякомъ случаѣ, въ самомъ фактѣ такихъ поисковъ нельзя не видѣть значительнаго успѣха культурныхъ нравовъ, и вотъ почему настоящая брошюра, гдѣ сведены справки о прежнихъ ремонтныхъ работахъ, подлежитъ отмѣткѣ на страницахъ «Кіевской Старины» [1]).

Н. М.

[1]) Ремонту 1895 г. обязана своимъ происхожденіемъ и историческая справка г. К. Здравомыслова: „Данныя архива св. синода о кіевской церкви св. апостола Андрея первозваннаго", напечатанная, вмѣстѣ со снимкомъ 1809 г., въ „Кіев. Старинѣ" 1897 г. № 4, отд. докум., изв. и зам., стр. 1—12. Справка принята во вниманіе авторомъ настоящей брошюры.

Або, якъ казку кажешъ прудко,
Перомъ въ папери, якъ пыснешъ
Эней въ Дидоны жывъ не мало, [1])
Що зъ головы его пропало,
Куды его Зевесъ пославъ.
Винъ годивъ зо-два тамъ просы-
дивъ,
А мабуть-бы и бильшъ проныдивъ,
Якъ бы его врагъ не спиткавъ.

*
* *

Колысь Юпитеръ ненарокомъ
Изъ неба глянувъ и на насъ; [2])
И кынувъ въ Карфагену окомъ,
Ажъ тамъ Трояньськый мартоплясъ!
Розсердывся и розкрычався,
Ажъ цилый свитъ поколыхався,— [3])
Энея лаявъ на ввесь ротъ:
„Чи такъ-то, гадивъ сынъ, винъ
слуха? [4])
Убрався въ патоку, мовъ муха, [5])
Засивъ, якъ у болоти чортъ: [6])
„Пійдить, гинця мени клыкните,
До мене заразъ щобъ прыйшовъ;
Глядить же, цупко прикрутите,
Щобъ винъ въ шиньокъ та не зай-
шовъ, [7])
Бо хочу я кудысь послаты,
И йонъ и йонъ-же, вража маты,—
Але Эней нашъ злодащивъ;
А то Венера все свашкуе,
Энеечка свого муштруе,
Щобъ винъ зъ ума Дидону звивъ".

*
* *

Прыбигъ Меркурій, засапавшысь,
Въ три ряды питъ зъ його котывъ;
Ввесь ремницями обвязавшысь,
На голову брыль наложывъ [8]).
На грудяхъ зъ бляхою ладунка,
А з-зади съ сухарямы сумка,
Въ рукахъ нагайськый малахай.
Въ такимъ наряди влизшы въ хату, [9])
Сказавъ: „готовъ уже я, тату,
Куды ты хочешъ, посылай".
—„Бижы лышъ швыдче въ Кар-
фагену",
Зевесъ гинцеви такъ сказавъ,
„И пару розлучы скажену,
Эней Дидону-бъ забувавъ.

---

[1]) Эней въ гостяхъ прожывъ не мало. Изд. 1842 г.
[2]) Зъ Олымпа глянувъ и на насъ. Тамъ-же.
[3]) Ажъ свитъ увесь. . . Изд. 1808 г.
[4]) Чи такъ-то, бисивъ сынъ. . . Тамъ-же.
[5]) Улизъ у патоку. Изд. 1808 г.
[6]) Засимъ буцимъ въ болоти чортъ. Изд. 1842 г.
[7]) Щобъ у шынокъ винъ не зайшовъ. Изд. 1808 г.
[8]) На голову винъ брыль надивъ. Тамъ же.
[9]) Въ такимъ наряди влизъ у хату. Тамъ же.

Нехай лышъ видтиль уплитае
И Рыма строиты чухрае,—
А то залигъ, мовъ въ груби песъ.
Колы-жъ винъ буде що мешкаты, [1])
То дамъ ему себе я знаты!
Оттакъ сказавъ, скажы, Зевесъ!".

***

Меркурій нызько поклонывся,
Передъ Зевесомъ брыль изнявъ,
Черезъ поригъ переналывся,
До стани швыдче тягу давъ [2]).
Покынувшы изъ рукъ нагайку,
Запригъ винъ мыттю чортопхайку;
Черкнувъ изъ неба, ажъ курыть!
И все кобылокъ поганяе,
Що оглобельна ажъ брыкае.
Помчалы, ажъ визокъ скрыпыть!
Еней тогди купався въ бразп,
И на полу укрывшысь, лигъ;
Ему не снылось о прыкази,
Якъ ось Меркурій въ хату вбигъ!
Смыкнувъ изъ полу мовъ пся-юху; [3])
„А що ты робышъ? пьешъ сывуху!"
Зо всего горла закрычавъ.
„А ну лышъ, швыдче убырайся,
Зъ Дидоною не женыхайся,
Зевесъ походъ тоби сказавъ.

***

Чи се-жъ такы до дила робышъ,
Що й доси тута загулявсь!
Та швыдко и не такъ заробышъ, [4])
Зевесъ не дурно похвалявсь.
Получышъ добру халазію, [5])
Винъ выдавыть зъ тебе олію,
Отъ тилькы й що тутъ побарысь!
Гляды-жъ, сегодня щобъ убрався,
Щобъ ныщечкомъ видсиль укрався,
—„Мене у друге не дождысь!"—.
Эней пиджавъ хвистъ, мовъ собака,
Мовъ Каинъ затрусывсь увесь;
Изъ носа потекла кабака—
Уже винъ знавъ якый Зевесъ.
Шатнувся мыттю самъ изъ хаты,
Своихъ Троянцивъ позбыраты,
Зибравшы, давъ такый прыказъ:
„Якъ можна швыдче укладайтесь,
Зо всимы клункамы збирайтесь,
До моря швендяйте якъ разъ!"—

***

А самъ, вернувшыся въ будынкы,
Свое лахмиття позбыравъ;
Мызоріи наклавъ дви скрынькы,
На човенъ заразъ одиславъ;

---

[1]) Коли-же винъ буде ще гуляты. Изд. 1842 г.
[2]) До стани мыттю тягу давъ. Изд. 1808. г.
[3]) И закрычавъ мовъ на пся-юху. Тамъ-же.
[4]) Та швыдко бо не такъ извомыышъ. Тамъ-же
[5]) Тоби дать добру халазію. Тамъ-же

И дожыдався тилько ночи,
Що якъ Дидона зимкне очи,
Щобъ не прощавшысь тягу дать. [1])
Хоть винъ за нею и журывся,
И свитомъ цилый день нудывся,—
Та ба! вже треба покыдать.
Дидона заразъ одгадала,
Чого сумуе панъ Еней,
И все на усъ соби мотала,
Щобъ умудрытыся и ѣй.
З-за печи часто выглядала,
Прыкынувшысь, буцимъ куняла [2])
И мовъ вона хотила спать.
Еней-же думавъ, що вже спала,
И тилькы що хотивъ дать драла,
Ажъ ось Дидона за чубъ—хвать.

* * *

„Постій, прескурвый вражый сыну!
Зо мною перше росплатысь;
Отъ задушу, якъ злу лычыну!
Ось ну лышъ, тилько завертысь!
Оттакъ за хлибъ, за силь ты платышъ?
Ты всимъ прывыкшы насмихатысь, [3])
Роспустышъ славу по мени!
Нагрила въ пазуси гадюку,
Що писля прычыныла муку,— [4])
Послала пуховыкъ свыни.
Згадай, якый прыйшовъ до мене,
Що ни сорочкы не було;
И постоливъ чортъ-мавъ у тебе,
Въ кышени-жъ пусто, ажъ гуло!
Чи знавъ ты, що такее гроши? [5])
Мавъ безъ матни одни калоши
И тилькы слава, що въ штанахъ;
Та й те порвалось и побылось
Ажъ глянуть соромъ, такъ свитылось;
Свытына вся була въ латкахъ“.

* * *

Чи я-жъ тоби та не годыла?
Хиба рижна ты захотивъ?
Десь вража маты пидкусыла,

---

[1]) . . . драла дать. Тамъ-же.

[2]) А притворылась, що куняла. Тамъ-же.

[3]) Привыкъ усимъ ты насмихатысь. Тамъ-же.

[4]) . . . изробыла муку. Изд. 1842 г.

[5]) Не знавъ ты, що такее гроши;
Матня порвалась и калоши,
Рубець бувъ на рубци въ штанахъ.
И все порвалось и побылось
Ажъ тило кризь диркы свитылось,
Свытына вся була въ латкахъ...
Чи я-жъ тебе не годовала,
Хиба ты трасци захотивъ?

Щобъ хырный тутъ ты не сыдивъ»!
Дидона гирко зарыдала,
И зъ сердця ажъ волосся рвала,
И закраснилася, мовъ ракъ,
Запинылась, посатанила
Неначе дурману иззила,
Залаяла Энея такъ:
—„Поганый, мерзкый, скверный, брыдкый, [1]
Никчемный, ланець, католыкъ!
Гульвиса пакосный, престыдкый,
Негидный, злодій, еретыкъ?
За кучму сю твою велыку,
Якъ дамъ ляща тоби я въ пыку,
То тутъ тебе лызне и чортъ!
И очи выдеру изъ лоба
Тоби диявольска худоба
Трясесся, мовъ зимою хортъ!...

*
* *

„Мандруй до чорта изъ рогамы, [2]
Нехай тоби присныться бисъ!
Съ твоими сучымы сынамы,
Щобъ врагъ побравъ васъ всихъ, гульвисъ!—
Щобъ ни горилы, ни болилы,
На чыстому щобъ поколилы, [3]
Щобъ не оставсь ни чоловикъ;
Щобъ доброи не зналы доли,
Булы щобъ зъ вамы злыи боли,
Щобъ вы шаталыся повикъ“!—
Эней видъ неи отступався,
Покы зайшовъ черезъ поригъ,
А дали ажъ не оглядався,
Зъ двора въ собачу рысть побигъ. [4])
Прибигъ къ Троянцямъ, засапався,
Обмокъ въ поту, якъ бы купався,
Мовъ съ торгу въ школу курохватъ;
Потимъ у човенъ хутко сившы [5])
И ихаты своимъ велившы,
Не оглядався самъ назадъ.

*
* *

Дидона тяжко зажурылась,
Ввесь день ни ила, ни пыла;
Все тосковала, все нудылась,
Крычала, плакала, ревла.
То бигала, якъ-бы шалена,
Стояла довго торопленна,
Кусала ногти на рукахъ;
А дали сила на порози,
Ажъ занудыло ій небози,
И не встояла на ногахъ.

---

[1]) Поганый, мерзкый, гидкый, брыдкый!
Бурлакъ, разбійныкъ, католыкъ. Тамъ-же.

[2]) Мандруй до сатаны зъ рогамы. Изд. 1842 г.

[3]) На чыстоту щобъ... Тамъ-же.

[4]) Зъ двора собака мовъ побигъ. Изд. 1808 г.

Сестру клыкнула на пораду, [1])
Щобъ горе злее росказать,
Энееву оплакать зраду
И льготы сердцю трохы дать.
„Ганнусю, рыбко, душко, любко,
Ратуй мене, моя голубко!
Теперъ пропала я на викъ!
Энеемъ кынута я бидна,
Якъ сама поплюга послидня...
Эней злый змій—не чоловикъ!

*
* *

Нема у серця мого сылы,
Щобъ я могла його забуть;
Куды мни бигты? до могылы!
Туды одынъ надежный путь!
Я все для його потеряла,
Людей и славу занедбала,
Богы! я зъ нымъ забула васъ.
Охъ! дайте зилля мни напытысь,
Щобъ серцю можна́ розлюбытысь,
Утыхомырытысь на часъ.
Нема на свити мни покою,
Не ллються слезы изъ очей,
Для мене билый свитъ есть тьмою,
Тамъ ясно тилько, де Эней.
О пуцверынку Купыдоне!
Любуйся, якъ Дидона стогне...
Щобъ ты маленькымъ бувъ пропавъ!
Познайте молодыци гожи,—
Зъ Энеемъ бахури вси схожи;
Щобъ врагъ зрадлывыхъ всихъ побравъ!

*
* *

Такъ бидна зъ горя говорыла
Дидона й жызнь свою кляла,
И Ганна, що ій не робыла,
Ніякой рады не дала.
Сама зъ царыцей горювала
И сльозы рукавомъ втырала,
И хлыпала соби въ кулакъ.
Потимъ Дидона мовъ унышкла,
Звелила, щобъ и Гандзя выйшла,
Щобъ ій насумуватысь въ смакъ.
Довгенько такъ посумувавшы,
Пишла въ будынкы на поетиль; [2])
Подумавшы тамъ, погадавшы,
Проворно скочыла на пилъ
И взявшы зъ запичка кресало,
И клоччя въ пазуху чимало,
Тыхенько выйшла на городъ.
Ночною се було добою
И самой тыхою порою,
Якъ спавъ хрещеный весь народъ.

*
* *

Стоявъ у неи на городи, [3])

---

[1]) Начиная этимъ стихомъ, (сестру клыкнула на пораду) въ изд. 1808 не достаетъ около 40 строкъ, помѣщенныхъ авторомъ въ его изд. 1809 г., т. е. до стиха „Довгенько такъ посумувавшы“.

[2]) Пишла у хату . . . Изд. 1808 г.

[3]) Стоявъ въ Дидоны у загони,
Зъ кизяку зложеный кырпычъ,
Его волы прыдбалы й кони—

Въ костри на зиму очеретъ;
Хочъ се не по царській породи,
Та де-жъ взять дровъ, колы все степъ!
Въ костри бувъ зложеный сухенькый,
Якъ порохъ бувъ уже палкенькый,
Его держалы на пидпалъ; [1]
Пидъ нымъ вона огонь кресала
И въ клоччи гарно розмахала
И развела пожаръ чималъ.

Кругомъ костеръ той запалывшы,
Зо всей одежи роздяглась,—
Въ огонь лохмиття все зложывшы, [2]
Сама въ огни симъ простяглась.
Вкругъ неи поломья палало,
Покійныци не выдко стало,
Пишовъ видъ неи дымъ и чадъ!
Энея такъ вона любыла,
Що ажъ сама себе спалыла,
Послала душу къ чорту въ адъ.

ЧАСТЬ ДРУГА.

Эней, поплывшы сынимъ моремъ,
На Карөагену оглядавсь;
Боровсь съ своимъ сердега горемъ,
Слизьмы, бидняжка, облывавсь. [3]
Хоть отъ Дидоны плывъ поспишно,
Та плакавъ гирко, неутишно.
Почувшы-жъ, що въ вогни спеклась,
Сказавъ:—„нехай ій вичне царство,
Мени-же довголитне панство
И щобъ друга вдова найшлась"!—
Якъ ось и море стало граты,
Велыки хвыли пиднялысь,
И витры зачалы бурхаты,
Ажъ човны на мори тряслысь.

Водою чортъ-зна якъ крутыло,
Що трохы всихъ не потопыло,
Вертилысь човны, мовъ дурни.
Троянци зъ страху задрижалы
И що робыты вси не зналы,
Стоялы мовчкы вси смутны.
Одынъ зъ Троянськои ватагы,
По ихъ винъ звався Палинуръ;
Сей бильше мавъ другыхъ одвагы,
Смиленькый бувъ и балагуръ;
Що попередъ сей схаменувся
И до Нептуна оклыкнувся:
„А що ты робышъ, панъ Нептунъ?
Чи се и ты пустывсь въ ледащо,

---

[1]) Его держали на пидкладъ—
Отутъ она огонь кресала. Изд. 1808.

[2]) Въ огонь оцету положывшы,
Да и сама тутъ улеглась. Тамъ же.

[3]) Слизьмы, небижчикъ... Изд. 1808.

Що хочешъ насъ звесты ни на що,
Хиба пивкопы вже забувъ?"—
А дали писля сеи мовы
Троянцямъ такъ винъ всимъ ска-
завъ:
„Бувайте братця, вы здорови!
Отце Нептунъ замудрувавъ.
Куды теперъ мы, братця, пійдемъ,—
Въ Италію мы не доидемъ?
Бо море дуже щось шпуе.
Италія видеиль не блызько,
А моремъ въ бурю ихать слызько,
Човнивъ нихто не пидкуе.

***

Оттутъ земелька есть, хлопьята,
Видеиль вона не вдалеку,
Сыцылія земля багата,
Вона мени щось по-знаку.
Дмухнемъ-лышъ, братця, мы до неи
Збуваты горести своеи;
Тамъ добрый царь жыве Ацестъ.
Мы тамъ, якъ дома, очуняемъ
И, якъ у себе, загуляемъ,
Всього багацько въ нього есть". [1])
Троянци разомъ прыйнялыся [2])
И сталы весламы гребты.
Якъ стрилкы, човныкы неслыся,
Мовъ зъ-заду пхалы ихъ чорты.
Ихъ Сыцылійци якъ уздрилы,
То зъ города, мовъ подурилы,
До моря биглы вси встричать.
Тутъ мижъ собою роспыталысь,
Чоломкалысь и обнималысь, [3])
Пишлы до короля гулять.

***

Ацестъ Энею, якъ-бы брату,
Велыку ласку показавъ,
И заразъ попросывъ у хату, [4])
Горилкою почастувавъ;
На закуску наклалы сала,
Лежала ковбаса чимала
И хлиба повне решето.
Троянцямъ всимъ далы тетери
И видпустылы на квартери:
Щобъ йшлы, куды потрапыть хто.
Тутъ заразъ пиднялы бенькеты,
Замуркоталы, якъ коты,
И въ кахляхъ понесли пашкеты [5])
И кисилю имъ до сыты;
Гарячую, мяку бухынку,
Зразову до рижкивъ печинку,
Гречаныхъ съ часныкомъ пампухъ.
Эней съ дорогы налыгався
И пинной такъ нахлыстався,—

---

[1]) Всього у нього вдоволь есть... Изд. 1842 г.
[2]) Троянци разомъ припялыся. Изд. 1808.
[3]) Здоровкалысь и обнималысь. Тамъ-же.
[4]) И заразъ попросивши въ хату. Тамъ-же.
[5]) У кахляхъ пиднесли... Тамъ-же.

Трохы не выперсь зъ його духъ; [1])
Эней, хоть трохы бувъ пидпылый
Та зъ розумомъ не потерявсь, [2])
Винъ сынъ бувъ богобоязлывый,
По смерти батька не цуравсь.
Въ сей день отець його опрягся,
Якъ чикылдыхы обижрався,—
Анхызъ зъ горилочкы умеръ.
Эней схотивъ обидъ справляты,
И тутъ старцивъ нагодоваты,
Щобъ Бигъ души свій рай одперъ.
Зибравъ Троянську всю громаду
И самъ пишовъ на двиръ до ныхъ
Просыть у ихъ соби пораду,
Сказавъ имъ ричъ въ словахъ такыхъ:
„Панове, знаете, Трояне
И вси хрещеныи мыряне,
Що мій отець бувавъ Анхызъ.
Его сывуха запалыла
И жывота укоротыла,
И винъ, якъ муха въ зиму, слызъ.

***

Зробыты помынкы я хочу,
Поставыты обидъ старцямъ.
И завтра-жъ дали, не одстрочу;— [3])
Скажите—якъ здаеться вамъ?
Сего Троянци и бажалы
И вси у голосъ закрычалы:
„Энею, Боже, помогы. [4])
И колы хочешъ, пане, знаты,
И самы будемъ помагаты,
Бо мы тоби не ворогы.
И заразъ мыттю вси пустылысь [5])
Горилку, мьясо куповать,
Хлибъ, бублыкы, кнышы вродылысь,
Пійшлы посуды добувать;
И колыво зъ кути зробылы,
Сыты изъ меду насытылы,
Договорылы и попа. [6])
Хазяинивъ своихъ ззывалы,
Старцивъ по улыцяхъ шукалы,
Пишла на дзвинъ дякамъ копа.

***

На другый день раненько всталы,
Огонь на двори розвелы
И мьяса въ казаны наклалы,
Варылы страву и пеклы.
Пять казанивъ стояло юшкы,
А въ чотырьохъ булы галушкы,

[1]) Трохи не выперъ... Изд. 1808 г.
[2]) Та зъ розумомъ такы зибравсь. Изд. 1808 г.
[3]) И завтра-жъ, въ пору не робочу. Изд. 1808 г.
[4]) Энею, боже поможы. Изд. 1842 г.
[5]) И опромиттю вси пустылысь. Изд. 1808.
[6]) Зъедналы разомъ и попа. Изд. 1808 г.

Борщу трохы було не зъ шисть;
Баранивъ тьма була вареныхъ,
Курей, гусей, качокъ печеныхъ,
До сыта щобъ було всимъ йисть.
Цебры сывушкы тамъ стоялы
И брагы повныи дижкы;
Всю страву въ ваганкы влывалы
И роздавалы всимъ ложкы.
Якъ проспивалы „со святымы",
Эней облывсь слизьмы гиркымы —
И прнялыся вси тре́пать;
Наилыся и нахлысталысь,
Що де-яки ажъ повалялысь,
Тоди вже годи помынать.

* * *

Эней и самъ со старшыною
Анхыза добре помынавъ;
Не здривъ ничого предъ собою,
А ще з-за столу не встававъ;
А дали трошкы проходывся,
Прочумався, протверезывся,
Пишовъ къ народу, хоть поблидъ.
Зъ кышени вынявшы пивкипкы,
Шпурнувъ въ народъ дрибныхъ, якъ рипкы,
Щобъ тямылы його обидъ.
Въ Энея заболилы ногы,
Не чувъ ни рукъ, ни головы;
Напалы съ хмелю перелогы,
Опухлы очи, якъ въ совы,
Увесь обдувся, якъ барыло,
Було на свити все не мыло,
Мыслите по земли пысавъ.
Зъ нудьгы охлявъ и изнемигся,
Въ одежи лигъ и не роздигся,
Пидъ лавкою до свита спавъ.

* * *

Прокынувшыся, ввесь трусывся,
За серце ссало, мовъ глысты;
Перевертався и нудывся,
Не здужавъ головы звесты,
Покы не выпывъ пивквартивкы
Зъ имберомъ пинной горилкы,
И кухля сыривцю не втеръ.
Съ пидъ лавкы вылизъ и стряхнувся,
Закашлявъ, чхнувъ и стрепенувся,
„Давай-те", крыкнувъ, „пыть теперъ"!
Зибравшыся, вси паненята
Изновъ кружаты началы,
Пылы, якъ брагу поросята,
Горилку такъ воны тяглы;
Тяглы тутъ пинненьку Троянци,
Не вомпылы Сыцыліянци,
Черкалы добре на захватъ.
Хто пывъ тутъ бильшъ одъ всихъ сывухы [1])
И хто пывъ разомъ тры осьмухы,
То той Энееви бувъ братъ.

* * *

Эней нашъ роздоброхотався,
Игрыща вздумавъ завесты;

[1]) Хто пывъ тугъ бильшъ одъ всихъ горилкы

И пьяный заразъ роскрычався,
Шобъ перебійцивъ прывесты.
У виконъ школяри спивалы,
Халяндры цыганкы скакалы,
Игралы въ кобзы и слипци;
Тутъ розни чуты булы крыкы, —
Водылы въ городи музыкы,
Моторни, пьяни молодци.
Въ прыеинкахъ вси пани сыдилы,
На двори-жъ вкругъ стоявъ народъ,
У викна де яки глядилы,
А ыншый бувъ наверхъ воротъ;
Ажъ-ось прыйшовъ и перебіецъ,
Убраный такъ, якъ компаніецъ,
И звався молодецъ Даресъ;
На кулакы ставъ выклыкаты
И перебійця вызываты,
Крычавъ опареный мовъ песъ:

***

—„Гей, хто зо мною выйде бытысь,
Покоштуваты стусанивъ?
Маскою хоче хто умытысь? [1])
Кому не жаль своихъ зубивъ?
А нуте, нуте йдите швыдче
Сюды на кулакы лышъ блызче!
Я бебехивъ вамъ надсажу,
На очи вставлю окуляры, —
Сюды, поганци бакаляры!
Я всякому лобъ розможжу“ —.
Даресъ довгенько дожыдався,
Мовчалы вси, —нихто не йшовъ,
Зъ нымъ всякый бытыся боявся —
Собою страху всимъ задавъ:
—„Такъ вы, бачу, вси легкодухи,
Передо мною такъ, якъ мухы
И пудофеты на голо!“
Даресъ тутъ дуже насмиявся, [2])
Собою чванывсь, велычався,
Ажъ слухать соромъ всимъ було.

***

Абсеетъ Троянецъ бувъ сердытый,
Згадавъ Энтелла козака,
Зробывся мовъ несамовытый,
Чимъ-дужъ давъ видтиль дропака.
Энтелла скризь пишовъ шукаты, [3])
Щобъ все, що бачывъ, росказаты,
И щобъ Дареса пидцьковать.
Ентеллъ бувъ тяжко смилый, дужый,
Мужыкъ плечыстый и невклюжый,
Тогди винъ пьяный вклався спать.
Знайшлы Энтелла сиромаху,
Що винъ пидъ тыномъ гарно спавъ;
Сего сердешного тимаху [4])
Будыты сталы, щобъ уставъ.
Вси голосно надъ нымъ крычалы,

---

[1]) Хто хоче патокою вмытысь? Изд. 1808 г.

[2]) Даресъ усимъ тутъ насміявся. Тамъ-же.

[3]) Энтелла кынувся шукаты. Тамъ-же.

[4]) И сю сердыту, пьяну птаху... Тамъ-же.

Ногамы всылу роскачалы,
Очыма винъ на ныхъ лупнувъ:
—„Чого вы? Що за вража маты!
Зибралысь не даваты спаты“!—
Сказавшы се, опьять заснувъ.

* * *

„Та встань, будь ласковъ, пане свату!“
Абсестъ Энтеллови сказавъ.
—„Пійдить-лышъ вы соби икъ кату!“
Энтеллъ на ихъ такъ закрычавъ.
А посли баче, що не шутка,
Абсестъ сказавъ:—„яка погудка, [1])
Проворно скочывшы, здригнувсь:
—„Хто, якъ, Даресъ? Ну, стійте наши!
Зварю пану Даресу каши, [2])
Горилкы дайте лышъ напьюсь.
Прымчалы зъ казанокъ сывухы,
Ентеллъ іи разкомъ дмухнувъ,
И одъ сіеи винъ мокрухы
Скрывывсь, наморщывсь и зивнувъ,
Сказавъ: „Теперъ ходимо, братця,
До хвастуна Дареса —ланця. [3])
Ему я ребра полычу,
Зимну всего я на кабаку,
На смерть зувичу, мовъ собаку,—
Я бытыся його навчу“!

* * *

Прийшовъ Ентеллъ передъ Дареса,
Сказавъ ему на смихъ: „гай-гай!
Ховайсь, проклята неотеса!
Заранння видсиль утикай,—
Я роздавлю тебе, якъ жабу,—
Зитру, зомну—морозъ якъ бабу,—
Що тутъ и зубы ты зотнешъ [4])
Тебе дияволъ не пизнае,
Съ кистками чортъ тебе злыгае!—
Уже видъ мене не влызнешъ!“
На землю шапку положывшы,
По локоть рукы засукавъ
И цупко кулакы стулывшы,
Дареса бытысь вызывавъ,
Изъ сердця скрыготавъ зубамы,
Объ землю тупотавъ ногамы
И на Дареса нализавъ.
Даресъ не радъ своій лыхоти,
Энтеллъ потягъ не по охоти
Дареса, щобъ його винъ знавъ.

* * *

Въ се время въ рай богы зибралысь,
Къ Зевесу въ гости на обидъ,
Пылы тамъ, илы, забавлялысь,
Забулы нашыхъ людськыхъ бидъ.
Тамъ лакоцины ризни илы, [5])
Буханчыкы пшенычни били,

---

[1]) Абсестъ сказавъ: „яка почутка! Тамъ-же.
[2]) Пану Даресу зварю я каши. Тамъ-же.
[3]) До хвастуна Дареса дратця. Тамъ-же.
[4]) Що тутъ и зубы ты зажмешъ. Тамъ-же.
[5]) Тамъ лыгомынки добри илы. Тамъ-же.

Кыслыци, ягоды, коржи
И всяки ризни вытребенькы,—
Уже либонь булы пьяненьки,—
Понадувалысь мовъ ерши.
Якъ ось зничевья вбигъ Меркурій,
Засапавшыся до богивъ,
Прыскочывъ, мовъ котыще мурый
До сырнихъ въ масли пирогивъ!
„Ге-ге! оттутъ-то загулялысь,
Що вже й одъ свита одцуралысь;
Дыяволъ-ма вамъ и стыда!
Въ Сыцыліи таке творыться,
Що вже вамъ треба-бъ подывыться,
Тамъ крыкъ, мовъ пидступа орда!"

***

Богы, почувшы, зашаталысь,
Изъ неба выткнулы носы,
Дывытысь на бійцивъ хваталысь,
Якъ жабы литомъ изъ росы.
Энтеллъ тамъ сыльно храбрувався,
Ажъ до сорочкы ввесь роздягся,
Совавъ Даресу въ нисъ кулакъ.
Даресъ извонпывъ сиромаха,
Бо бувъ Энтеллъ непевна птаха,
Якъ чорноморськый злый козакъ.
Венеру за выскы вхопыло,
Якъ глянула що тамъ Даресъ,—
Ій дуже се було немыло,
Сказала: „батечку, Зевесъ!—
Дай моему Даресу сылы,
Ему хвоста щобъ не вкрутылы,
Щобъ винъ Энтелла поборовъ.
Мене тогди ввесь свитъ забуде,
Колы Даресъ жывый не буде;
Зробы щобъ бувъ Даресъ здоровъ.

***

Тутъ Бахусъ пьяный обизвався,
Венеру лаяты начавъ,
До неи зъ кулакомъ сувався
И такъ изъ-пьяна ій сказавъ:
„Пійды лышъ ты къ чортамъ, плюгава,
Невирна, пакосна халява!
Нехай изслызне твій Даресъ;
Я за Энтелла самъ вступлюся,
Якъ бильшъ сывухы натягнуся,
То не заступыть и Зевесъ.
Чи знаешъ, винъ якый парныще?
На свити трохы есть такыхъ,—
Сывуху такъ, якъ брагу, хлыще,
Я въ парубкахъ кохаюсь сыхъ.
Уже залывъ за шкуру сала,
Ни неня въ брази не скупала,
Якъ винъ Даресови задасть!
Уже, хоть якъ ты не вертыся,
Зъ своимъ Даресомъ попростыся,
Бо прыйдеться йому пропасть." [1])

***

Зевесъ до речи сей дочувся,
Языкъ насылу повернувъ,
Винъ одъ горилкы весь обдувся

---

[1]) Бо припада... Изд. 1808 г.

И гримко такъ на ихъ гукнувъ:
„Мовчить! Чого вы задрочылысь?
Чи то и въ мене росходылысь?
Я дамъ вамъ заразъ трышыя!
Нихто въ кулачкы не мишайтесь,
Кинця одъ самыхъ дожыдайтесь,
Побачымъ,—визьме то чия?“—
Венера, облызня піймавшы,
Слизкы пустыла изъ очей,
И, якъ собака хвистъ пиджавшы,
Пишла къ порогу до дверей
И зъ Марсомъ у куточку стала,
Зъ Зевеса добре глузувала,
А Бахусъ пинненьку лыгавъ
Изъ Ганнымедова пуздерка
Утеръ трохы не зъ пиввидерка;—
Напывсь и тилько, що кректавъ.

* * *

Якъ мижъ собой богы сварылысь,
Въ раю, попывшысь въ небесахъ,
Тогди въ Сыцыліи творылысь
Велыки дуже чудеса:
Даресъ одъ страха оправлявся
И до Энтелла пидбырався,
Цыбулькы-бъ дать йому пидъ нисъ.
Энтеллъ одъ ляпаса здрыгнувся,
Разивъ изъ пьять перевернувся,
Трохы не попустывъ и слизъ.
Розсердывся и розъярывся, [1])
Ажъ пину зъ рота попустывъ,
И саме въ миру пидмостывся,
Въ высокъ Дареса затопывъ.
Зъ очей ажъ искры полетилы
И очи ясни соловилы,—
Сердешный объ землю упавъ.
Чмеливъ довгенько дуже слухавъ,
И землю носомъ рывъ и нюхавъ
И дуже жалибно стогнавъ.

* * *

Тутъ вси Энтелла выхвалялы,
Эней зъ панамы реготавсь,
Зъ Дареса дуже глузувалы,
Що сылою винъ велычавсь;
Звеливъ Эней его пидпяты,
На витри щобъ поколыхаты
Одъ ляпаса и щобъ прочхавсь;
Энтеллови-жъ давъ на кабаку
Трохы не цилую грывняку
За те, що такъ винъ показавсь.
Эней же самъ, не вдовольнывшысь,
Ище гуляты захотивъ:
И, цупко пиннои напывшысь,
Ведмедивъ прывесты звеливъ.
Лытва на трубы засурмыла,
Ведмедивъ заразъ зупыныла,
Заставылы ихъ танцювать.
Сердешный звиръ перекыдався,
Плыгавъ, вертився и качався,
Забувъ и бджолы пиддырать.

* * *

Якъ панъ Эней такъ забавлявся,
То лыха вже соби не ждавъ,

---

1) [illegible]

Не думавъ и не сподивався,
Щобъ хто зъ Олимпськыхъ кучму
давъ. [1])
На те Юнона повернула
И въ голови такъ коверзнула, [2])
Щобъ заразъ учныныть ярмысъ.
Набула безъ панчихъ патынкы,
Пишла въ Ирысыни будынкы,
Бо хытра ся була якъ бисъ.
Прыйшла, Ирыси пидморгнула,
Черкнулы разомъ въ хыжу вдвохъ [3])
И на ухо щось ій шепнула,
Щобъ не пидслухавъ якый богъ.
И пальцемъ цупко прыкрутыла,
Щобъ заразъ все те изробыла
И ій-бы прынесла лепортъ.
Ирыся нызько поклонылась
И въ лижныкъ заразъ нарядылась,
Побигла зъ неба якъ-бы хортъ.

***

Въ Сыцылію якъ разъ спустылась,
Човны Трояньски де булы;
И мижъ Троянокъ помистылась,
Котори човнивъ стереглы.
Въ кружку сордешни си сыдилы
И кысло на море гледилы,
Бо ихъ не клыкалы гулять,
Де чоловикы ихъ гулялы;
Медокъ, сывушкы попывалы
Безъ просыпу недиль изъ пьять.
Дивчата зъ лыха горювалы,
Нудыло тяжко молодыць,
Лышъ слынку зъ голоду ковталы,—
Якъ хочеться кому кыслыць.
Своихъ Троянцивъ проклыналы,
Що черезъ ихъ такъ горювалы.
Дивкы крычалы на ввесь ротъ:
„Щобъ имъ хотилось такъ гуляты,
Якъ хочеться намъ диоваты!
Колыбъ замордувавъ ихъ чортъ!“—

***

Везлы Троянци изъ собою [4])
Старую бабу, якъ ягу,
Лукаву видьму, злу Берою,—
И скорчывшуюся въ дугу.
Ирыся нею изробылась,
И, якъ Берояя, нарядылась,
И пидступыла до дивокъ;
И щобъ къ нымъ лучче пидмо-
стыться
И предъ Юноной заслужыться,
То пиднесла имъ пырижокъ.
Сказала: „Помогай-бигъ, диты!
Чого сумуете вы такъ?
Чи не остыло вамъ сыдиты?
Отце гуляють наши якъ!

[1]) Щобъ хто зъ богивъ ту кучму давъ. Тамъ-же.
[2]) И мыттю такы коверзнула. Тамъ-же.
[3]) И въ хату потяглы у двухъ,
. . . .
Щобъ не пидслухавъ якый духъ. Тамъ-же.
[4]) Троянци волоклы зъ собою. Тамъ-же.

Мовъ божевильныхъ насъ морочать,
Симъ литъ, якъ по морямъ во-
лочать,
Глузують, якъ хотять, изъ насъ,
Але зъ другыми бахурують,
Свои-жъ жинкы нехай горюють,—
Колы водылось се у насъ?

***

Послухайте лышъ, молодыци,
Я добрую вамъ раду дамъ!
И вы, дивчата билолыци!
Зробимъ кинець своимъ бидамъ,—
За горе заплатимъ мы горемъ! [1])
А докы намъ сыдить надъ моремъ?
Прыймимось—човны попалимъ.
Тогди вже мусять тутъ остаться
И нехотя до насъ прыжаться...
Ось-такъ на лидъ ихъ посадимъ!"
—„Спасеть-же Богъ тебе, бабусю!"
Троянкы въ голосъ загулы:
—„Такои-бъ рады, панматусю,
Мы и згадаты не моглы".—
И заразъ прыступылы къ флоту
И прынялыся за роботу:
Огонь кресаты и несты
Скипкы, трискы, солому, клочча,—
Була тутъ всяка зъ ныхъ охоча,
Пожаръ щобъ швыдче розвесты.

***

Розжеврылось и загорилось,
Пишовъ дымокъ до самыхъ хмаръ,
Ажъ небо все зачервонилось,
Велыкый тяжко бувъ пожаръ.
Човны и байдакы палалы,
Соснови паромы трищалы,
Горилы деготь и смола.
Покы Троянци оглядилысь,
Що добре ихъ Троянкы грилысь,
То часть мала човнивъ була.
Эней, пожаръ такый узрившы,
Злякався, побиливъ, якъ снигъ,
И бигты всимъ туды звеливши,
Чимъ дужчъ до човнивъ самъ побигъ.
На гвалтъ у дзвоны задзвонылы,
По улыцямъ въ трощоткы былы, [2])
Эней-же на ввесь ротъ крычавъ:
„—Хто въ Бога вирує, ратуйте,
Рубай, тушы, гасы, лый, куйте"!—
А хто-жъ таку намъ кучму давъ?"

***

Эней одъ страху съ плыгу збывся,
Въ уми сердега помишавсь,
И заразъ самъ не свій зробывся,
Скакавъ, вертився и качавсь.
И изъ сего свого задьору, [3])
Винъ голову пиднявшы въ гору,
Крычавъ, опареный мовъ песъ.
Олымпськыхъ шпетывъ на всю губу,
И нелю лаявъ свою любу,
Добувсь и въ ротъ и въ нисъ Зевесъ.
—„Гей ты, проклятый старыганю,

---

[1]) За горе мы заплатымъ горемъ. Изд. 1842 г.
[2]) По улыцямъ въ клецала былы. Изд. 1808 г.
[3]) И изъ сего свого задору.

На землю зъ неба не зырнешъ,
Не чуешъ, якъ тебе я ганю,
„Зевесъ“ —ни усомъ не моргнешъ.
На очахъ бильма поробылысь!
Колыбъ до вику послипылысь!
Що не поможешъ ты мени,—
Чи сежъ такы тоби не стыдно
Що пропаду?—отъ лышъ не выдно,—
Я-жъ, кажуть люде, внукъ тоби!

***

„А ты зъ сидою бородою,
Пане добродію Нептунъ!
Сыдышъ, мовъ демонъ пидъ водою,
Изморщывшысь старый шкарбунъ!
Колы-бъ струхнувъ хоть головою
И сей пожаръ залывъ водою—
Трызубець шобъ тоби зломывсь!
Ты базарынку любышъ браты,
А людямъ въ нужди помогаты
Не дуже, бачу, поспишывсь!
И братикъ вашъ, Плутонъ, поганець
Изъ Прозерпыною засивъ:
Пекельный, гаспыдьскій коханець
Ище себе тамъ не нагривъ?
Завивъ братерство изъ бисамы
И въ свити нашымы бидамы
Не погорює не на часъ.
Не посылкуеться ни мало
Щобъ такъ палаты перестало
И щобъ оцей пожаръ погасъ.

***

И ненечка моя ридненька
У чорта десь теперь гуля;
А може спыть уже пьяненька,
Або съ хлопьятамы ганя.
Теперъ ій бачу не до солы:
Уже пидтыкавшы десь полы
Фурцюе добре нависна: [1])
Колы сама съ кымъ не ночуе
То для когось уже свашкуе,—
Для сього тяжко поспишна.
Та врагъ беры васъ, що хотите,
Про мене те соби робить:
Мене на лидъ не посадите,
Пожаръ лышь тилько погасить,
Завередуйте по своему
И, будьте ласкови, моему
Зробыте лыхови кинець;
Пустить лышъ зъ неба веремію
И покажите чудасію,
А я вамъ пиднесу „ралець“.

***

Тутъ тилько що перемолывся
Эней и ротъ свій затулывъ,
Якъ ось изъ неба дощъ полывся;—
Въ годыну ввесь пожаръ залывъ.
Пурхнуло зъ неба, мовъ изъ бочкы,
Що промочыло до сорочкы,
То драла въ ростичъ вси далы,

---

[1]) Гарцюе добре... Изд. 1808 г.

Троянци сталы вси, якъ хлюща,
Имъ лучылася невсыпуща,
Не ради и дощу булы.
Не знавъ вже на яку ступыты
Эней и тяжко горювавъ,
Чи тутъ остатысь, чи поплыты,
Бо врагъ не вси човны забравъ.
И мытью кынувсь до громады
Просыть соби у ій порады
Чого собою не збагне.
Тутъ довго, тяжко рахувалы
И скилькы не коверзувалы,
Та все було що не оне.

* * *

Одынъ зъ Троянскои громады,
Насупывшыся все мовчавъ
И дослухавшысь до порады, [1])
Ципкомъ все землю колупавъ.
Се бувъ пройдысвитъ и непевный
И всимъ видьмамъ бувъ родычъ кревный,
Упырь и знахурь ворожыть.
Умивъ и трясцю отшептаты, [2])
И кровь хрестьяньську замовляты,
И добре знавъ гребли гатыть;
Бувавъ и въ Шлёнскому зъ воламы,
Не разъ ходывъ за силью въ Крымъ,
Тарани торгувавъ возамы,—
Вси чумакы браталысь зъ нымъ.
Винъ такъ здавався и никчемный,
Та бувъ розумный, якъ пысьменный,
Слова такъ сыпавъ, якъ горохъ.
Уже въ чимъ, бачъ, порахуваты [3]),
Що розсказать,—ему вже даты,
Ни въ чимъ не бувъ страхополохъ.

* * *

Навтесомъ вси его дразнылы
По нашому-жъ то звавсь Охримъ,—
Мени такъ люде говорыли,
Самому-жъ незнакомый винъ! [4])
Побачывъ, що Эней гнивывся,
До его заразъ пидмостывся,
За билу рученьку узявъ
И, вывивши его у сины, [5])
Самъ поклонывсь ему въ колини,
Таку Энею ричь сказавъ:
„Чого ты сыльно зажурывся
И такъ надувся, якъ индыкъ,
Зовсимъ охлявъ и занудывся,
Мовъ по болотови кулыкъ.
Чымъ бильшъ журытыся—все гирше; [6])
Заплутаешься въ лиси бильше;
Покынь лышъ горе и заплюй,
Пиды вкладыся гарно спаты,
А посли будешъ и гадаты;

[1]) И пидслухаючысь порады. Изд. 1808 г.
[2]) Одъ трясци гарно вмивъ шептаты. Тамъ-же.
[3]) Уже объ чимъ порахуваты. Тамъ-же.
[4]) Самому-жъ незнакомъ бувъ винъ. Тамъ-же.
[5]) И [illegible] Изд. 1842 г.

Спочынь, та вже тоди миркуй".

***

Послухавшы Эней Охрима,
Укрывшысь, на полу лигъ спать,
Но лупавъ тилькы все очыма,
Не мигъ ни крихты задримать.
На вси бокы перевертався,
До люлькы разивъ тры прыймався,
Знемигся-жъ, мовъ и задримавъ.
Якъ ось Анхызъ ему прыснывся,
Изъ пекла батечко зъявывся
И сынови таке сказавъ:
—„Прокынься, мылее дытятко,
Пробурхайся и проходысь.
Се твій прыйшовъ до тебе батько,
То не сполохайсь, не жахнысь.
Мене богы къ тоби послалы
И такъ сказаты прыказалы,
Щобъ вже ты бильше не журывсь.[1])
Пошлю тоби щаслыву долю,
Щобъ учынывъ ты Божу волю
И швыдче въ Рымъ переселывсь.

***

Зберы вси човны, що осталысь,
И гарно заразъ ихъ оправъ,
Прыдержъ своихъ, щобъ не впывалысь,
И цю Сыцылію оставъ;
Плывы и не журысь, небоже,
Уже тоби скризь буде гоже,
Та ще послухай щось скажу:
Щобъ въ пекло ты зайшовъ до мене,
Бо дило есть мени до тебе—
Я все тоби тамъ покажу,
И по олымпському закону
То пекла вже ты не мынешъ,
Бо треба кланятысь Плутону,
А то и въ Рымъ не доплывешъ.
Якусь тоби винъ казань скаже,
Дорогу добру въ Рымъ покаже;
Побачышъ, якъ жыву и я,
А за дорогу не турбуйся,
До пекла навпростець прямуйся
Пишкомъ, не треба и коня.

***

Прощай-же, сызый голубочокъ,
Бо вже стае на двори свитъ,
Прощай, дытя, прощай, сыночокъ!"
И въ землю провалывся цидъ.
Эней съ просоння якъ схопывся,
Дрижавъ одъ страху и трусывся,
Холодный лывся зъ его питъ,
И всихъ троянцивъ посклыкавшы,
И лагодытысь прыказавшы,
Щобъ завтра поплысты якъ свитъ,
Къ Абцесту заразъ самъ махнувшы,
За хлибъ подякувавъ, за силь
И тамъ не довго щось побувшы,
Вернувся до своихъ видтиль.
Весь день складалысь та вбыралысь
И свита тилько-що дождалысь,
То посидалы на човны.

Эней-же ихавъ щось не смило,
Бо море дуже надоило,
Якъ чумакамъ дощъ въ осены.

* *
*

Венера тилько що уздрила,
Що вже троянци на човнахъ,
Къ Нептуну на поклонъ побигла
Щобъ не вгопывъ ихъ у волнахъ.
Поихала въ своимъ рыдвани,
Мовъ сотныка якого пани
Баскымы конямы, якъ звиръ,
И съ кинными провидныкамы,
Съ тремя назади козакамы,—
А кони правывъ маштalиръ;
На ему била була свыта
Изъ шаповальского сукна,
Тясемкою кругомъ обшыта—
Симъ кипъ стоялася вона;
На бакиръ шапочка стремила,
Далеко дуже червонила,
Въ рукахъ же довгый бувъ батигъ—
Имъ гримко ляскавъ винъ изъ лыха.
Скакалы кони безъ отдыха,
Рыдванъ, мовъ выхоръ, въ поли
бигъ.

* *
*

Прыихала, загрымотила,
Кобыляча мовъ голова, [1])
Къ Нептуну въ хату и влетила,
Такъ якъ изъ вырею сова.
И не сказавшы ни пивслова,
„Нехай, кажэ, твоя здорова,
Нептуне, буде голова".
Якъ навижена прыскакала,
Нептуна въ губы циловала,
Говорючы таки слова:
„Колы Нептунъ мени ты дядько,
А я племенныця тоби,
То ты-жь мени крещеный батько,
Спасыби заробы соби;
Моему поможы Энею,
Щобъ винъ зъ ватагою своею
Счаслыво издывъ по води.
Уже и такъ пополякалы,
Насылу бабы отшепталы—
Попався въ зубы бувъ биди".

* *
*

Нептунъ, моргнувшы, засміявся,
Венерю систы попросывъ
И писля неи облызався,
Сывухы чарочку налывъ;
И такъ іи почастувавшы,
Чого просыла обищавшы,
И заразъ зъ нею попрощавсь.
Повіявъ витръ зъ рукы Энею,
Простывсь сердешненькый зъ землею,
Якъ стрилочка по морю мчавсь.
Поромщыкъ ихъ, що найглавнишый,
Зъ Энеемъ издывъ всякый разъ.
Ему слуга бувъ найвирнишый,
По нашому винъ звавсь Тарасъ.

---

[1]) Прыихала, затарохтила.

Сей сыдя на корми хытався,
По саме нельзя нахлыстався
Горилочкы, колы прощавсь.
Эней велив̌ его прыйняты,
Щоб̌ не пустывсь на дно ныряты
И в̌ лучшим̌ мисци щоб̌ про-
спавсь.

Но выдно вже пану Тарасу
Напысано так̌ на роду,
Щоб̌ тилько до сього вин̌ часу
Терпив̌ на свити сим̌ биду,
Бо росхытавшысь, брызнув̌ в̌
воду,

Нырнув̌ и, не спытавшы броду,
Наввырынкы пишла душа.
Эней хотив̌, щоб̌ окошылась
Бида и бильш̌ не продолжылась,
Що б̌ не пропалы вси с̌ коша.

ЧАСТЬ ТРЕТЯ.

Эней, сподарь, посумувавшы
Насылу трохы вгамувавсь;
Поплакавшы и порыдавшы,
Сывушкою почастувавсь.
Но все-такы його мутыло
И коло серденька крутыло—
Небижчык̌ часто щось вздыхав̌;
Вин̌ моря дуже так̌ боявся,
Що й на богив̌ не полагався
И батькови не довиряв̌.
А витры сзаду все трубылы
В̌ потолыцю его човнам̌,
Що мчалыся зо всеи сылы
По горным̌ пинявым̌ водам̌.
Гребци и весла положылы
Та, сыдя, в̌ люлечкы курылы
И кургыкалы писенёк̌: [1])
Козацькых̌, гарных̌ запорож-
ськых̌,

А як̌ и зналы, то московськых̌
Выгадувалы брыденёк̌.

*
* *

Про Сагайдачного спивалы,
Лыбонь спивалы и про Сичь,
Як̌ в̌ пыкынеры набиралы,
Як̌ мандрував̌ козак̌ всю ничь;
Полтавську славылы шведчыну
И неня як̌ свою дытыну
З̌ двора проводыла в̌ поход̌, [2])
Як̌ пид̌ Бендерью воювалы,

---

[1]) И курныкалы писенькы:
Козацьки—гарни запорожськи,
А як̌ и зналы, то московськи

Безъ галушокъ якъ помыралы
Колысь, якъ бувъ голодный годъ.
Не такъ-то діеться все хутко,
Якъ швыдко кажуть намъ казокъ [1]);
Эней нашъ плывъ хочъ дуже хутко,
Та вже-жъ винъ плававъ не денёкъ,—
Довгенько по морю щось шлялысь, [2])
А самы о свити не зналысь,
Не знавъ троянець ни одынъ,
Куды, про що и якъ швыньдюють,
Куды се такъ воны мандрують,
Куды ихъ мчыть Анхызивъ сынъ.

***

Оттакъ поплававшы не мало
И поблудывшы по морямъ,
Якось и землю выдко стало —
Побачылы конець бидамъ;
До берега якъ разъ прысталы,
На землю зъ човнивъ повставалы [3])
И сталы тута отдыхать.
Ся Кумською земелька звалась, [4])
Вона Троянцямъ сподобалась.
Далось и ій троянцивъ знать.
Розгардіяшъ наставъ троянцямъ,
Опять забулы горювать; [5])
Бувае щастя скризь поганцямъ, [6])
А добри мусять пропадать.
И тутъ воны не шанувалысь,
А заразъ вси и потаскалысь,
Чого хотилося шукать:
Якому меду та горилкы,
Якому молодыци, дивкы,
Оскому щобъ зъ зубивъ зигнать.

***

Булы бурлакы си моторни,—
Тутъ познакомылысь въ той часъ,—[7])
Зъ діявола швыдки, проворни —
Пидпустять москаля якъ-разъ;
Зо всима мытью побраталысь,
Посваталысь и покумалысь,
Мовъ зъ роду тутечка жылы.
Хто мавъ въ чому яку кыбету,
Такого той шукавъ бенкету,—
Вси Веремію пидняли.
Де досвитки, де вечорныци,

Якъ пидъ Бендерью пидступалы,
Якъ безъ галушокъ помыралы. Тамъ-же.

1) Якъ швыдко скочышъ у човнокъ. Тамъ-же.

2) Довгенько по морю щось шлялы,
А самы о свити не зналы. Тамъ-же.

3) На землю съ човнивъ позбигалы. Тамъ-же.

4) Ся Кумелей земелька звалась. Тамъ-же.

5) Изновъ забулы... Тамъ-же.

6) И всюды щастя есть поганцямъ. Тамъ-же.

7) Тутъ познакомылысь за разъ. Тамъ-же.

Або весилля де було,
Дивчата де и молодыци,
Кому родыны надало,
То тутъ троянци и вродылысь
И лышъ гляды, той заходылысь
Коло жинощынъ ворожыть. [1]
И чоломиківъ пидпоившы,
Жинокъ куды хто знавъ повившы,
Давай по чарци зъ ными пыть.

***

Яки-жъ булы до картъ охочи,
То не сыдилы дурно тутъ. [2]
Гулялы часто до пивночы
Въ носка, въ пары, у лавы, въ джгутъ,
У памфыля, въ визка и въ копа,
Кому-жъ изъ ныхъ була дотепа,
То въ грошы гралы въ симъ лыстивъ.
Тутъ вси поволи забавлялысь,
Пылы и гралы, женыхалысь —
Нихто безъ дила не сыдивъ,

Эней одынъ не веселывся —
Ему не мыло все було:
Ему Плутонъ та батько снывся
И пекло въ голову війшло. [3]
Оставывшы своихъ гуляты,
Пишовъ скризь по полямъ шукаты, [4]
Щобъ хто дорогу показавъ,
Куды до пекла мандруваты, [5]
Щобъ розизнаты, роспытаты,
Бо въ пекло стежкы винъ не знавъ.

***

Ишовъ, ишовъ, ажъ зъ русыхъ кудривъ [6]
Въ тры ряды капавъ питъ на нисъ,
Якъ ось забачывъ щось и уздривъ,
Густый пройшовшы дуже лисъ:
На нижци курячій стояла
То хатка дуже обветшала [7]
И вся вертилася кругомъ.
Винъ до тыи прыйшовшы хаты
Хозяина ставъ выклыкаты, [8]
Прыщурывшыся пидъ викномъ.

---

1) Коло жинокъ тамъ... Изд. 1808 и 1842 г.
2) То не сыдилы даромъ тутъ. Изд. 1808.
3) И пекло зъ головы не йшло. Тамъ-же.
4) Пишовъ самъ по полю шукаты. Тамъ-же.
5) Куды у пекло шляхъ надыбать,
Щобъ розглядиты и розвидать. Тамъ-же.
6) Ишовъ, ишовъ, що ажъ изъ чуба
Въ тры ряды капавъ питъ на нисъ,
Якъ ось абачывъ изъ-за дуба,
Пустый пройшовшы уже лисъ.
7) Тамъ хатка дуже обветшала. Изд. 1808.
8) Господаря ставъ выклыкаты

Эней стоявъ и дожыдався,
Щобъ выйшовъ зъ хаты хто-небудь,
У двери стукавъ, добывався,
Хотивъ бувъ хатку зъ нижкы зпхнуть,
Якъ выйшла бабыще старая,
Крыва, горбатая, сухая,
Заплиснявила, вся въ шрамахъ,
Сида, ряба, беззуба, коса, [1])
Розхрыстана, простоволоса,
И якъ въ намысти, вся въ жовнахъ.

***

Эней, таку уздрившы цяцю,
Не знавъ изъ ляку, де стоявъ,
И думавъ, що свою винъ працю
На викы тута потерявъ.
Якъ ось до его пидступыла
Яга ця и заговорыла, [2])
Роззявывшы свои уста:
„Гай, гай-же, слыхомъ послыхаты,
Анхызенка у вичъ выдаты;
А якъ забривъ ты въ ци миста?
Давно тебе я дожыдаю
И думала, що вже пропавъ.
Я все дывлюсь та вызыраю, [3])
Ажъ ось колы ты прычвалавъ.
Мени вже розсказалы зъ неба, [4])
Чого тоби пыльненько треба.
Отецъ твій бувъ у мене тутъ".
Эней сьому подывувався
И бабы сучои спытався,
Якъ видьму злую цю зовуть. [5])

***

—„Я кумськая зовусь Сывылла, [6])
Ясного Феба попадья,
Пры его храми посидила, [7])
Давно жыву на свити я.
Пры шведчыни я дивувала, [8])
А татарва якъ набигала,
То вже я за-мужемъ була.
И першу сарану зазнаю.
Колыжъ бувъ трусъ, якъ изгадаю,
То все здригнусь, якъ-бы мала.
На свити всячыну я знаю,
Хоть никуды и не хожу,
И людямъ въ нужди помогаю

---

[1]) Сыва, ряба... Тамъ-же.

[2]) Яга ся и заговорыла
Роззявывшы страшный свій ротъ:
. . . .
Якый жъ тебе прынисъ къ намъ чортъ. Тамъ-же.

[3]) Я все дывлюсь та выглядаю... Изд. 1808.

[4]) Мени уже сказалы зъ неба. Тамъ-же.

[5]) Якъ, ненечко, тебе зовуть? Тамъ же.

[6]) Я, саночку, зовусь Сывылла. Тамъ-же.

[7]) Пры його храми посывила. Тамъ-же.

И имъ на звиздахъ ворожу. [1])
Кому чи трясцю одигнаты,
Отъ заушныць чи пошептаты, [2])
Або и волосъ изигнать,—
Шепчу, урокы прогоняю,)
Переполохы вылываю,
Гадюкъ умію замовлять!

***

Теперъ ходимо лышъ въ каплыцю,
Тамъ Фебови ты поклонысь
И обищай ему телыцю,
А посли гарно помолысь.
Не пожалій лышъ золотого
Для Феба свитлого, ясного. [4])
Та и мени що перекынь,
То мы тоби такы щось скажемъ,
А може въ пекло трактъ покажемъ.
Иды, утрысь и бильшъ не слынь".
Прыйшлы въ каплыцю передъ Феба.
Эней поклоны быты ставъ,
Щобъ изъ блакитного Фебъ неба [5])
Ему всю ласку показавъ.
Сывыллу тутъ замордувало
И очи на лобъ позганяло,
И дыбомъ волосъ ставъ сидый;
Клубкомъ изъ рота пина былась,
Сама-жъ вся корчылась, крывылась,
Мовъ духъ вселывся въ неи злый.

***

Тряслась, крычала, побывалась, [6])
Якъ бубонъ стала сыня вся,
Упавшы на землю, качалась
У барлози мовъ порося.
И чымъ Эней молывся бильше,
То все було Сывылли гирше.
А посли, якъ перемолывсь,
Съ Сывыллы тилько питъ котывся.
Эней же на неи дывывся, [7])
Дрижавъ отъ страху и трусывсь.
Сывылла трохы отчуняла,
Обтерла пину на губахъ

---

[1]) А людямъ въ нужди помогаю,
Я имъ на звиздахъ ворожу. Тамъ-же.

[2]) Одъ заушынъ... Тамъ-же.

[3]) Шепчу и кори прогавяю
И перелогы вылываю.
Гадюкъ умію замовлять. Тамъ-же.

[4]) Для Феба ясного святого,
Да и мени тожъ перекынь;
То мы такы тоби щось скажемъ,
А може въ пекло трактъ покажемъ. Тамъ-же.

[5]) Щобъ изъ блакитного вивъ неба. Тамъ-же.

[6]) Тряслась, кректала, подымалась,
Якъ сопуха чорнила вся;
На землю впала и валялась,

И до Энея проворчала,
Прыказъ отъ Феба въ цихъ словахъ:
„Така богивъ олымпськыхъ рада,
Що ты и вся твоя громада
Не будете по смерть въ Рыму.
Но що тебе тамъ будуть знаты,
Твое имення выхваляты, [1])
Та ты не радуйся цёму.

***

Ище ты выпьешъ добру, повну,
По всихъ усюдахъ будешъ ты
И долю гирьку, невгамонну
Готовсь свою не разъ клясты. [2])
Юнона ще не вдовольнылась—
Іи злоба щобъ окошылась
Хотя-бъ на правнукахъ твоихъ.
Навпосли будешъ жыть по паньски,
И люде вси твои троянськи
Забудуть всихъ сыхъ бидъ своихъ".
Эней похнюпывсь, дослухався,
Сывылла що ему верзла,
Стоявъ, за голову узявся—
Не по ему ця ричъ була.
„Трохы мене ты не морочышъ, [3])
Не рощовпу, що ты пророчышъ?
Эней Сывылли говорывъ,
Діяволъ знае, хто зъ-васъ бреше,
Трохы мени-бъ було не легче,
Якъ-бы я Феба не просывъ.

***

Та вже що буде те и буде,
А буде те, що Богъ намъ дасть.
Не ангелы, такіе-жъ люде, [4])
Колысь намъ треба всимъ пропасть;
До мене будь лышъ ты ласкава,
Услужлыва и нэ лукава, [5])
Мене до батька проведы—,
Я проходывся-бъ рады скукы
Побачыты пекельни мукы;
А ну, на звизды погляды!
Не першый я тай не послидній
Иду до пекла на поклонъ;
Орфей, якій уже негидный, [6])
Та що ему зробывъ Плутонъ?
А Геркулесъ якъ увалывся,
То такъ у пекли росходывся,
Що всихъ чортякъ порозгонявъ.
А ну, черкнимъ! А для охоты,
Тоби я дамъ на дви охвоты... [7])
Та ну-жъ, скажы! щобъ я вже знавъ.

---

[1]) Имья твое тамъ величаты,
Но ты не радуйся сьому. Тамъ-же.

[2]) Готовъ свою не разъ клясты. Тамъ-же.

[3]) Трохы ты мене не морочышъ. Тамъ-же.

[4]) Не духы мы—такыи-жъ люде. Тамъ-же.

[5]) Послушненька и не лукава. Тамъ-же.

[6]) Орфей хоть бувъ не дуже гидный. Тамъ-же.

***

—„Огнемъ, якъ бачу, ты играешъ“,
Ему дала яга въ отвитъ:
„Ты пекла, бачу, що не знаешъ, [1])
Не мылъ тоби уже десь свитъ?
Не люблять въ пекли жартуваты,
По викъ тоби дадуться знаты,—
Отъ тилькы нисъ туды посунь!
Тоби тамъ буде не до чмыгы:
Якъ пиднесуть изъ оцтомъ фыгы,
То заразъ вхопыть тебе лунь.
„Колы жъ сю маешъ ты охоту:
У батька въ пекли побувать,
Мени дай заразъ за роботу—
То я прыймуся мусовать, [2])
Якъ намъ до пекла довалытысь,
И тамъ на мертвыхъ подывытысь
Ты знаешъ—дурень не бере,
У насъ хоть трохы хто тямущый,
Уміе жыть по правди сущій,
То той хоть зъ батька, то здере.

***

„Покиль же що, то ты послухай
Того, що я тоби скажу,
И головы соби не чухай...
Я въ пекло стежку покажу:
Въ лису велыкому, густому,
Въ непроходымому, пустому
Якеесь дерево росте;
На нимъ кыслыци не простыи
Ростуть, якъ жаръ все золотыи,
И деревце те не товсте;
Изъ дерева сего зломыты
Ты мусышъ гильку хоть одну:
Безъ неи бо ни пидступыты
Не можна передъ сатану; [3])
Безъ гилькы и назадъ не будешъ,
И душу зъ тиломъ ты погубышъ—
Плутонъ тебе закабалыть.
Иды-жъ, та пыльно прыглядайся, [4])
На вси чотыри озырайся,—
Де деревце те заблыщыть.

***

„Зломывшы жъ, заразъ убырайся,
Якъ мога швыдче утикай;
Не становысь, не оглядайся,
И уха чымъ позатыкай;
Хоть будуть голосы крычаты,
Що бъ ты оглянувся, прохаты,—
Не озырайся та бижы.
Воны, щобъ тилько погубыты,

---

[1]) Ты пекла выдно, що не знаешъ,
Не мылъ тоби уже сей свитъ—
Не люблять въ пекли жартоваты,
Отъ-тамъ тоби дадуться знаты. Тамъ-же.

[2]) То я прыймуся мудровать. Тамъ-же.

[3]) Тоби нельзя преіъ сатану. Тамъ-же.

[4]) Иды-жъ та тилько прыглядайся... Тамъ-же.

То будуть все тебе маныты;
Оттутъ ты себе покажы".
Яга тутъ чортъ-зна де дивалась,
Эней остався тилько самъ;
Ему все яблоня здавалась—
Покою не було очамъ.
Шукать іи Эней попхався,
Втомывсь, засапавсь, спотыкався,
Покы прыйшовъ пидъ темный лисъ; [1]
Коловсь сердешный объ терныну—
Пошарпався ввесь объ шыпшыну,—
Було таке, що рачкы лизъ. [2]

* *
*

Сей лисъ густый бувъ несказанно,
И сумно все въ ёму було;
Щось выло тамъ безперестанно
И страшнымъ голосомъ ревло.
Эней молытву прочытавшы
И шапку цупко пидвязавшы, [3]
У лисъ въ середыну пишовъ. [4]
Ишовъ—и утомывсь чымало;
На двори вже тоди смеркало, [5]
А яблуни ще не знайшовъ,
Уже винъ начынавъ боятысь,
На вси чотыри озыравсь,
Трусывсь, та никуды диватысь,—
Далеко тяжко въ лисъ забравсь;
А гирше ще ёго злякало,
Якъ щось у очахъ засіяло.
Оттутъ-то берега пустывсь!
А посли дуже удывывся,
Якъ пидъ кыслыцей опынывся—
За гильку заразъ ухватывсь.

* *
*

И не подумавшы ни мало,
Напъявсь, за гилочку смыкнувъ, [6]
Ажъ дерево те затрищало—
И заразъ гильку одчахнувъ,
И давъ чымъ дужчъ изъ лису драла,
Що ажъ земля пидъ нымъ дрижала,—
Бигъ такъ, що самъ себе не чувъ.
Бигъ швыдко, не остановлявся,
Увесь объ колючкы подрався,
Якъ чортъ у репьяхахъ ввесь бувъ.
Прыбигъ къ Троянцямъ, утомывся [7]
И оддыхаты простягнувсь;
Якъ хлюща потомъ весь облывся,
Трохы-трохы не захлебнувсь,

---

[1]) Покиль прыйшовъ. . . Тамъ-же.
[2]) А де колы и рачки лизъ. Тамъ-же.
[3]) И шапку дуже пидвязавшы. Тамъ-же.
[4]) Въ лисную гущу и пишовъ. Изд. 1842 г.
[5]) Тогди вже на двори смеркало. Изд. 1808.
И на двори тоди смеркало. Изд. 1842 г.
[6]) . . . за гылепьку смыкнувъ. Изд. 1808 г.
[7]) Прыбигъ къ Троянцямъ, засапався,
. . . .
Якъ хлюща потомъ облывався. Изд. 1808 г.

Звеливъ зъ бычни воливъ прыгнаты,[1]
Цапивъ зъ вивцямы прыпасаты;
Плутону въ жертву прынесты
И всимъ богамъ, що пекломъ правлять
И гришныхъ тормошать и давлять,
Щобъ гниву имъ не навесты.

***

Якъ тилько темна та похмурна [2])
Изъ неба зслызла чорна ничъ,
Годына-жъ стала балагурна,
Якъ звизды повтикалы причъ,—
Троянци вси заворушылысь,
Завештались, закамешылысь,—
На жертву прыгонять быкивъ;
Дякы зъ попамы позбыралысь,
Зовсимъ служыты вси прыбралысь,
Огонь роскладеный горивъ.
Пипъ заразъ взявъ вола за рогы,
У лобъ обухомъ зацидывъ,
И взявшы голову мижъ ногы,)
Нижъ въ черево винъ засадывъ
И вынявъ тельбухы зъ кышкамы,
Росклавъ гарненько ихъ рядамы
И пыльно кендюхъ розглядавъ: [4])
Энею посли божу волю
И всимъ троянцямъ добру долю
Мовъ по звиздамъ все вищувавъ.

***

Якъ тутъ зъ скотыною возылысь
И харамаркалы дякы,
Якъ вивци и цапы дрочылысь,
Въ ризныцяхъ мовъ ревлы быкы,
Сывылла тутъ де не взялася,
Запинылась и затряслася
И галасъ заразъ пидняла: [5])
„Къ чортамъ вы̀ швыдче вси изгыньте,
Мене зъ Энеемъ тутъ покыньте,
Не ждить, щобъ трышея дала.
А ты, мовляла ко Энею, [6])
Моторный, смилый молодець,
Прощайся зъ юрбою своею,— [7])

---

[1]) Звеливъ зъ хлива воливъ прыгнаты. Изд. 1808.

[2]) Якъ тилько та сумрачна, темна
Изъ неба злизла чорна ночъ,
Годына-жъ стала дуже певна,
Якъ повтикалы звизды прочъ
. . . .
Совалися и камешылысь. Тамъ-же.

[3]) И сунувъ голову мижъ ногы,
Йому нижъ въ пузо засадывъ. Тамъ-же.

[4]) И тилько кендюхъ розглядавъ. Тамъ-же.

[5]) И голосъ заразъ .. Тамъ-же.

[6]) А ты, мовляла и къ Энею. Тамъ-же.

[7]) Прощайся съ юртою своею. Тамъ-же.

Ходимъ лышъ въ пекло—тамъ отець
Насъ твій давно вже дожыдае
И може безъ тебе скучае,—
А ну, пора чемчыкувать. [1])
Визьмы на плечи зъ хлибомъ клунокъ, [2])
Нехай ему лыхый прасунокъ,
Якъ голодомъ намъ помырать.

***

„Не йды въ дорогу безъ запасу,
Бо хвистъ одъ голоду надмешъ [3])
И де-где инчого ты часу
И крыхты хлиба не найдешъ:
Я въ пекло стежку протоптала,
Я тамъ не разъ-не два бувала,
Я знаю тамошній народъ:
Дорожкы вси, вси уголочкы,
Вси закомарочкы, куточкы
Уже не первый знаю годъ".
Эней въ сю путь якъ разъ зибравея:
Шкапови чоботы набувъ,
Пидтыкався, пидперезався,
И поясъ цупко пидтянувъ;
А въ рукы добру взявъ дрючыну—
Обороняты злу лычыну, [4])
Якъ лучытся де отъ собакъ.
А посли за рукы взялыся,
Прямцемъ до пекла поплелыся,
Пишлы на прощу до чортякъ. [5])

***

„Теперъ-же думаю-гадаю
Трохы не годи и пысать, [6])
Изъ рода пекла я не знаю
Не вмію-жъ, далеби, брехать:
Хиба, чытатели, пождите:
Вгамуйтесь трохы, не гамите: [7])
Пиду я до людей старыхъ,
Щобъ ихъ о пекли роспытаты,
И попрошу ихъ роскзаты,
Що чулы отъ дидивъ своихъ.
Виргилій же, нехай царствуе,
Розумненькій бувъ чоловикъ,—
Нехай не вадыть, якъ не чуе,—
Та въ давній дуже жывъ винъ викъ. [8])
Не такъ теперъ и въ пекли стало,
Якъ въ старыну колысь бувало
И якъ покійныкъ напысавъ.

---

[1]) А ну, пора чыпчыкувать. Тамъ-же.
[2]) Визьмы въ дорогу хлиба-соли,
Щобъ не дійты до гиркой доли,
И зъ голоду не помырать. Тамъ-же.
[3]) Бо на що-серце хвистъ пидгнешъ. Тамъ-же.
[4]) Обороняты сиду лычыну. Тамъ-же.
[5]) Пишлы у гости до чортякъ. Тамъ-же.
[6]) Трохы не годи вже пысать. Тамъ-же.
[7]) . . . не гоните. Тамъ-же.

Я, може що-небудь прыбавлю,
Переминю и що оставлю:
Пысну —якъ одъ старыхъ чувавъ".

***

Эней съ Сывыллою хваталысь,
До пекла швыдче щобъ прыйты,
И дуже пыльно прыглядалысь,
До пекла дверы якъ найты. 1)
Якъ ось передъ якуюсь гору
Прыйшлы и въ ній глыбоку нору 2)
Знайшлы и вскочылы туды.
Пишлы пидъ землю темнотою,
Эней все щупався рукою,
Щобъ не ввалытыся куды.
Ся улыця вела у пекло,
Була вонюча и грязна:
У ній и въ день було, мовъ смеркло,
Отъ дыму вся була чадна.
Жыла зъ сестрою тутъ Дримота
Сестра же звалася Зивота,—
Поклонъ си перви оддалы
Тимаси нашому Энею 3)
Зъ його старою попадею,
И посли дали повелы.

***

А потимъ смерть до артыкулу
Имъ воздала косою честь, 4)
Напередъ стоя калавуру,
Якый у іи мосци есть;
Чума, війна, харцызство, холодъ,
Короста, трясця, паршы, голодъ;
За сыми жъ тутъ стоялы въ рядъ: 5)
Киръ, висна, шолуди, бышыха,
И вси мыряньськи, знаешъ, лыха,
Що насъ безъ мылости морять.
Ище-жъ не все тутъ окошылось,
Ище брела ватага лыхъ:
За смертію слидомъ валылось 6)
Жинокъ, свекрухъ и мачухъ злыхъ.
Вотчымы йшлы, тести скупягы,
Зяти и своякы мотягы, 7)
Сердыти шурыны, браты,
Зовыци, невисткы, ятровкы — 8)
Що все грызутся безъ умовкы,
И всяки тутъ булы каты.—

***

Якысь злыдни ще стоялы,
Жувалы все въ зубахъ папиръ,

---

1) Туда шобъ двери. . . Тамъ-же.

2) Прыйшлы и въ ней глубоку нору. Изд. 1808 и 9.

Прыйшлы и въ ній глыбоку нору— 1842. Принимаемъ второе разночтеніе, такъ какъ первыя два, неправильныя, оставлены авторомъ по недосмотру.

3) Типахи нашому... Изд. 1808.

4) Имъ оддала... Тамъ-же.

5) За нею-жъ тутъ. Тамъ-же.

6) За смертію у слидъ валылось... Тамъ-же.

7) Булы и наши побродягы. Тамъ-же.

Въ рукахъ каламари держалы,
За ухо жъ настромлялы пиръ.
Се все десяцки та соцкіе,
Начальныки, пьявкы людскіе,
И вси прокляти пысари:
Исправныки все ваканцёви,
Судди и стряпчи безтолкови,
Повиренни, секретари.
За симы йшлы святи понури,
Що не дывылысь и на свитъ—
Смыренной булы натуры, [1])
Складалы рукы на жывитъ,
Умыльно богу все молылысь,
На тыждень по тры дни постылысь,
И въ слухъ не лаялы людей:
На чоткахъ мыръ пересуждалы, [2])
И въ день николы не гулялы,
Въ ночи-жъ було не безъ гостей.

***

Насупротывъ сыхъ окаянныцъ, [3])
Кварталъ бувъ цилый волоцюгъ,
Моргухъ, мандрёхъ, ярыжныцъ,
пьяныцъ
И бахуривъ на цилый плугъ;
Зъ острыженнымы головамы,
Зъ пидризанными пеленамы,
Стоялы хлёркы на голо;
И панночокъ фылтыфыкетныхъ,
Лакеивъ гарныхъ и дотепныхъ
Багацько дуже щось було.
И молодыци молоденьки,
Що выйшлы замижъ за старыхъ,
Що всякый часъ булы раденьки
Потишыть парнивъ молодыхъ. [4])
И ти тутъ молодци стоялы,
Що недотепнымъ помогалы
Для ныхъ симейку росплодыть:
А диты гуртови крычалы,
Своихъ пань-матокъ проклыналы,
Що не далы на свити жыть.
Эней хоть сыльно тутъ дывывся
Такій велыкій новыни,
Та вже отъ страху такъ трусывся,
Мовъ сыдя охляпъ на кони.

---

[1]) Смыренненькой булы... Тамъ-же.

[2]) И тыхо мыръ пересуждалы. Тамъ-же.

[3]) Насупротывъ сыхъ окаянныхъ
Була ватага волоцюгъ,
Мандріохъ, фыглярокъ прытаманныхъ
. . . .
Воны стоялы на голо.
И панночокъ фелтыфыкетныхъ,
Ласкавыхъ, гарныхъ и дошпетныхъ
Багацько вельмы щось було. Изд. 1808 г.

[4]) Прынадыть хлопцивъ молодыхъ.
И ти тутъ дядыны стоялы,
Що неплодущымъ помагалы.
. . . .

Побачывшы жъ ище издали,
Яки тамъ дыва плазовалы,
Кругомъ куды не поглядышъ,—
Злякавсь, къ Сывылли прыхылывся,
Хватавсь за дергу и тулывся, [1])
Мовъ отъ кота въ комори мышъ.

* *
*

Сывылла въ дальшій путь таскала [2]) —
Не баскалычывсь бы, та йшовъ,
И такъ швыденько поспишала,— [3])
Эней не чувъ ажъ пидошовъ,
Хватаючыся за ягою.
Якъ-ось узрилы предъ собою
Чрезъ ричку въ пекло перевизъ.
Ся ричка Стыксомъ называлась;
Сюды ватага душъ збыралась,
Щобъ хто на той бикъ перевизъ.

* *
*

И перевозчыкъ тутъ явывся:
Якъ цыганъ смуглой церы бувъ, [4])
Одъ сонця ввесь винъ попалывся,
И губы́ якъ арапъ отдувъ, [5])
Очыща въ лобъ позападалы,
Сметаною позаплывалы,

---

[1]) Хватавсь за плахту и тулывся,
Мовъ одъ кота въ засици мышъ. Тамъ-же.

[2]) Передъ этимъ стихомъ въ изд. 1808 г. помѣщены слѣдующіе стихи:
Вертилыся тутъ велыканы,
Русалкы, видьмы, упыри,
Арапы чорни и погани,
Зь рогамы мовъ булы туры.
Верблюды зъ страшнымы горбамы,
И гады зъ чорнымы жаламы;
Шыпилы, корчылысь, повзлы.
Огненныи съ крылами змія,
Съ пивлоктя бигалы кощіи,
На курячыхъ ногахъ козлы.
Не наськы-же булы Горгоны,
Кентавры, Грифы, Вріярей,
Химеры, Карлы, Гарпагоны,
И жовтыхъ бугскыхъ тьма ужей;
Эней хотивъ тутъ показатысь,
Що будто винъ не зна боятысь,—
Трощыть було задумавъ чудъ;
Но за рукы його схопыла
Сывылла и одговорыла
Щобъ не заходывъ дурно въ трудъ.

[3]) И въ дальнійшій путь потаскала,—
Не скалывся-бы да ишовъ!
И такъ швыденько мандровала. Изд. 1808.

[4]) Якъ цыганъ, смуглой твари бувъ. Тамъ-же.